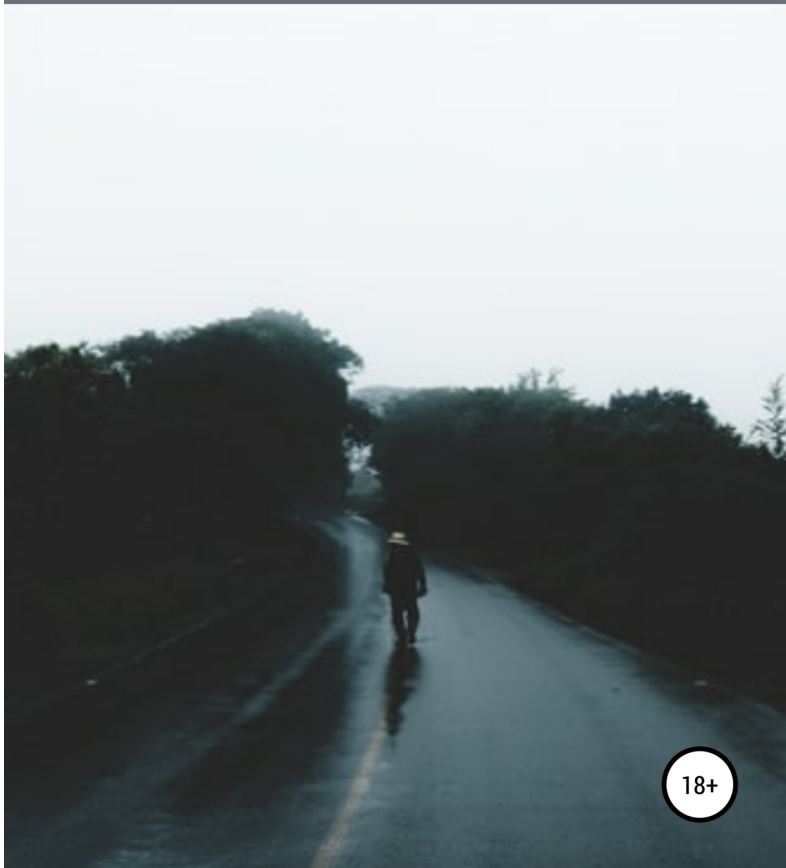

Ибрагимов И.И.

Фабио и Милена

18+

Ислам Ибрагимович Ибрагимов

Фабио и Милена

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66240792

SelfPub; 2022

Аннотация

Дети нередко идут по стопам своих родителей, именно поэтому Милена, приемная дочь Фабио, решила стать наемной убийцей, но, осознав всю ценность человеческих жизней и неизгладимые последствия их убийства, Милена отказывается от договора с Советом и навлекает на себя страшный приговор. Сумеет ли Фабио защитить свою дочь от последствий этого протеста, и какова будет цена ее свободы?

Содержание

Часть 1.	5
Глава 1.	5
Глава 2.	18
Глава 3.	23
Глава 4.	38
Глава 5.	49
Глава 6.	77
Глава 7.	82
Часть 2.	115
Глава 1.	115
Глава 2.	121
Глава 3.	142
Глава 4.	146
Глава 5.	158
Глава 6.	160
Глава 7.	166
Глава 8.	177
Глава 9.	183
Глава 10.	187
Глава 11.	208
Глава 12.	222
Глава 13.	238
Глава 14.	253

Глава 15.	274
Глава 16.	282
Часть 3.	287
Глава 1.	287
Глава 2.	308
Глава 3	313
Глава 4.	317
Глава 5.	325
Глава 6.	330
Глава 7.	340
Глава 8.	344
Глава 9.	346

Ислам Ибрагимов Фабио и Милена

Часть 1.

Глава 1.

Милена стала сиротой слишком рано для того, чтобы почувствовать себя обездоленной, ее приютил мужчина итальянского происхождения, киллер по имени Фабио. Когда он увидел, как девочка во дворе слоняется вся в грязи и следах его сердце не выдержало, ибо сам он некогда был покинутым всеми сорванцом, низринутым до статуса сиротства. Эта девочка сквозь слезы пыталась объяснить ему, что осталась совсем одна и живет теперь на улице вместе с кошечками. Она пробудила в Фабио дремлющее сострадание, и он сказал ей, что позаботится о ней, и впредь будет растить ее как собственную дочь.

Фабио даже не представлял, как объяснить дочери то, чем он занимается, пока однажды прошествии нескольких лет ей не удалось выяснить все самой, и тогда Милена изъявила желание обучиться профессии отца. Фабио протестовал, Милена капризничала, но он не смог ей противостоять. Ему при-

шлось отойти от дел не без последствий, таким образом Милена стала киллером по собственной воле.

Фабио просто поражался как Милена быстро росла. Он научил ее всему, что знал сам, выявив все тонкости своего ремесла и показав сколько смысла имеется в каждой детали. Он был свидетелем того, как она во много раз превосходила его. Милена была беспощадна и могла, не моргнув глазом перерезать глотку кому и когда угодно. Ближний бой ничуть не вгонял ее в тоску, а прицеливание через винтовку на больших расстояниях как никогда расслабляло, даруя возможность по-настоящему прочувствовать жизнь вдыхая воздух и обостряя все свои чувства до предела.

Милена всегда вспоминала отца в столь необычайные для нее минуты. Она зашла в подготовленное заранее место, на крышу одного из домов, именно здесь ей предстояло ожидать дальнейших действий, именно здесь ей представлялась возможность убить очередную жертву из винтовки, спрятанной в чехле для скрипки.

Милена приготовилась, собрала винтовку и положила ее на порог крыши который был ей по колено. Она натерла указательный палец канифолью чтобы тот не скользил и прилегла, осматривая территорию и не чувствуя того страха, который мог посетить неуверенного стрелка, и пока Милена осматривалась через винтовку, то попыталась вспомнить лицо нужного ей человека: его походку, цвет волос, кем он был, откуда должен появиться и куда уйти.

И вот нужный мужчина появился на обозрении, Милена ловко его заметила, он был осторожен, но и Милена не пренебрегала своей внимательностью, исследованием местности, подсчетом людей и наличием хвоста.

Примитивный на первый взгляд противник оказался более проворным в действительности. Не замечая за собой никого, тот безукоризненно направлял все внимание на женщин, но то была лишь хитрая уловка, которую Милена с легкостью выявила. Одаривая женщин должным вниманием, он лишь пытался как следует осмотреться.

Далее он зашел к портному, как и было заведено. Милена навела прицел винтовки прямо на стеклянную дверь, сквозь которую все еще виднелся шатающийся на одном месте противник. Теперь оставалось дожидаться пока он выйдет из здания, дабы сделать решающий выстрел и поставить точку в этом деле с той же легкостью, с которой школьницы ее возраста решают примеры.

В скором времени Милена заметила человека, находящегося за стеклянной дверью и намеревавшегося выходить. Он протянул руку к ручке двери и отпер ее. Милена глубоко вздохнула и задержала дыхание, глядя неизменно через прицел винтовки, прицеливаясь в нужную голову и всеми усилиями сохраняя невозмутимость она едва не выстрелила раньше положенного времени и внезапно, всего за пару мгновений до выстрела ее мишень застала Милену врасплох обнаружив ее.

Лицо его, объявившееся в профиль через прицел сильно смутило Милену, ей даже показалось что она знает этого человека, знает его лицо, но пренебрегая своими мыслями, Милена сосредоточилась на поставленной цели, к тому же человек заметивший ее ничуть не сконфузился от увиденного, казалось его непроницаемость была безгранична, но даже он не мог полагать наверняка какой выстрел станет для него последним. Милена дождалась нужного момента. Теперь, когда ничто более не удерживало ее она с грохотом выстрелила в противника и впервые она промахнулась.

Сложив винтовку, она побежала вниз по лестнице и должна была сократить дорогу следуя по другой улице чтобы выждать и завершить дело до конца. Осматриваясь с предельной осторожностью, Милена так и не смогла отыскать противника, с тем чтобы убить его с близкого расстояния.

Милена потерпела первое поражение и 43 дело стало для нее роковым. Всегда с самого первого своего задания она работала как часы устраняя противников, но увы ей пришлось смириться с поражением. Убедившись, что хвоста нет, она пошла домой через дворы и улочки, смотря при этом в оба.

Когда Милена встретилась взглядом с отцом, он ожидал увидеть ее счастливую ухмылку, которая бы в очередной раз возвестила о том, что дело было сделано, но, когда Фабио узрел печаль в лице Милены ему тут же сообщили это горькое ощущение непреодолимой досады и недоумевая что же могло произойти он задумался, не веря собственным мыс-

лям. Милена закрыла за собой входную дверь и не говоря ни слова начала вытаскивать винтовку из чехла сидя на корточках, после чего она сложила в тайник все оружия, которые имела при себе.

– Ты не ранена? – Спросил Фабио с отцовской бережностью, ведь он никогда не видел, чтобы Милена печалилась, в детстве, конечно, она была капризной и плаксивой, но в годы, когда она стала его преемницей в искусстве убивать, она никогда не проявляла былых чувств. Он вспомнил ту девочку, которая со слезами на глазах говорила, что живет на улице вместе с кошечками, он помнил ее, но совсем о ней не вспоминал, ведь не было в их жизни ничего печального до недавней поры.

Она встала с корточек после того, как закрыла тайник, обернулась и посмотрела на отца блестящими глазами, в которых выступили слезы. Фабио подошел к ней и приобнял дочь.

– Милена, я не сержусь, скажи, что произошло? Расскажи, что случилось? Ты убила невинных?

Он поглаживал ее волосы пока она стояла в его объятиях и дрожала от слез. Милена понимала, что не справилась с заданием и думала, что сейчас отец выгонит ее и скажет, чтобы она больше никогда не возвращалась. Милена знала, что отец ее не был таким, но почему-то всегда опасалась, что в один день он переменится к ней и возненавидит ее и сейчас было все необходимое для этого.

Милена не смогла раскрыть рта, она боялась показать, что испытывает какие-либо чувства, Милена словно забыла какого это плакать и от этого ей становилось лишь хуже, она не знала, как вести себя и что нужно делать и между тем боялась предстать слабой даже перед отцом.

Фабио отпрянул от Милены и посмотрел ей в глаза переживающим взглядом. Слезы уже текли по ее щекам, когда он спросил снова справилась ли она с заданием. Милена, поджав губы, закрыла глаза и мотнула головой боясь услышать что-либо ужасное в свой адрес, отец был удивлен, он отвернулся и присел вновь на стул раздумывая и припоминая.

– Это был не обычный смертный, – начал Фабио, – он был во многом лучше меня, я знал его лишь понаслышке, но не стал рассказывать тебе кто он такой чтобы тебя не отвлекали ненужные мысли. Совсем недавно он перестал быть частью семейства киллеров и те не смогли примириться с его уходом, они объявили охоту на его голову, но он очень осторожен. Я не виню тебя в промашке, все ошибаются в нашем деле, это не плачевно, главное, что ты не убила невинную жизнь. Я уверен ты станешь лучше после этого урока и взвесишь все свои промахи и недочеты.

Она кивнула отцу. Слезы ее начали высыхать. Они перестали говорить обо всем связанном с делами и сели за стол ужинать. Их жилище было очень скромным и отличающимся узкими комнатами, в которых находилось множество тайников и примочек. Всего за долю секунды они могли исчез-

нуть в тайные и известные только им потайные места ведь тому способствовало ограниченное пространство.

Милена, так и не проронив ни слова за вечер легла спать. Она была расстроена своей неудачей и пыталась понять, что помешало ей пристрелить того человека. Он действительно показался ей знакомым, он был очень похож на кого-то, но понять на кого она была не в силах. Он был профессионалом, и она видела, как тот оглядывался и точно подмечал каждую деталь, но ведь он не мог знать наверняка что она промахнется, может он не посчитал маленькую девочку за угрозу?

Она пообещала себе, что сделает вторую попытку, как только появится такая возможность и во что бы то ни стало она отомстит этому человеку за те слезы, которые ей пришлось пролить при отце!

И такой шанс появился на следующей неделе, Милена с нетерпением ждала отмщения за чувства, испытанные ею в тот роковой и несчастный день, отец ее сказал, что за его головой охотятся очень многие опытные убийцы, но никому так и не удалось забрать его душу. Ходили слухи что немало хороших киллеров полегло на пути к его голове. Милена была даже несколько восхищена этим злодеем, весь мир охотится за ним, а ему хоть бы что, она надеялась, что сумеет доказать всем и каждому у кого лучшие методы, усмирив этого доходягу и уложив его лбом на асфальт.

Улица пребывала в постоянном движении, после разъяснений отца Милена отправилась осуществлять долгождан-

ную месь. Солнце временами светило в глаза, но Милена все-таки удалось застать своего соперника, который шел точно тем маршрутом к банку, как и предполагалось. Оказавшись у него на хвосте, Милена следовала за ним оглядываясь по сторонам, далее ей нужно было обойти маршрут по улочкам дабы сократить путь и нанести решительный удар сбоку, мгновенно исчезнув из виду – никто и не поймет кто это сделал, а она лишь положит ему в карман свою монету – отличительный знак убийцы, чтобы в Совете киллеров поняли чьих рук это дело. Обычно полиция сообщает об убийстве посыльным, а те в свою очередь осведомляют людей сверху – как их называли многие киллеры, они и назначают цены за головы чтобы головорезы вроде Милены и ее отца, имели возможность прокормить себя.

Перед тем как свернуть за улочку, Милена заметила, как на ближайшем здании засел стрелок, который, как и всякий киллер пытался заработать себе на хлеб, но Милена знала, что раз не вышло у нее, то этот стрелок тем более не попадет прямо по цели.

Она знала, что стрелку нужно время, но убить его без причины она не могла, они обговаривали это с отцом, ведь у людей их профессии свои заморочки и без правил чем они хуже животных, убивающих друг друга?

Милена решила не сворачивать дабы не терять из виду свою цель, послышался выстрел, стрелок промахнулся, через пару мгновений, когда люди начали разбегаться, не мог-

ло быть и речи про второй выстрел, стрелок тут же убрался, тем временем противник Милены бежал не в сторону банка, а во двор улицы, где его встретили двое неприятелей намеревавшихся завершить начатое стрелком. Милена догнала его, выбегая из-за угла, он укрылся под скамейкой, и она видела, как он выпрямился, вытянул руку и выстрелил отчего Милена замерла на месте, она дернулась хотя и знала, что рука его была направлена не в ее сторону. Первый неприятель упал, а второй спрятался за детской площадкой, от увиденного Милена не могла пошевелиться.

Мужчина, ради которого она проделала весь этот путь, увидел ее, но взгляд его был страшно встревожен. Он считал, что она всего лишь невинная девочка, которая забрела сюда и не знала, что делать. Он испугался за нее и немедленно вскочил, переживая как бы она не стала мишенью для стрельбы и обратился к ней:

– Уходи, немедленно уходи! – Кричал он Милене, как дружелюбный сосед, совсем не подозревая, что она хочет его убить.

Послышались выстрелы, пролетевшие рядом с головой Милены, она не на шутку рассердилась, чувствуя кипящую ярость внутри себя. Время замедлило ход, а границы видимого расширялись. В мгновение ока она вынула пистолет и выстрелила прямо в лоб своему недоброжелателю, заставив того упасть как мешок с картошкой.

Сзади нее через арку кто-то надвигался, Милену оглушил

звук выстрела, а мужчина которого она так и не убила выскочил, подбежав к ней. Не успела Милена опомниться как он встал, закрывая ее своим телом от пуль. В это время еще двое недоброжелателей вышли из арки стреляя в разные стороны от волнения. Милена не могла двинуться с места, она была напугана до смерти, еще никогда ей не приходилось участвовать в перестрелках, она была лишь киллером из-за спины, могла подраться на ножах, но до такого никогда не доходило. Мужчина вскрикнул, ему в ляжку угодила пуля и возможно, если бы не Милена, которая не желала спасти свою шкуру, он давно бы пристрелил неприятелей с тыла.

Разозлившись, он вскрикнул и два выстрела прогремели как один. Оба обидчика упали на мокрый асфальт. Мужчина взялся за левую ногу и простонал. Нужно было немедленно в укрытие. Милена могла сейчас же убить его, но тело ее внезапно онемело, и она не могла ничего с собой поделать, как не смогла и заставить себя убить его после того, как он спас ее.

– Я помогу вам добраться до дома, скажите куда? – Сказала она, слыша себя как бы со стороны. Он посмотрел на нее корчась от боли.

– Нельзя было сразу меня послушать?!

– У нас нет времени, сейчас приедут еще одни, ваша голова дорого стоит!

Он показал куда бежать, и она взяла его под руку и потащила его чему способствовал его низкий рост. Пробежав

несколько метров, она оглянулась и заметила двоих на хвосте. Ее новоиспеченный товарищ, видя, как Милена пытается вытащить пистолет свободной рукой, обернулся, и заметив преследователей выстрелил в них, не дожидаясь их коварных действий. Милена запыхалась, бежали они, казалось, очень долго, тот вытащил окровавленной рукой ключи и отворил дверь. Жил он на первом этаже и по благоприятному стечению обстоятельств никто не видел, как они вошли.

Милена попросила бинт, ножницы, спирт и разрешила его штанину, взяла тряпку и протирая рану от крови постаралась вытащить пулю. Мужчина снял ремень и вгрызся в него подавляя крик, после двух неудачных попыток она аккуратно вытащила окровавленную пулю отчего кровь увеличилась. Милена залила спирт в рану и забинтовала ногу.

– Спасибо... – Сказал он, осматривая свой отпечаток зубов на ремне, а потом добавил:

– Ты ведь тоже могла убить меня правда?

– А ты мог меня не прикрывать.

– Как твое имя?

– Милена, а твое?

– Дмитрий. – Он немного помедлил так как новая волна боли захватила его и пошатнулся, корчась и кривляясь от боли. – Ты ведь совсем ребенок Милена, как ты можешь убивать?

Она никогда не задавалась этим вопросом, да и вовсе не считала себя ребенком, для своих лет она многое знала и по-

этому проигнорировала этот вопрос и спросила:

– Почему людям сверху нужна твоя смерть?

– Они не любят, когда кто-то уходит в отставку, я был слишком хорош, они не могли так запросто отпустить меня, мне кажется, мы ничего для них не стоим, мы лишь убийцы, преступники, которые за гроши готовы убить даже друг друга.

– Мне нужно идти, я не буду никому говорить о сегодняшнем, так что никто о тебе ничего не узнает.

– Постой, это опасно!

Она не послушалась, открыла дверь и вышла.

Во все это верилось с трудом. Милена не могла понять почему она не убила его, не понимала она и того, как он мог защитить ее? Это не было похоже на тот безжалостный мир, в котором она так привыкла и в котором временами так больно жить, поэтому-то ей и не верилось, что еще существуют на свете люди, которым не все равно.

Милена все рассказала отцу, она не могла лгать ему и не сомневалась в его поддержке и помощи. Фабио кивал, слушая о том, что произошло, а потом сказал:

– Я с самого начала подозревал, что это гиблое дело доченька, травить нас друг с другом ужасно и непристойно.

– Но ты ведь знал, знал и все равно отправил меня!

– У него нет ни жены, ни детей, он убийца, чего же ты хотела?

– Не справедливо вот так просто лишать других людей

жизни!

Фабио был потрясен слышать такое от дочери, которую он взрастил и обучил, он и сам знал как это плохо и несправедливо, но, чтобы было легче выполнять свою работу он старался об этом не задумываться и просто делал свое дело.

– Послушай меня, я не заставлял тебя избирать этот путь, ты сама выразила желание, если тебе не нравится заниматься этим так милости прошу, но у тебя нет выбора, ты уже знаешь, как это успокаивает, как это вдыхает в тебя жизнь, словно забирая чужие души ты обогащаешь свою и делаешь ее сильнее, чувствуешь себя живой и радостной.

– Я не хочу приносить несчастье в чужие жизни, я не убийца и не преступница! – Крикнула она, совсем не понимая того, что с ней происходит.

Фабио негодовал, он чувствовал боль оттого, что Милена так сильно расстроилась. Она ушла в свою комнату вся хмурая и обиженная, захлопнув за собой дверь.

Милена легла на кровать и лежала закрыв глаза без сна. Милена понимала, что не хочет делать других несчастными, раньше она совсем не задумывалась о том, что делает, для нее это было не более чем игра, но кажется только теперь для нее открылась правда и другая сторона сцены, она почувствовала себя виноватой и видела себя плохой по отношению к другим. Ее друзьями были винтовка, пистолет и нож. Милена не знала, как дальше быть, но в этот момент она ощутила отвращение ко всему что было связано с убийством.

Глава 2.

– Ты ведь совсем ребенок Милена, как ты можешь убивать? — Именно этот вопрос не давал Милене покоя в последние дни. Она скучала по своей работе, а когда отец говорил сколько прекрасных возможностей она упустила это никак не делалось ей в радость. Знала она так же что не может заниматься ничем другим, кроме этого, она дала себе слово – только преступников, только плохих людей, без которых мир станет многим лучше. Она будет лечащим врачом, искореняющим преступность, она ничем не хуже полисменов и судей, она станет палачом и кнутом для людей, у которых явные проблемы с рассудком.

Милена отмечала пятидесятое успешно выполненное дело и Фабио решил побаловать дочь, он обещал ей что сводит ее на концерт классической музыки.

– Мы испытаем на себе совсем иные чувства моя дорогая доченька, после этого музыка пленит тебя, а многоголосый хор заставит твое сердце колотиться. Ты поймешь как сильно связаны наши профессии, они точно идентичны, да мы не создаем музыку, но разве мы не слышим эту заветную песнь, превосходную сонату любви и жизни, когда выполняем наше дело? Нам открывается совершенно новый, необъятный мир и ни один музыкант не смог бы прочувствовать сего пламени, яркого костра той песни что приходит к нам, когда мы

занимаемся своей работой, когда тело работает само по себе, так же произвольно, как и наше дыхание, что нам стоит вдохнуть воздух? Так же ничего, как и лишить жизни. Мы очищаем этот мир от грязи, которая как чума разрастается по городам, без нас не было бы музыки, спокойствия и баланса.

Милене и впрямь пришелся по душе оркестр, ее поразили дирижер, что управлял ими как одним скомканным организмом, она восхитилась этой силой и мощью переливающейся в красивые звуки иногда олицетворяющие что-то неведомое для нее. Она скрашивала свои воспоминания этой песней что так захватывала дух, вспоминала и прекрасные моменты, и оплошности, без которых не обойтись, тем самым соединяя одно с другим и приобретая своеобразный баланс.

Милена принарядилась, хотя совсем не любила, сторговую одежду и платья. Она не любила быть нарядной и женственной, но отец убедил ее, что в этом есть своя утонченность, сопутствующая должному порядку. Ведь если не соблюдать все известные обряды и правила их необычного ремесла, скажем даже просто не взять с собой нож, то дело может весьма скверно закончиться и поэтому каждая мелочь всегда учитывалась, как подобает.

Все его нравоучения для дочери касались и жизни, и искусства убивать, она лишь поражалась, сколько же всего он знал. Он мог рассказывать ей невероятные истории о том, как в молодости он легкомысленно пренебрегал советами от-

ца, отчего ему приходилось постигать все пропущенные уроки на собственном опыте убеждаясь в мудрости и верности правил.

Фабио любил рассказывать о первом деле и первой жертве, которую он так и не смог убить. Эта история в очередной раз доказывала необходимость соблюдения правил и череду последствий, возникающих при пренебрежении ими.

Милена знала эту историю от начала и до конца, но Фабио подобно хорошему отцу рассказывал ей вместо сказок про свой удивительный опыт, неизменно склоняясь к первому делу возводя это дело до самого почитаемого. Милена свыклась и полюбила истории отца, ведь он всегда старался быть интересным рассказчиком способным разглядеть мудрость даже в самом простом воспоминании.

– Я кивал отцу и меня совсем не волновало, что он там мне объяснял: дистанция, хвосты, не убивай невинного – я ведь все это прекрасно знал. Я запомнил, как он мне в конце сказал: «Ты ведь забудешь все, забудешь даже как тебя зовут. Твой палец онемееет, винтовка станет холодной, тяжелой и вовсе исторгающей смерть. Тебе покажется что она выстрелит не в твоего врага, совсем нет голубчик, тебе покажется что она выстрелит в тебя, помяни мое слово, если ты не слушаешь меня сейчас же!» – так-то он сказал мне и как в воду глядел, все произошло именно так. В тот день я поднимался по лестнице на крышу здания, а там кошки шипят мне навстречу, одна и вовсе начала мочиться, все эти мело-

чи: грязная лестница, на другом этаже чья-то порванная рубашка, словно бы сдернутая с человека насильно – все это навалилось в одну кучу страшным давлением. Во рту у меня пересохло, я чувствовал себя как в пустыне, дергался при каждом шорохе, губы у меня, казалось, отсохли совсем. Я поднялся и вытащил винтовку, мы тогда носили оружие в специальных сумках-чехлах чтобы другие киллеры узнавали своих по сумкам. Нелепый я был и самоуверенный, а в итоге все вышло, как и предсказывал отец. Сердце готово было выпрыгнуть из груди, к тому же я не мог никак надышаться и совсем задышался... Что ж, я когда увидел человека, которого должен был убить, то замялся и не выстрелил, а побежал за ним пытаясь догнать его и пристрелить в каком-нибудь переулке, где никто нас не увидит. Я нагнал его и у меня появился шанс, а он обернулся на меня, выпучил глаза как овечка, жаждущая жизни, так будто он все понял, как увидел кожаную сумку и остановился. Я сказал ему что не стану его убивать при условии, что тот немедленно и бесследно исчезнет, что он и сделал... И живет себе сейчас в Америке преисполненный благодарности и пишет открытки, письма присылает. Я к нему здорово привязался, он мне теперь как брат, приезжал ведь даже пару раз, совсем изменился, он ведь когда тебя увидел в первый раз даже ахнул вовсю, ты была красавицей даже в таком раннем возрасте доченька, жаль ты его не помнишь, интереснейший человек.

– Да жалко, что не помню. – Улыбалась отцу Милена, она

любила эту историю.

Так они проследовали после концерта домой. Солнце заходило за горизонт, где-то слышались крики о помощи – работа какого-то киллера, вокруг играла музыка оркестра, которая, кажется, долго еще будет играть в головах тех, кто ходил внимать их чудной музыке.

Глава 3.

С благословением своего отца Милена отправилась на очередное задание. Фабио замечал, как тревожные мысли, посещавшие его голову, повергали его в неутолимые переживания причиной которых послужила предыстория преступника, не отличавшаяся особой хладнокровностью, но выделяющаяся беспросветностью этих скверных деяний. Потемкин Леонид был освобожден из тюрьмы, на попечении которой он пребывал долгие годы. Бывший насильник и убийца детей – он вышел на волю как свободный человек не имеющий страшного прошлого за спиной и теперь, когда ему не угрожало пожизненное заточение и смерть в четырех стенах пропитанных общим страданием заключенных вместе с той беспричинной злобой которой они повсеместно руководствуются. Он со всей святостью прирожденного преступника, ограниченного скудным разумом, нарушенным внешним миром и переконструированным внутренним взялся за старое.

У Фабио не оставалось иного выбора, если точнее он должен был согласиться на это дело, но если следовать за истинной, то ответ Фабио не имел никакого значения перед лицом Совета в данном деле. Люди сверху восхищались Миленой, они жаждали ввергнуть ее в затруднительное положение, в котором она смогла бы проявить себя без остатка.

Отвлеченный роем беспрестанных мыслей Фабио мыл посуду и пытался не думать о плохом. Он нисколько не сомневался в том, что Милена не даст себя в обиду, но как отец он все равно волновался, ведь неизвестность – это почва для рассады всевозможных переживаний. Фабио протер посуду и прислушался к странному звуку, исходящему от двери.

Убедившись, что звук исходит за дверью Фабио насторожившись отпер ее. Он опустил голову вниз и пригляделся. На полу у самого порога, опершись на руки об пол, на коленях, истекая кровью едва не лежала Милена. Фабио опустился под весом нагрывавшего на него видения, под тяжестью действительности, не выдержав беспрекословной внезапности происходящего, стрелой, вонзающейся в сердце.

Слезы потекли с его глаз. Удары сердца отбивали грудь – то была приходящая ярость, весь мир мог поплатиться за вред, нанесенный Милене, но гнев отступил со слезами, уступая место чувству вины, пропитанному состраданием и воздвигнутому отцовский любовью.

– Доченька... Милли моя доченька, что же он сотворил с тобой, я...

Фабио захватила гулкая ярость, он выругался на итальянском, что делал лишь в крайних случаях. Сердце его разрывалось, ему хотелось сейчас же отомстить и уничтожить обидчика дочери и, если бы тот был жив ему ни за что бы не удалось избежать наказания.

– Папа... – Прошептала Милена, глядя на Фабио полупу-

стыми глазами, и если бы море было чернилами, то их бы не хватило для того, чтобы описать состояние Фабио. Он понял, что раньше ему было нечего терять и он мог спокойно переносить на себе все тяготы брэнного мира, но теперь все случилось иначе. Фабио помог ей встать, Милена держалась за бок, видимо именно там была пуля или порез.

– Ты можешь идти? Иди со мной, аккуратно, вот так... Они пожалеют милая, я убью их за это.

– Нет папа... Они...

Он уложил ее на свою кровать и спросил, где рана. Она подняла футболку, это была рванная рана, нанесенная вскользь. «Хорошо, что не воткнул в нее нож...» – Думал Фабио

– Сейчас я зашью... – Сказал он дрожащим голосом, ему было многим больнее видеть ее рану и когда он зашивал ее то каждый всхлип Милены, каждая слеза и крик, который она пыталась сдержать, но не могла отзвучать в его сердце нескончаемой болью. Он и не представлял себе какого это когда твоя дочь так страдает, он хотел бы сейчас поменяться с ней местами, он продал бы свою душу лишь бы она больше не испытывала страданий.

После того как он обработал и зашил рану, то забинтовал ее как следует толстым слоем бинтов и, хотя его руки продолжали непрерывно дрожать он очень хорошо справился с задачей.

– Попозже сходим к нашему врачу, он тебя посмотрит, как

ты себя чувствуешь Милли, не кружится голова?

Приходя в себя, Милена помотала головой и выпила протягиваемый стакан воды. Дрожащими руками она отдала опустелый стакан и оглядела собственные руки убеждаясь в том, что кровь, застывшая на них, принадлежит ей. Она пошла умываться и когда Милена вернулась то застала Фабио за сборкой оружия.

– Папа, постой, я... Я справилась с заданием.

Он обернулся, взглянув на нее с недоумением.

– Но как все это произошло? – Спросил он. Милена открыла было рот, но он тут же ее перебил. – Тебе пока нельзя, лучше отдохни, если хочешь кушать, то скажи, или что-либо еще, если будет больно я куплю таблетки..., да я схожу пока за таблетками, бинтами и всем остальным, ладно?

Она кивнула и присела на папину кровать, бок ужасно болел, но она убила этого негодяя, в тот момент она даже не заметила проскользнувшего ножа, который бегло и неглубоко поранил ее. Пронизывающая боль утихла лишь тогда, когда Милена оказалась сзади своего обидчика, держа двумя руками стальную веревку, обтянутую за его шею, натягивая ее до самой белизны своих рук она душила своего противника и крик невольно вырвался из ее уст. Всего на мгновение ей показалось что оставшихся сил не хватит для того, чтобы задушить его. Милена чувствовала, как с бока потекла теплая кровь и чем больше усилий она прикладывала, тем сильнее было кровотечение. Маленький ножик выскочил у из рук

онемевшего негодяя и тот упал на колени, а затем и лицом в пол, но Милена не отпускала его, она осаждала ударами его бездыханное тело, которое должно было расплатиться за боль, причиненную ей.

Каждый кто видел Милену, истекающую кровью, проходил безучастно мимо. У толпы нельзя было отнять ее повсеместного безразличия. Милена удивлялась человеческому эгоизму, но она не отчаивалась и шла дальше покуда была такая возможность. Каждый шаг давался ей тяжелее, ноги точно увязли в болоте, ей нужно было преодолеть свою боль, идти сквозь немочь, вязкую поступь и всеобщее равнодушие. Теряя сознание, она добралась до дома, Милена хваталась за жизнь, ускользящую из ее рук, горло сжималось, конечности цепенели, надежда гасла последними огнями. Она опускалась все ниже пропорционально приближению к спасению точно нагроможденная непосильной ношей которая давила на нее сверху вниз. Не выдержав громоздкого натиска, повергавшего ее наземь, Милена опустилась на колени у самого порога собственной квартиры, ей казалось, что все осталось позади, что все закончится прямо здесь за закрытой дверью. Из последних сил она пыталась постучать в дверь, но получалось лишь скрести руками по ее холодному покрытию.

Как только отец ушел Милена прилегла на спину и закрыла глаза несмотря на то, что на дворе был ясный день. Ей ужасно захотелось спать. Почувствовав всю тяжесть соб-

ственного тела, она не могла сопротивляться этой неведомой силе и лишь надеялась, что не умрет, ведь ей совсем не хотелось умирать, она только сейчас поняла, что видела слезы отца, который был сам на себя не похож. Чуть позже Фабио вернулся и тревожно окликнул Милену, боясь, что она перестала дышать, но Милена издала вопрошающий стон и он понял, что все в порядке. Фабио положил пакет с лекарствами на стол и сел возле нее, не зная, что же делать.

– Все нормально Милли? Ты в порядке?

Она, не открывая глаз кивнула в надежде что он смотрит на нее и не станет переспрашивать. Фабио заметил про себя что не вынесет еще одного такого раза, как же он был беспечен, неужели он не догадывался что в один прекрасный день все обернется именно так? Он был ужасно зол на себя ведь это была полностью его вина, кажется ему просто необходимо найти виновных во всем этом, правда он не знал, как же может наказать самого себя? Также он размышлял что же Милене делать дальше, сердце его гулко билось, когда он представлял, что в последующих ее делах все повторится вновь, нет, он не вынесет этого больше и им нужно что-то придумать, это просто необходимо. Он был невероятно глуп ведь он мог потерять самое ценное в своей жизни, теперь он пересмотрит свои убеждения насчет Милены, ведь необходимо учиться на своих ошибках, либо готовиться к худшему.

Фабио не смог сомкнуть глаз этой ночью, он сидел рядом с Миленой на стуле и смотрел в окно временами потирая ее

люб. У нее был жар, а таблетки не действовали вопреки ожиданиям. Фабио заботился о Милене, которая прежде почти никогда не болела и не жаловалась на здоровье.

Изредка Фабио подавлял стон, который намеревался вырваться из него. Мысль о том, что дочь может покинуть его всего в одно мгновение просто не давала ему покоя, лишь ночь своим покрывалом успокаивала его и нежно убаюкивала его тревожные мысли, Фабио забывался, пребывая в очаровательном полусне, но мгновенно просыпался, вспоминая о дочери.

Фабио сильно привязался к Милене, он чувствовал, что не сможет протянуть без нее ни дня, ведь есть в отцовской любви нечто немислимое, мощное и неосязаемое. Фабио открыл для себя новый вид отцовской любви, он во что бы то ни стало защитит ее от всего мира, от каждого кто посмеет даже пальцем к ней прикоснуться.

На следующий день он приготовил ей кашу, вид у Милены был сонный хотя Фабио это казалось смешным, ведь это она спала всю ночь в отличии от него. Он осмотрел ее рану, та не сильно кровоточила за ночь и после они начали завтракать. Фабио чтобы хоть как-нибудь успокоить себя и Милену начал рассказывать ей о своих шрамах и порезах, о точках на коже от пуль и о беспощадных перестрелках и побоищах, в которых он принял непосредственное участие. Милена немного оживилась и даже пару раз наградила его сонной улыбкой, Фабио думал много ли усилий ей нужно проделать

чтобы вот так улыбнуться?

Днем к ним зашел молодой доктор, отец которого раньше лечил Фабио, а теперь, когда сын взялся за дело, отец его вышел на пенсию и лечит разве что простуду и ту коньяком.

– Бог ты мой, ты прямо копия Эрика двадцать лет назад, ну надо же, сколько тебе сынок лет? – Поинтересовался Фабио, открывая дверь.

Тот рассмеялся и стеснительно ответил, что ему двадцать шесть.

– Ну, дела, проходи тогда, у моей дочери порез от ножа, я вчера зашил рану, осмотри ее, пожалуйста.

Эдуард тщательно осмотрел рану Милены и выписал рецепт на несколько лекарств подробно разъясняя как их нужно принимать. Милена чувствовала себя неловко оттого, что ее осматривал незнакомец, но она приняла как должное эту неприятную необходимость. После осмотра Фабио попросил Эдуарда остаться на чай, ему было интересно послушать как поживает отец Эдуарда – Эрик.

Оказалось, что Эрик действительно оставил практику позади предоставляя возможность сыну утвердиться в новом положении. Эдуарду было несколько стыдно рассказывать про отца, который в данное время не занимался ничем полезным, лишь получал свою пенсию да пропивал все деньги – естественно он говорил об отце только хорошее, но Фабио знал своего друга очень хорошо и догадывался чем может быть занят лекарь на пенсии, в особенности старик Эрик.

– Для того, кто залатывает спины убийц, ты как-то стеснителен, будь проще, иначе тяжело тебе будет. – Посоветовал Фабио.

– Спасибо за совет, мне все так говорят, просто так получается. – Отвечал Эдуард, не смотря в глаза Фабио а глядя то в окно, то на пол.

– Ничего, все мы становимся наглецами слишком поздно.

Эдуард кивнул и встал, поблагодарив за гостеприимство. Он напомнил про порядок принятия лекарств, а потом вытащил блокнот из кармана с ручкой и все записал на бумаге чтобы не было путаницы. Они пожали друг другу руки, и Эдуард удалился, обходить раненных убийц.

Фабио заглянул к дочери в комнату и присел рядом с ней. Она сидела на кровати с грустным задумчивым видом напругая еле заметно свои брови.

– Станный он. – Заметил Фабио глядя на дочку, но та не знала, что ответить и лишь кивнула, не отрывая взгляда от предмета своего внимания.

– Что-то не так?

– Не знаю. – Ответила Милена и голос ее надорвался. Фабио показалась что еще немного, и она заплачет, но уже не так как раньше, а зарыдает как настоящая девушка, ревя и всхлипывая. Она добавила:

– Знаешь папа, иногда в моей жизни чего-то не хватает, а я и не знаю чего. – Ее слова отзывались в Фабио печалью из-за того, что он считал себя повинным в несчастьи дочери.

– Я бы отдал все на свете, чтобы ты никогда не грустила Милли.

– Я знаю пап, прости что я вчера заставила тебя волноваться.

– Что же ты говоришь моя голубушка? Это жизнь и от нее не стоит ждать каких-либо подарков. Знаешь... А ведь если бы я не забрал тебя к себе, мне кажется я бы был ужасно несчастен, и я благодарю Бога каждый день за то, что он даровал мне тебя.

– Пап!

Они обняли, друг друга едва сдерживая слезы, чувствуя жар от переполняющей их любви и благодарности. Фабио не намеревался возвещать дочери о своих чувствах, но ее грустное лицо отзывалось горечью в его сердце, и он был готов на все лишь бы она не испытывала той же грусти.

Она отпрянула и положила руку на бок.

– Болит немного.

– Ничего, чувствовать боль – это нормально, все мы носим ее на своих плечах, а люди думают, что мы слабые, не ведая о тяжелой ноше, которая сгибает нас все ниже и ниже.

Взяв небольшую паузу, Фабио хотелось как-нибудь обрадовать Милену и потому он ушел в свою молодость и начал думать, что же приносило ему безмерную радость в ее годы? В свои пятнадцать лет он умирал от любви к одной примечательной девушке, за которой он наивно ухаживал и даже решился однажды пойти к ней домой и сделать предложение,

но до свадьбы дело так и не дошло. Фабио умирал от горя, он играл на гитаре находясь посреди узких улиц, порой даже в переулках, а ночью он возвращался в свой мир, в котором была лишь цель и ее устранение. Ему нравилось, что, когда он принимался за дело все его мысли о ней, исчезали. Он оставался наедине с собой, в ладах с собственной головой и цена тому чужие жизни. Когда он жаждал спокойствия, то садился за винтовку на одной из крыш и поджидал подходящего момента, когда же буря эмоций захлестывалась в нем, тогда он прибегал к ближнему бою. Фабио дрался и на кулаках, и на ножах, иногда ярость настолько завладевала им, что он не чувствовал никакой боли, его били и резали, оставляя шрамы на его теле, которые будут напоминать ему о том, как слепо он жил в своей молодости.

– О чем ты задумался папа?

– Я думал о том, что же я творил в твои годы доченька.

– Ты постоянно вспоминаешь о прошлом! Неужели тебе так нравится возвращаться туда куда дороги больше нет?

Фабио взглянул на нее потрясенно.

– А ты не думаешь о прошлом?

– Нет папа, я думаю только о будущем, в прошлом нет ничего светлого.

– Ну как же это? Хочешь сказать, что, когда я закидал тебя помидорами из окна и ты еще испугалась до смерти это не было чем-то светлым?

– Ах так? Что ж, я поняла к чему ты клонишь, значит ты

возвращаешься к тем воспоминаниям, когда в гостях напротив ты облил брюки в ванной и тебе пришлось краснеть весь вечер?

– Проказница! – Они посмеялись, почувствовав то тепло которого иногда так не хватает. Их улыбки медленно сходили с их лиц, они вновь о чем-то задумались.

– Как-то даже легче стало, от всего этого. – Заметила Милена.

– От чего же, от воспоминаний?

– И от них тоже, может они и правда иногда освещают тебе путь куда-то туда, дальше?

Фабио закивал головой рассматривая стену и думая на эту тему свой ответ.

– Тебе нравится заниматься нашим делом?

Милена задумалась и не смогла найтись в ответе, кажется, будто от одной мысли об этом ее бок снова заколол, и она положила руку на рану, чувствуя, как та теплеет от воспоминаний. На ум приходила одна и та же картина как она, истекая кровью едва не лежит у собственного порога не зная откроют ли ей или так и придется умереть в одиноком тускло освещенном коридоре под тяжестью своих деяний.

Может именно в тот момент Милена соотнесла и вынесла для себя нечто важное, что засело глубоким корнем и разрослось вместе с подростковой резвостью у нее в голове? Может именно страх перед смертью подтолкнул ее на мысль, которая поджидала своего времени или же кровотокающая ра-

на ныне полученная вдруг выявила перед ней всю правду, показав тем самым какую боль она привносит в жизни других и как мучительны минуты перед смертью?

Действительно было в той минуте нечто существенное для Милены, и открывшаяся воронка правды силилась поглотить свою владелицу. Милена была слишком молодой чтобы не страшиться смерти, но слишком храброй чтобы из-за этого бросать дело всей своей жизни, здесь выявлялось нечто сокрытое и глубинное, но увы недоступное и неведомое для столь юного ума. Милене вспомнилось как Фабио рассказывал ей одну очень своеобразную сказку так тонко граничащую с ее восприятием поставленного вопроса, и чтобы хоть как-то ответить отцу Милена сказала:

– Помнишь, как ты рассказывал мне в детстве сказку про папу умершего от горя? – Спросила она, так и не ответив на его вопрос. Фабио оживился и улыбнувшись кивнул.

– Ну конечно помню, ведь это правдивая история про непослушного мальчишку, который пренебрегая всеми правилами погиб от руки того, кого сам должен был и убить. Правда сказка эта совсем не замыкается на непослушном мальчишке, она больше про его старика отца, который потерял сына и до последнего не смог поверить в случившееся. Старик сошел с ума от горя и умер в собственных слезах. Иным людям кажется, что сказка эта не имеет ни смысла, ни морали, но ведь сын пренебрег правилами, пошел по дурному пути и получил по заслугам... Так или иначе дело не только

в нем... Трудно понять, что происходит в сердце отца или матери..., может там и начинается великая скорбь за своих отступившихся детей.

– Даже не знаю почему я вспомнила об этой истории.

– Хорошая она, с возрастом совсем по-другому понимаешь те или иные истории доченька.

– Мне нравилось, как ты ее рассказывал ночью.

– Ты упрашивала меня, заставляла, извлекала из меня эту историю, как же я ее не любил в ту пору. – Посмеялся Фабио, заставив улыбнуться и Милену.

– А мне все равно она нравилась.

– Да, детям никогда ничего не надоедает... Давай сегодня поможешь мне с обедом? Приготовим твои любимые пирожки с картошкой, а?

Милена как-то по-особенному с искоркой в глазах посмотрела на него и никаких слов не требовалось более. Они готовили неспеша, Милена сварила картофель, натерла гору сыра, Фабио замесил тесто, изредка кидая горстку муки в дочку и пронзительно смеясь над этим, а Милена оттряхивала прямо на него воду, когда мыла руки. Они постарались на славу и теперь наблюдали как жарятся пирожки на сковородке яростно булькая в масле, которое изредка поплеывало им. Запах стоял чудесный и распространялся по всей квартире. Милена иногда и вовсе забывала о своей ране, но та возвещала о себе резкой болью, пульсирующей и откликающейся по всему животу и спине.

И пока солнце светило им в окно они уже всю ели дымящиеся пирожки с чаем, сметаной и вареньем, оба обожгли себе языки и показывали их друг другу, хохоча и наслаждаясь вдвойне оттого, что приготовили их вместе.

Глава 4.

Со временем рана Милены начала проходить, правда иногда кровоточила из-за ее забывчивости. Фабио и Милена коротали время и, кажется, открыли для себя новую жизнь совсем не похожую на старую. Фабио более не чувствовал неудобств от стирки и уборки комнат, от глажки и мытья посуды и Милена, глядя на отца решила во всем ему помогать и, хотя Фабио настаивал на обратном все же ей удалось добиться своего и вскоре она не чуждалась любой работы по дому.

В один из вечеров она гладила постельное белье, а Фабио вывешивал постиранную одежду. В промежутках, когда он ходил в ванную за мокрым бельем, он посмеивался над дочерью, которая неумело гладила одежду и та отвечала отцу на насмешки грозным взглядом, после чего они дружно хихикали, продолжая и дальше заниматься своими делами.

Временами к ним заходил Эдуард проверить самочувствие и рану Милены. Она действительно пила все таблетки в сроки и старалась не делать резких движений чтобы рана не раскрывалась. Эдуард стеснительно улыбнулся Фабио однажды после осмотра и потерев руками сказал, что на днях уже можно будет снять швы. Фабио сияя от радости предложил Эдуарду остаться на чай, но тот поблагодарив за приглашение отказался, ссылаясь на пациентов, которые ожидали

его. Он неловко извинился во второй раз при прощании и удалился.

– Что-то с этим пареньком точно не так. – Говорил Фабио каждый раз, когда тот удалялся. Ему захотелось проведать старика Эрика, о котором он сразу же вспоминал, стоило ему увидеть Эдуарда. На следующий день Фабио отправился к своему старому другу без предупреждения, их приятельское прошлое прощало ему такие грешки.

– Боже ты мой, Фабио, собственной персоной! как ты старина? Заходи, заходи немедленно! – Произнес Эрик, как только открыл дверь и увидел старого друга.

– Ну что нового Эрик? Неужто закончил с практикой? – Фабио присел на кресло, обитое качественной кожей и Эрик сел рядом на диван, обитый той же высококласной кожей.

– Да, да, хватит с меня этих оборванцев, сколько же я тебя не видел!

– Время летит, к нам заходил твой сынишка, мою дочь осматривал.

– Он мне рассказывал. О, боже Фабио, она ведь такая молодая, о чем же ты думал? – Спросил он, глядя на него так словно почувствовал боль при одной только мысли о страдающей девочке.

– Эрик, у меня и в мыслях не было такого исхода, она ведь никогда не промахивалась, делала свою работу безупречно.

– Она же твоя дочь Фабио.

– Знаешь, я и не думал, что все может так обернуться, мне

и в голову не приходило что однажды это все-таки произойдет.

– Ничего друг, ничего, разве кто-либо обвиняет тебя? Ты и сам рос убивая, поэтому-то ей ничего не осталось кроме как стать похожей на отца. Вон мой сын тоже не далеко ушел как видишь, весь в меня.

– Верно, все мы, кажется, думаем лишь о хорошем исходе, забывая, что у жизни другие планы, какая же она коварная штука эта жизнь, еще недавно я был лучшим в своем деле, а сейчас я отец и домосед.

– И не говори, я вон хлестал водку все свободное время как на пенсию ушел, чем я хуже пьянчуг что живут на улице? Жизни переворачиваются, недавно мы показывали пальцем смеясь над кем то, а теперь смеются над нами.

– Я слышал у тебя мать умерла год назад?

– Да, так оно и есть, не сочувствуй мне, я не сильно-то расстроен, все-таки не думал я что она так долго проживет и сумел уже усомниться в том, а переживу ли я ее? – Он расхохотался и его большой живот начал колыхаться от смеха, Фабио улыбнулся не зная, как реагировать на это, он не понимал Эрика.

– Все равно сочувствую Эрик.

– Что ж, в смерти нет ничего дурного, сколько мы живем сорок-пятьдесят лет? Кто живет семьдесят и сто живут. В молодости о смерти почти не думаешь, думаешь лишь о том или этом, «вот бы поскорее» и так далее. В средние года об-

заводишься с семьей и живешь скорей ради них, тут тоже не до смерти, ну вот я выполнил долг перед жизнью, вырастил сына, построил дом, Бог с ним, дерево я не сажал, ну а дальше мне простите что делать? Тебе повезло Фабио, твоя еще не повзрослела, да и кто знает, чем же ей заниматься если не убийством? Все-таки здесь нужно подумать, как-никак чего она сама хочет? Страшное это дело Фабио, лишать других людей жизни, я учился только лечить их, поэтому-то не понимал никогда вас, своих пациентов.

– Мы и сами не понимали, что ж сказать, если умеешь только убивать, так никуда от этого не денешься, по крайней мере мы не могли от этого отречься, как ни пытались.

– Клеймо на всю жизнь, кем родился тем и пригодился.

– Как-никак, не число убитых терзают нас, убивают нас наши же собственные мысли, в один момент, мы и сами не замечаем, как война внутри нас заканчивается и когда мы проигрываем самим себе тогда-то и наступает смерть.

– Самообладание, дисциплина, правила, вы как хирурги, ну а как по-другому действительно? Не следуешь правилам, не держишь себя в руках рано или поздно это погубит тебя, исход не изменится пока мы сами не изменим его.

– Чего ж ты так завязал с практикой? – Спросил Фабио смотря на Эрика и замечая, как он стал неряшлив и полон, как оброс седой бородкой какая бывает у бродяг на улице. Штаны на размер больше, футболка, натягиваемая большим животом, и даже видно было, как он вдыхает и пузо выпячи-

вається вперед і видихає пузо углубляється назад.

Эрик і сам не знав отчого все сложилось именно так, всю жизнь он следовал правилам: хорошему мальчику нужно учиться, хорошему мальчику нужно воевать, хорошему мальчику нужно идти в университет, а потом работать, жениться, растить детей, «теперь то хорошему мальчику что прикажете делать?» – Думал он. Осточертела ему жизнь, которую он пожертвовал ради кого-то другого, живя по общепринятым правилам, хоть и не переставал мечтать стать кем-то совсем другим, уехать подальше от всех забот и ограничений, где не будет всяческих причуд, стесняющих жизнь. Жизнью он был недоволен, но решил, что отдохнет от нее хотя бы в старости и перестанет идти на поводу у общества.

– Решил пожить для себя старик, слишком много я отдал непонятно кому, а остался ни с чем. Прискорбно не так ли?

– Мы всегда мечтаем о чем-то великом, но в итоге так и остаемся простыми людьми, сводящими концы с концами.

– Ох! – Эрик встал и подошел к столу за водкой и двумя рюмками. Старые друзья начали пить, за дружбу, за любовь, за семью, за детей, за будущее и списку этому не было конца. Фабио опьянел и не узнавал себя, он не был любителем выпить, пил он, кажется, тогда же в последний раз, когда виделся с Эриком, тот держался молодцом и несмотря на покрасневшие пухлые щеки был вполне еще трезв в отличии от Фабио. Оба молчали, точно думали о чем-то своем.

– Мой пацан сказал, что твоя дочка красивая.

– Ах, точно, а чего ж он у тебя такой стеснительный, ты его ремнем небось наказывал часто?

– Да нет, куда уж там, видимо такой вот он, получился.

– Милли ему понравилась говоришь?

– Да, вроде бы, ты бы отдал ее за простого смертного а, Фабио?

– Я бы ее никому не отдал.

Эрик хрипло рассмеялся, а Фабио сидел, смотря на пол и что-то припоминая из прошлого.

– Знаешь, я бы на твоём месте не отпускал бы больше Милену на это дело.

– На дело-то?

– Ага.

– Когда мой отец увидел, как я еле полз до дома истекая кровью, он и глазом не моргнул, мне казалось, я буду таким же отцом, но, с другой стороны, она ведь девочка, скоро уж совсем вырастит да сбежит из дому, как же я не хочу оставаться один в этой коморке Эрик.

– Может тебе жениться надо, а?

– Куда уж там, моя песенка спета, мне бы на ферму в деревню, в Италии замечательные фермы старик, просто прекрасные.

– Верю, хорошо все-таки что у меня пацан, тяжело наверно с дочерью-то, как я вижу.

– Совсем нет, просто зря я ее обучил своему делу, не могу я ей ни в чем отказывать, знала бы она как я дорожу ей,

особенно теперь, мне остается только удивляться как жизнь закрутила меня так.

– Да, дети, они меняют все.

– Кто же знал, что я так привяжусь к ней? Когда я в первый раз увидел эту бедную девчушку, в руках плюшевая игрушка, напоминающая зайца, щеки в грязи, я присел на корточки и гляжу на нее, она мне сказала через слезы что мамы больше нет и что живет она теперь с кошечками на улице, до чего искренне она выражала свои чувства и плакала, совсем не так как бродячие цыгане, я и предположить не мог сколько дней она уже скитается.

– Сирота встретила свою сироту.

– Мне ведь тогда было тридцать лет, дела шли, заказы, убийства, мне пришлось действовать вдвое осторожней, иногда всяких нянек нанимал, но так чтобы она не привязывалась к ним, период в моей жизни тогда шел не сладкий, можно сказать, что жил я просто так, чтобы убивать, но, когда она появилась в моей жизни, все поменялось, Эрик, все стало по-другому.

– Я сейчас расплачусь старик ей богу! – Говорил он без тени притворства, но Фабио словно и не слушал его, прошлое хоть и прошло но не оставляло Фабио, конечно оно не тяготило его душу и не повергало его в сожаления, напротив, ему нравилось переживать те моменты которые отпечатались в памяти, он словно смотрел любимое кино, каждый раз чувствуя себя по разному, находя что-то новое во все тех же ме-

стах и моментах.

Эрик вместе с Фабио предался воспоминаниям, они помянули прошлое, оценили настоящее и обсудили будущее. Времена меняются – именно так они охарактеризовали настоящее и в самом деле Фабио и Эрик увы потерпели колоссальные перемены в чем бы то ни было и для них это была очевидная истинна. Эрик всегда зашивал раны Фабио, а тот в свою очередь рассказывал, как же глупо он эти раны приобрел, они смеялись и совсем не догадывались тогда, что вскоре по прошествии многих лет будут скучать, вспоминая те моменты.

Фабио знал себе меру и больше не пил, а Эрик пил и не пьянел совсем, скорее выглядел лишь более усталым от жизни. Глаза его были полуоткрыты, а мечты, кажется, все так же витали вокруг головы, напоминая о том, что они все еще не воплотились в реальность. Эрик считал, что Фабио повезло с дочкой, он даже несколько завидовал ему, он не видел Милену очень давно, но даже тогда она была очень милой маленькой девочкой и не могла не пленить его сердца.

Дело близилось к вечеру и Фабио почувствовал, что ему пора домой. Он волновался за Милену и его воображение этим воспользовалось. Фабио тепло попрощался с Эриком, они даже не поскупились на объятия и договорились что это далеко не последняя их встреча. Фабио пошел домой. Солнце прощалось, окрашивая небо в оранжевый, а небеса в малиновый. Фабио не спеша и, к удивлению, не шатаясь шел

домой, вдыхая свежий ветерок что дул прямо на него. Всюду сновали люди, плененные собственными мыслями, кто-то ходил парами, другие довольствовались своей компанией, так и неспеша Фабио добрался до дома надеясь, что все в порядке и с Миленой все хорошо.

Когда он поднялся на этаж, то дверь отворилась ему навстречу. Милена встретила его и обняла, напоминая Фабио своей улыбкой о тающем солнце на облаках.

– Я приготовила нам ужин.

– Не может быть! Чем же ты меня удивишь сегодня?

Милена отвела отца на кухню и показала ему приготовленную ею пиццу.

– Ну надо же Милли, она просто потрясающая! Когда же ты научилась так вкусно и красиво готовить?

Милена покраснела, улыбнулась и пожала плечами, смотря как ее отец съедает кусок пиццы.

– Нам с тобой можно открывать собственную лавку с пиццей, ей Богу, мы подарим эту пиццу всему свету! – Оживился Фабио, восторженный и радостный, а Милена даже рассмеялась и тут же ухватила за бок, но боль быстро унялась, и улыбка все еще освещала ее лицо. Фабио был на седьмом небе и день этот все более наполнялся беззаботной радостью непривычной для их маленькой семьи.

– Я рада что тебе нравится папа, ешь, я уже одну такую съела.

Он выпучил глаза, и она широко улыбнулась, радуясь то-

му какой он сегодня странный и забавный. Милена приготовила отцу чай, и не позабыла о себе. Она стала смотреть в окно ожидая, когда остынет чай и задумалась о чем-то своем.

Фабио ощущал присутствие чего-то туманного в его душе, что витало прямо в воздухе. Быть может, это новая жизнь что скоро настанет, а может быть тень из прошлого которая вскоре нагрянет. Фабио чувствовал тревогу, но к чему она относилась он не знал, его занимала скоротечность времени, которой подвергается каждый человек проживший достаточно долго для того, чтобы заметить, как оно временами ускользает из-под рук подобно песку, зажатому в кулак, или растягивается, но теперь уже совсем редко, почти до невозможности.

Фабио прожил замечательную жизнь, безусловно, он о многом жалел, но никогда не сожалел о том, что вырастил такую замечательную дочурку. Он поглядывал на нее замечая, как она задумчиво смотрит в окно словно видит там нечто необычайное и интересное, Фабио вдруг понял, что совсем не знает склонностей Милены помимо их общего ремесла и также осознал, как мало он знает ее саму, ведь она была довольно молчалива.

Фабио не мог налюбоваться дочерью. «Ради нее я убил бы еще тысячу таких же негодяев каких убил до этого» – сказал он себе, но мысли эти словно не принадлежали ему. Что-то издавна дремлющее просыпалось в нем, тот убийца, который ушел на покой начинал пробуждаться. К чему все

это? Кажется, Фабио подозревал не без тревоги в чем было дело: «Если уж так, значит скоро придется вновь взяться за оружие» – Подвел он итог, ведь знал, что чтобы вывести Милену из списка коллегии убийц, ему придется пройти через самый настоящий ад, они могут без предупреждения объявиться и убить их, а безотчетность, неявка в Совет и на собрания лишь подтверждали неминуемость грядущего.

Глава 5.

Когда наступила ночь Фабио проследил чтобы Милена уснула и спала мирным сном. Он начал рыться в тайниках и искать оружие, а после принялся заряжать пистолеты патронами. Фабио предпочитал использовать то, что более всего удовлетворяло его прихоть. Именно два пистолета «Desert eagle 50» с семью патронами, частично покрытыми медной оболочкой, прекрасно дополняли и совершенствовали своего владельца, именно с этим оружием он мог пойти на что угодно и даже встретить смерть лицом к лицу.

После долгих лет покоя Фабио наконец-то снова ощутил эти холодные и тяжелые орудия в своих руках, он жаждал услышать звук их выстрелов и не мог дожидаться момента, когда возникнет такая возможность.

Выключив свет, Фабио сел на стул и стал смотреть в окно на двор, освещаемый фонарями. Двор был как на ладони и если кто-либо решился бы наведаться без предупреждения, то гости не остались бы незамеченными. Фабио положил два безупречных пистолета на стол ожидая и чувствуя, что они приближаются, сегодня ему предстояло потанцевать и вновь стать молодым. Фабио чувствовал уверенность в собственных силах словно знал будущее наперед. Люди, кажется, давно позабыли на что он способен, а его простой в этом деле лишь дал ему возможность перевести дух. Фабио предвку-

шал предстоящее и будто жил ради этого момента. Он не узнавал самого себя, в него словно вселился сам дьявол. Фабио не мог больше ждать и спустился вниз, взяв с собой двух серебряных крошек, несколько обойм, метательные ножи и на ходу натянул подтяжки так как раньше всегда их носил, когда бывал при делах это было его визитной карточкой и его называли: «Итальянец в подтяжках». Люди, которые подъезжали на своем черном авто чтобы покончить с ним и его дочуркой даже понятия не имели с кем будут иметь дело.

На Фабио лег свет от фар машины неизвестной марки, он стоял и смотрел на противников как лев смотрит на гиен и дал возможность незнакомцам выйти из машины. Их было четверо, те с недоумевающими лицами вышли и не успели они сообразить, что к чему как три выстрела погремели на всю улицу отдаваясь тяжелым протяжным стоном, оставляя в живых лишь последнего что спрятался за автомобилем, и как только он высунулся чтобы попытаться выстрелить в Фабио то тут же откинул собственную голову назад и повалился наземь. «Четыре» – считал Фабио. Из-за угла выехали две идентичные предыдущей машины, «пушечное мясо всегда идет в ход первым» – думал Фабио и подбежал к пустующей машине, которую только что отчистил от четырех неприятелей. Автомобили остановились и фары погасли, на улице сгустился мрак, слышалось как двери захлопнулись и вынырнул новый состав неприятелей, тем временем люди живущие в доме поблизости начали выключать свет в сво-

их квартирах, прятались в комнатах или тихо наблюдали из своих окон за развернувшейся сценой которая навсегда им запомнится, дети их просыпались от выстрелов и плакали, а родители суетились и пытались внушить им что это лишь салют, всего лишь салют...

«Четыре», «семь», «двенадцать» – Фабио перезаряжался. Он ожидал куда большего. Милена проснулась от выстрелов, доносящихся с улицы, и не понимала кто же устроил там перестрелку, внезапно ей показался знакомым звук выстрелов из-за которых гремело в ушах, напоминая ей о далеком прошлом где отец рассказывал ей о принципах оружия, поясняя все до мельчайших подробностей и в конце концов дал и ей возможность пострелять из своих пистолетов звук выстрелов которых так четко запечатлелся в памяти Милены и тогда сомнений больше не оставалось, нужно было помочь отцу.

Не много времени Милене понадобилось чтобы собрать винтовку и прикрыть отца из окна. При первом же ее выстреле Фабио даже не обернулся ведь видел все и слышал каждый шорох. Тела падали как семена на землю, а пули никак не заканчивались. Машины стояли гусеницей с открытыми дверями, а рядом валялись те, кто некогда отпер эти дверцы. Милена потеряла отца из виду и решила, что разумнее всего будет остаться дома. Внезапно в дверь начал кто-то ломиться пытаясь выломать ее. Милена бросила винтовку, вытащила пистолет и выстрелила в дверь отчего послышался глухой звук соприкосновения громоздкого тела об пол.

Фабио возвращался, ступая тяжелыми гулкими шагами и придерживая рукой плечо, в котором находилась пуля. Ему нужно было забрать все необходимое из дому и бежать вместе Миленой.

Кровь сочилась сквозь пальцы держащей плечо руки, Фабио не чувствовал ничего кроме ярости, пульсирующей в голове. Он старался прийти в себя, но стоило ему дойти до двери как он услышал чьи-то шаги и обернувшись даже не прицеливаясь выстрелил, но осекся, так как не было патронов. Ему не хотелось доставать патроны второй рукой ведь та была ранена, но гнев взял над ним вверх, и он бросил свой пистолет прямо в лицо поджидающему его неприятелю отчего тот попятился и повалился, потеряв равновесие и пытался уже было встать, как вдруг Фабио подбежал и ударил его чтобы тот вновь прильнул к земле. Фабио одним коротким движением подобрал пистолет и приставил его ко лбу лежащему и скалящемуся монголу, который пытался приподнять голову чтобы Фабио не успел зарядить пистолет большой рукой, но пустая обойма уже упала тому на грудь отчего он зарычал как безумный. Фабио был спокоен как у хирург, совершающий оперирование, глаза его были пустыми и мертвыми, всматриваясь в них можно было сойти с ума. Глядя на Фабио, ухмыляющийся монгол чувствовал себя в тисках неведомой силы, он онемел от сурового взгляда Фабио и лицо монгола с неряшливой козлиной бородкой стало послушным как у овечки, пасущейся на лугу, из него словно вытя-

нули душу.

Фабио не отрывая от того своего непроницаемого взгляда вытащил больной рукой обойму с патронами и вставил ее в пистолет капая при этом кровью, которая скатывалась по руке от самого плеча. Лицо монгола исторгало ужас, глаза смотрели в разные стороны перемещаясь с невероятной скоростью, Фабио выстрелил, и монгол подпрыгнул, отчего его взор медленно обратился вверх, провожая собственную душу последним выразительным взглядом.

Фабио встал, рука отзывалась болью, которая казалось пребывала во всех уголках его существа. Фабио чувствовал, как усталость навалилась на него точно тяжелый соперник. Он мог думать лишь об отступлении и уже ввалился в дверь переступая через труп, валяющийся под ногами. Фабио оперся локтем об стену и испугался, не видя Милены, но стоило ему подумать о ней как она тут же вышла и обратила внимание на раненное плечо отца которое было в крови. Милена ужаснулась, смотря на Фабио истекающего кровью, но она хранила молчание ожидая его указаний.

– Милена собери все вещи и оружие в большую сумку, я возьму документы и бумаги.

Милена кивнула и начала собирать все необходимое для отступления, она знала, что необходимо в первую очередь потому как Фабио готовил ее ко всевозможным сценариям, которые могли произойти.

Фабио обработал рану, отмыл ее от крови и перевязал

бинтами, затем он начал собирать документы, деньги, боеприпасы, таблетки и пару бриллиантов. Фабио взглянул на Милену, которая с ужасом и болью смотрела на него не решаясь произнести ни слова, она кивнула ему и тогда они вышли и направились к Эрику. Фабио пошатывался и дышал так словно пробежал огромную дистанцию, Милена тащила на себе большую кожаную сумку, где покоилась порядком вся их жизнь. Милена не узнавала отца и ей было не по себе от того, что им пришлось покинуть дом, в котором она выросла. Ей было жаль отца ведь он не был повинен во всем случившемся, она считала себя виновной в той боли, которую он нес сейчас на своих плечах и от этого она еле сдерживалась чтобы не заплакать.

– Пр... Прости меня папа...

– За что доченька? Тебе не за чем извиниться, ты не сделала ровным счетом ничего плохого, не грусти моя милая.

– Из-за меня...

– Нет! – Перебил он, зная, что будет дальше. – Не вини себя в том, в чем ты невиновна, твоя душа чиста в отличии от моей, если бы потребовалось я бы умер, защищая тебя мой ангел.

Она шмыгнула носом, сдерживая рыдания, моргая так часто как только могла, но слезы все равно падали незаметно на асфальт пока они шли к дому Эрика. Милена ничего не ответила так как ей хотелось слышать свой поломанной от рыданий голос.

– Я убью их Милли, убью каждого, кто встанет на нашем пути, помяни мое слово, доченька.

Они постучали в дверь. Эрик открыл, едва скрывая удивление от увиденного и кивнул им пропуская их. Он знал, что нужно делать, знал свое предназначение и долг перед другом.

Милена и Фабио зашли, а Эрик запер двери и представил гостей своему другу, который сидел на диване, но уже успел встать со стаканом виски в левой руке. Лицо его выделялось длинной бородой и усами что чернотой своей прекрасно гармонировали вместе с не менее темным плащом, накинутым на его плечи. Тот осмотрел их без удивления и не узнал в этих лицах знакомых ему. Эрик, проглотив комок в горле сказал:

– Господа и дамы, это Фабио и его прелестная дочь Милена, а этого мужчину зовут Альберт. Прошу прощения Альберт, но долг заставляет меня прервать нашу беседу и помочь другу.

Альберт пожал плечами находясь в безмолвной неподвижности, выделяясь своей угрюмой гримасой, из-за которой он выглядел бесчувственным серым пятном в квартире Эрика. Тот обладал басистым и проникновенным голосом схожим с вибрацией виолончели и подобно гипнотизеру он говорил, растягивая слова сонливой медлительностью прекрасно внушая свою мысль другим.

Фабио прилег на диван по настоянию Эрика, который вы-

тянулся перед ним осматривая рану, он прыснул сначала воду, затем водку и начал размазывать застывшую кровь на плече Фабио. Эрик вышел всего на мгновение и вернулся с маленькими щипцами. Что-то буркнув себе под нос он спохватился и вытащил очки из нагрудного кармана и надел их, пытаясь разглядеть пулю, застрявшую в плече. Эрик дышал громко, его внимание обострялось с каждым мгновением и вдруг задержав дыхание и сделав резкое движение рукой он схватил пулю щипцами и выдернул ее так же ловко как фокусник, который вытягивает зайца из шляпы. Оставалось только зашить рану. Фабио глядел в потолок напрягая челюсть от сдерживаемой боли, Милена ходила из стороны в сторону, не терпя столь длительного волнения.

– На нас объявили охоту Эрик. – Нарушил молчание Фабио.

– Я так и знал, что ты не позволишь ей больше убивать. – Отреагировал Эрик печальным тоном на это известие.

– Прости что заявился без предупреждения.

– Не тревожься по этому поводу, нам как раз делалось скучно, верно Альберт?

– Грядет немислимое побоище господ, я уверен, что вскоре власть переменит свое решение и смирится с поражением, – сказал Альберт удивляя присутствующих своей репликой. – Кровь станет нашим лунным покровом, и мы потонем в ней, убийцы будут убивать друг друга в надежде на свободу. К чему же приводят нас наши пороки? Ведь время

не пойдет вспять, а мертвецы уже не восстанут из своих могил, все мы обречены наблюдать жуткую картину спасения одних за счет других и смерти ради жизни.

– Вот и все, закончил. – Сказал Эрик замазывая рану мазью и бинтуя плечо. Фабио встал и пожал руку Эрику поблагодарив того, а также кивнул Альберту, который поднял за Фабио свой стакан после чего осушил его одним резким движением. Фабио взял сумку с вещами и повесил ее на здоровое плечо. Милена отперла дверь, и они вышли на улицу, но обернулись, когда Эрик стоя в дверях спросил:

– Я надеюсь это не последняя наша встреча старик?

– Надеюсь, что нет, но придется постараться.

– Удачи тебе друг мой, я буду молиться за тебя и твою дочь.

Эрик закрыл двери. Фабио и Милена шли вдоль пустой темной улицы, люди словно провалились сквозь землю, лишь фонари изредка скрашивали их одиночество да моль, что огромными стаями кружила вокруг фонарей толкая друг друга, садясь на фонарь, а затем взлетая вновь по кругу.

Дойдя до скромненького дома, они зашли в парадную и стали подниматься по лестнице. На четвертом этаже была всего одна дверь, в то время как на других их было по три. Фабио простучал какую-то мелодию по деревянной запертой двери и через какое-то время можно было услышать, как зашаркали тапочками по полу до самого порога. С томной медлительностью замок щелкнул, а дверь отперлась.

На них глядела пожилая женщина, которая сначала осмотрела Фабио, а затем и Милену. В глазах старушки можно было заметить наворачивающиеся слезы, но они не покинули ее глазниц и сглатывая тяжелый комок в горле та сделала над собой усилие и попыталась заговорить.

– Фабио... – Произнесла она, прикрыв лицо одной рукой. – Как же я надеялась, что ты не придешь... Там, где ты всегда веет смертью... Но я знала, что, когда-нибудь ты объявишься и у тебя случится беда, и я молилась, чтобы этой беды у тебя никогда не произошло. Ох мой милый Фабио, голубчик! Проходи пожалуйста.

Она застыла у порога указывая им рукой в сторону ее квартирки и вновь обвела взглядом Милену недоумевая кем та ему приходится.

Старушка закрыла двери на замок и провела их на кухню, где они и присели все вместе. Ей не терпелось поскорее узнать, какая проблема свалилась им на плечи и какую ношу ей придется нести вместо них. Она смотрела на Фабио выжидающим взглядом тем самым поторапливая его.

Фабио тяжело выдохнул, потер больное плечо и всмотрелся в старушку, не веря своим глазам – как же время жестоко обращается со всеми смертными.

– Петровна, это моя дочь. – Начал Фабио наблюдая за ее реакцией, та не переставала поглядывать на них и нашла нечто схожее в их лицах: от них веяло смертью. Фабио продолжил:

– Я давно отошел от дел Петровна и занялся воспитанием своей доченьки, она пошла в меня и стала убивать за деньги...

– А теперь пришло время сполна заплатить за свои деяния?

– Ты ведь знаешь я не мог иначе, это было делом всей моей жизни.

– Я удивляюсь как ты смог покончить с этим раньше, а сейчас не можешь?

– Тогда у меня было много друзей в Совете.

– Как ты мог втянуть в это свою дочь Фабио, чем же ты думал?

– Сейчас не лучшее время для выяснения причин и следствий, я пришел к тебе за помощью, а не для того, чтобы исповедаться и просить совета. – Наступило молчание, Фабио начал осматривать ее старую и совсем маленькую кухню: раковина, грязный холодильник, серые словно от пыли шторы. Фабио задумался о высказанном и решил загладить вину. – Прошу не злись на меня Петровна, ты даже не представляешь через что нам пришлось пройти и раз уж мы здесь, то ты должна догадаться насколько все плохо.

– Понимаю Фабио, извинения приняты, как зовут твою дочь? – Она обратила внимание на Милену и даже натянуто улыбнулась, не скрывая неестественность улыбки точно совсем забыла, как это делается.

– Меня зовут Милена.

– Какая она красавица, молодые люди наверно себе места не находят, вот уж уверена. Даже не представить ее с оружием в руках...

– Послушай Петровна, ты ведь и без нас прекрасно знаешь о нашем положении, я уверен ты была удивлена, когда увидела наши имена в списке?

– Ваши имена? За кого же ты меня принимаешь Фабио? Кто я такая чтобы даже слышать о таких вещах?.. Послушай, я давно тебя знаю Фабио, ты помог мне однажды и возможно внес свою весомую и очень важную долю в мою жизнь, мне некуда деваться, мне придется помочь тебе против собственной воли.

– Скажи им чтобы они не трогали Милену, скажи им, иначе у меня не останется выбора...

– Для чего Фабио? Неужели ты полагаешь что справишься с такими же беспощадными убийцами, как и ты, а потом поднимешься наверх по их головам? Ведь это просто невыносимо мой дорогой!

– Все зависит от тебя и только.

– Я поговорю с Советом, я правда сделаю все возможное, но не даже не надейся на такую мелкую сошку как я, все что они могут сделать это выслушать меня, а ведь вердикт уже вынесен. Мне жаль Фабио, но скорее всего ваши дни сочтены.

Наступило молчание, Фабио наярив брови, лицо его казалось безжалостным, он старался справиться с приступом

гнева, глаза его налились кровью. Петровна поглядывала то на Фабио, то на Милену с жалостью и страхом, ей действительно было жаль ведь она понимала в каком отчаянном они положении и знала, что сделать почти ничего нельзя, только чудо могло спасти их от гибели.

– Я постараюсь Фабио, на большее рассчитывать нет смысла, если они согласятся со мной ты поймешь это завтра и охота прекратится. Дотяните до завтрашнего дня, это все, о чем я вас прошу, остальное не в моих руках.

– Пошли Милену.

Они встали и направились к дверям, Фабио взял огромную сумку с оружием и открыв дверь стал пропускать Милену первой. Он посмотрел на Петровну, кивнул ей и пошел за Миленой вниз.

– Да поможет вам Бог. – Сказала Петровна им вслед.

Спустившись и выйдя на улицу, они очутились под мелким дождем, Фабио попросил Милену понести сумку, а сам потер плечо и вытащил один из серебряных пистолетов. Он учуял снайпера, который вероятно был за углом, стандартная позиция для снайперов – крыша и угол, так же банально как курить после обеда. Фабио почувствовал себя на месте снайпера, он словно залез в его душу. Приемный отец Фабио учил его разным тонкостям профессии киллера, но Фабио не всегда был податлив и внимателен поэтому ему приходилось самостоятельно вносить различные нововведения в свое ремесло и с помощью этих исключительных крайно-

стей он сумел достигнуть невероятных результатов, которые со временем лишь доказали свою действенность.

Неспеша они дошли до угла и остановились. Фабио не произнес ни слова, он приостановил Милену рукой которой держал пистолет и переложил пистолет в раненую руку, а здоровой взял камушек и бросил его за угол.

Камушек прокатился и Фабио считал сколько раз он соприкоснется с асфальтом и выслеживал расстояние которого он достигнет. Не успел камень остановиться как погремел выстрел, но пуля не попала в цель. Фабио мгновенно выскочил из-за угла и уже знал откуда эта пуля возникла, ему не потребовалось и секунды чтобы попасть снайперу в плечо отчего его винтовка выпала у него из рук прямо на асфальт с пятого этажа. Фабио не сомневался, что тот больше не сможет что-либо сделать, но все равно держал ухо востро.

Милену подобрала оружие и положила в сумку, после чего Фабио взял и надел сумку на себя. Они пошли дальше.

– Куда мы идем теперь? – Спросила Милену.

– Мы пойдем спать в «Высотный отель», где нас не достанут снизу, я думаю ночь будет спокойной, я буду охранять твой сон, ты должна выспаться.

– Ты тоже должен выспаться.

– Я буду охранять твой сон, буду охранять... – Милену, смотря в пустые глаза Фабио, блуждающий вид которых повергал ее в уныние, едва сдерживала слезы. Столько всего случилось за одну ночь, а ее отец все еще был немногосло-

вен, она чувствовала себя невероятно одиноко, ей впервые хотелось, чтобы отец говорил хоть что-нибудь и не замолкал никогда. Что же стало с ним теперь? Милена не узнавала его, она видела в нем убийцу, безжалостного, точного, продуманного убийцу которому не нужно ничего, кроме достижения своих целей, он может обойтись без сна и еды лишь бы защитить ее, но ведь она и сама может о себе позаботиться, ей как никогда раньше нужен был отец который поддержал бы ее.

Всем вниманием Фабио овладела цель, которая была недостижимой и невозможной. Он хотел покончить с Советом для того, чтобы его дочери не угрожала опасность. Если бы он только знал, как все изменилось, то возможно несколько бы не изменил своих намерений, даже зная что их свобода обречена на погибель и их головы всего в одном шагу от неотступной смерти настилающийся как плед, окутывающей своей хваткой, дышащей ледяным, морозным дыханием им в спины, он все равно пошел бы на это.

Они проходили сквозь темный и прохладный парк, издали уже виднелось высокое здание отеля, где Фабио и хотел провести ночь. Подошвы их обуви скрипели то о гравий, то об ломающиеся ветви деревьев, фонари то и дело освещали им путь и свет мелкими каплями попадал прямо на тропинку отсеиваемый нескончаемыми листьями на деревьях. Фабио изредка оглядывался и был бдителен, иногда он почесывал свое забинтованное плечо которые было влажным от крови.

Внезапно не заметив преграды, Милена потеряла равно-

весие и упала, вскрикнув от боли. Фабио дернулся, всего на секунду ему показалось что ее подстрелили, он заметил с какой скоростью из его головы сгнули все мысли, исчезли какие-либо звуки и на смену им пришла воцарившаяся в одно мгновение совершенная тишина. Он посмотрел на Милену и начал искать того, кто подстрелил ее. Им овладевала ярость, крик чуть было не сорвался с его уст, но не найдя стрелков поблизости он опустился к ней едва веря в происходящее.

– Милли, что произошло?

– Рана... Я упала...

– Боже мой, Милли, как ты меня напугала доченька, сейчас же вставай.

– Не могу, папа. – Сказала она и немного погодя начала трястись от рыданий, которые никак не могли в полной мере вырваться наружу. Милена не понимала своих чувств, усталость набросилась на нее отчего ей не хотелось вставать и куда-либо идти, ей хотелось лишь лежать на земле поддавшись слабости, позабыв обо всем случившемся как забываются дурные сны.

– Милли, что же я наделал моя маленькая?.. Что же я натворил? Как мог я так с тобой, мне... Не следовало тебя спасать, ты была бы так счастлива с обычной семьей, мне так жаль, что ты нашла меня, так жаль, Милли.

– Не говори так! – Выкрикнула она и вновь начала дрожать всем телом и беззвучно плакать. Она положила одну руку под голову, а второй била по влажной земле отчего листья

липли к ее руке при каждом ударе и отлипали от нее вместе с землей. Ее рана ныла от боли. Как бы ни было невыносимо Фабио он видел, как она прекращает бороться, как боль закрадывается все глубже и внушает ей свои мнимые домыслы. Небеса готовы были разорваться, но небеса безучастны, а дождь вдруг перестал идти, он лишь рассеял крохотные росинки на деревья дабы ветер подхватил их и унес с вместе с собой.

Фабио лег на землю возле Милены. Ветер обдувал сырые деревья, с которых падали мелкие капли дождя. Фабио лежал на влажной земле в своих обносках, не зная, как же ему выразить то, что было у него на душе, как же помочь своей дочери найти в себе силы и вновь поверить в себя.

– Милли что бы не случилось, что бы ни произошло, я всегда любил тебя, я всегда пытался быть тебе самым настоящим отцом. Нам нужно идти вперед Милли, нужно продолжать бороться, как бы ни было больно... Знаешь, я так не хочу терять тебя, я никогда не найду себе покоя без тебя, раньше может и смог бы, но теперь никогда. Ты осветила мой путь доченька, ты помогла мне изведать истинное счастье и разглядеть свет в этом мире, где один убивает другого, где мы бесчувственные машины, не щадящие друг друга, и воины, не считавшие себя за людей. Милли, ты превратила меня в обычного смертного, ты научила меня дорожить тобой и любить тебя, и я буду бороться с ними до конца. Мы выберемся из этой передраги, даже не думай, что будет как-

то иначе Милли, доченька моя... Разве может такой человек как я испытывать чувства? Разве способен я такое? Что же ты сделала со мной доченька? Как же все поменялось! Пока я жив, пока мое сердце бьется твое сердце тоже будет биться вместе с ним, ты никогда не почувствуешь себя в опасности, я всегда буду рядом, даже если умру, что бы не случилось, как бы там ни было я всегда буду рядом доченька, всегда...

– Папа! – Взыла Милена. Она ненавидела себя за то, что не могла сказать ничего в ответ.

– Не беспокойся Милли, освободи свои мысли от тьмы, избавь свою душу от лишнего груза, дыши так словно ничто не тревожит тебя, почувствуй, как тело наполняется покоем, а воздух пропитывает тебя и заполняет собой. Представь как ты целишься из винтовки во все свои лишние эмоции, палец твой дергается не зная как бы ему лечь поудобнее на курок, все вдруг останавливается и ты чувствуешь время, чувствуешь совсем иной мир, ты погружаешься туда, ты видишь все и вся, ничто не скрыто от твоего взора, ты объемлешь мир вокруг себя, каждая твоя мысль, каждое движение руки, каждый вдох и выдох это нечто большее в этот момент. Почувствуй его, посмотри на него с разных сторон, посмотри на себя со стороны, пойми кто ты есть на самом деле! Жизнь – река, и мы плывем по ней, мы не должны противиться течению иначе мы перенапряжемся, иначе утонем в этой невероятной силе. Освободи себя от терзаний и груза, и ты вновь увидишь цель в своем прицеле, и цель эта и есть все то, что

так терзает тебя, что не дает тебе встать, цель эта и есть ты, и ты целишься в себя. Посмотри на нее, какая она? Она сильная? А может слабая? Попробуй понять себя, понять то, что не хочешь понимать, ощути всю тяжесть, которая не дает тебе полного контроля над собой, а теперь стреляй! Стреляй в себя, одолей ее! Пойми, что вот он главный противник жизни, чувствуешь это? Нечто иное, просвет, тот самый, вот она свобода! Почувствуй, что нет ничего, что было бы нам не по силам и боль в страхе убежит от тебя, противник узрит в твоих глазах уверенность и увидит, что в тебе нет былой слабости, ему станет страшно до дрожи, он напуган как маленький зверек и уже уносится не в силах противостоять тебе. Никто не может понять откуда в тебе столько силы! Твоя просвещенность, твое превосходство над всеми становится слишком очевидным ведь ты сильнее боли, ты сильнее чувств, ты сильнее себя, Милли, ты чувствуешь это? – Закричал Фабио и продолжил:

– Почувствуй Милли, почувствуй это всем существом! – Он открыл глаза и увидел стоящую над ним Милену, увидел во взгляде ее то, что он пытался внушить ей и заулыбался довольный тем какая она теперь. Ресницы ее были влажными от слез, но в лице, в глазах ее выступало просветление, победа над собой и полное превосходство над слабостью. Милена протянула руку отцу, он взялся за нее и почувствовал, как чуть не воспарил. Она с легкостью подняла его как младенца, и он был горд до глубины души. Фабио взял сумку и сказал:

– Теперь ты готова, теперь мы их уничтожим.

Они дошли до отеля и сняли номер на самом последнем этаже, денег Фабио жалеть не приходилось, у него было немалое состояние. Они уже поднялись наверх в номер и попытались хоть как-нибудь отдохнуть. Милена пробовала сама себя перевязать, Фабио исследовал свое плечо, которое вдруг перестало болеть причем с такой дотошностью словно пытался отыскать в перевязанном плече ответы на все докучавшие ему вопросы. Рана, которая успела поостыть от боли подобно металлу, вытащенному из горна, заинтересовала его именно тем, что являлась его проводником в мир прошлого, в который он так любил возвращаться, но мутные и отдаленные отголоски минувшего нисколько не удовлетворили его. Что же он стремился понять посредством своего ранения? Может давно забытую истину или какую-то мудрость, что вертелась на языке? Этому ему не было известно. Неожиданно для себя он перескочил на противоположную сторону времени и стал размышлять о грядущем. «Неужто придется все время прятаться? Нужно сначала дождаться Петровны, а там принимать решение» – Подытожил Фабио.

Таким образом ночь незаметно размылась и Фабио вместе с Миленой так и не смогли спокойно уснуть под ее покровом. Небосвод медленно окрашивался в светлые тона. Фабио внимал открывавшемуся виду из окна который утешал его своей текучей неторопливостью. Вдруг он заметил ворону, пролетевшую у окна, что размахивала острыми угольками сво-

их крыльев и понеслась поближе к земле. Солнце не торопилось. Блеснул кончик яркого светила и окрасил небеса своей радостной яркостью. Фабио наблюдал за маленьким персиком, поднимавшимся издалека. В его голову ненароком закралась мысль что в один прекрасный момент все наладится, но разве мог он на это рассчитывать и разве не придется ему пройти через огонь и воду? Нет. Фабио слишком хорошо знал жизнь и это сладкое как персик светило не введет его в опрометчивые мечтания, которые не принесут ему ничего кроме боли и сожалений.

Милена лежала на белоснежной кровати и чувствовала, как сон накрывает ее. Вдруг кто-то постучался в дверь, Милена дернулась и подскочила к сумке, которая лежала у ее кровати. Фабио сделал жест рукой, и она не стала брать оружия. Он подошел к двери и отпер ее, даже не интересуясь о том, кто был за дверью.

С коридора на него смотрел жуткий мужчина со шрамом на лице, начинающемся от угла бровей и проходившим через глаз и нос до щеки образуя некий знак деления. Мужчина этот сжал свои губы и напряг переносицу, не скрывая своей ненависти к Фабио и при этом он внимательно следил за его реакцией, но Фабио никак не реагировал чем сильно раздосадовал человека со шрамом.

– Ты пришел убить меня? – Фабио смотрел на него полуоткрытыми и уставшими глазами, ему было совершенно наплевать на человека со шрамом, хотя он прекрасно пом-

нил, как в один день, он своими же руками оставил ему этот шрам. Фабио думал, что убил тогда этого человека, но сейчас он слишком устал чтобы хоть как-нибудь реагировать, в настоящее время ему было плевать на все и, если тот попытается убить его, то по крайней мере Фабио унесет с собой этого подлеца в могилу.

– Я столько лет искал тебя, столько времени прошло с того самого дня, когда я по твоей воле стоял на пороге смерти, как же я тебя ненавидел, я жил лишь для того, чтобы убить тебя, вставал каждое утро с мыслями о твоей смерти, я был безумно рад увидеть столь щедрую награду за твою голову, а также информацию о тебе, это добавило интриги во все дело.

– И чего же ты ждешь, хочешь равного боя?

– Я мог бы убить тебя в одну секунду. Я отомщу тебе самым извращенным способом, который только знаю.

Фабио даже не помнил имени человека, стоявшего перед ним, его память обычно не подводила его, но об умерших часто не вспоминают. Взвешивая на Фабио мертвец чудом оказавшийся оживленным пугал его своей непредсказуемостью, читавшейся в глазах. Своим внезапным появлением он застал Фабио врасплох, а воспоминания лишь посодействовали этому.

– Что ж, я весь в нетерпении узнать, что же ты для меня приготовил.

Милена, подслушивала их разговор и не понимала, что происходит, но ожидала знака, который подал бы ей отец.

– Я узнал о том, что ты обзавелся дочуркой. – Улыбнулся человек со шрамом и медленно моргнул, а когда открыл глаза, то почувствовал на своем лбу холодное дуло пистолета, которое Фабио вытащил в одно мгновение. Лицо со шрамом изумился проворности соперника.

– Почему бы мне не закончить начатое дельце приятель прямо сейчас? – Спросил Фабио с нескрываемой яростью.

– Когда я узнал о твоей дочурке Фабио, – продолжил тот с невозмутимостью. – То понял, что кто-то уже убил того тебя и отнял его у меня. Я опоздал, и ты уже совсем не тот, что был раньше, ты старый, медленный, ты предсказуем, понимаешь? Все время что было дано мне в новой жизни я не провел даром и углубился в сущность бытия, в философию, литературу и знаешь, что Фабио? Я не стану убивать тебя старичок. Нет твою милую дочку я тоже трогать не буду она здесь вовсе не причем. Я решил, что я помогу тебе черт возьми! Ха-ха-ха, да детка, а почему бы и нет? Я понял, что я лучше тебя Фаби! Своей помощью я убью тебя, своей помощью я покажу тебе что я выиграл, что остался в победителях понимаешь Фабс?

Фабио отдернул пистолет ото лба человека со шрамом и сказал:

– Я не нуждаюсь в твоей помощи, ты безумен и убивать тебя мне жалко.

– Послушай старик, твои дни сочтены, кого ты пытаешься надурить, а? Посмотри вон в зеркало или пожалей хотя бы

свою миленькую дочурку, я слышал она вся в тебя, ха-ха.

– Проваливай к чертовой матери иначе я могу передумать.

– Хорошо, стреляй, давай, ну же!

Фабио вытянул здоровую руку вперед и уже готов был выстрелить, но пистолета у него в руках не оказалось, лицо со шрамом оскалился в улыбке держа его пистолет одним лишь мизинцем, даже не угрожая тому за столь дерзкую попытку вновь лишит его жизни.

– Ну и что я тебе говорил? Это совсем никуда не годится, тебе бы переквалифицироваться или как там это у вас называется? Я столько лет жаждал этой гадкой мести, ты и не представляешь, что я из себя сделал, а попадись тебе такой же соперник как я? Нет, это никуда не годится, и ты еще прогоняешь меня? Как это бестактно Фабс, ну ни в какие ворота! Ладно, ты видно устал, я совсем «случайно» взял номер напротив так что мы теперь соседи. Ну сосед ты это, не проспи что ли все веселье. Всю работу за тебя я делать не буду, поверь уж на слово старик, ну бывай тогда, я тут. – Он указал пальцем на дверь, которую начал отпирать, затем повернувшись ухмыльнулся, помахал Фабио рукой как старому другу и вошел внутрь.

Фабио стоял на месте какое-то время под воздействием сильного впечатления, приходя в себя он закрыл двери номера, спрятал пистолет и пошел к Милене.

– Что это было папа?

– Он просто сумасшедший Милли, это просто безумие.

– Но кто это?

– Однажды я должен был убить его, но дело вышло из-под контроля и в итоге я побросал все оружия и начал бить его голыми руками. Так я и оставил ему шрам на лице, ударив его вскользь локтем и бил его до тех пор, пока лично не убедился, что дело кончено. Пульс у паренька пропал и тогда я оставил его и ушел, все произошло достаточно быстро... А сейчас он объявляется как ни в чем не бывало и вместо того, чтобы убить меня предлагает мне свою помощь... В нем что-то есть Милли, он настоящий безумец, но я уверен, что в нем таится огромный потенциал.

– Он ведь говорил, что понял что-то и стал выше этого или как-то так?

– Убить меня своей помощью? Видимо он верит в карму или что-то вроде того, но я бы на его месте просто покончил бы со всем этим одним выстрелом и не пожалел бы никого.

– Ты просто устал пап, ты не такой. Давай поспим пока есть время, а после разберемся со всем.

Солнце продолжало медленно подниматься в небе освещая комнату, в которой постепенно увеличивались тени и становилось светлее. Тем временем лицо со шрамом сидя в своем номере медитировал на резиновом коврике пока вокруг дымились благовония. Он изредка словно жаба верещал излюбленное «о-о-м» точно вошел в транс и гулял по просторам вселенной стараясь при этом отвлечь свои мысли, но воспоминания все равно лезли к нему в голову. Лицо со

шрамом думал, что вернет долг судьбе за то, что она даровала ему второй шанс и новую жизнь, ведь для него действительно оказалось чудом то, что он очнулся в больнице после того, как его чуть было не убили. Он помнил, как впервые взглянул на собственное лицо, изуродованное шрамом и от этого на него нахлынули воспоминания о том, кто и как этот шрам ему и оставил. Он начал новую жизнь и стал искать своего обидчика дабы отомстить ему, но неожиданно для себя он обнаружил одного монаха и жизнь его резко изменилась. Монах был старым как жизнь и в нем прослеживалась житейская мудрость, которая, порой, так необходима страждущим духом и потерянным в этом большом злобном мире. Впоследствии он провел с этим монахом целый год после тяжких стрельб и поисков себя. Монах сказал ему: «чтобы освободиться от страстей, гнева и чувств ты должен простить того человека, который причинил тебе боль, ты должен быть выше и благороднее, ты должен помогать, а не убивать», и лицо со шрамом понял, что необходимо помочь Фабию и его дочери и в этом-то и обнаружилось его предназначение. Он поможет ему и тем самым освободится от страстей своих и познает истину!

– Да черт возьми, я познаю дзен, я помогу старикашке с дочуркой, какой же я мать его благородный, нет ну правда! – Сказал он своему отражению в зеркале.

Он поглядел на фотографию старика монаха, которую всюду с собой носил, для него тот был более чем человек,

отец или кто-либо еще. После его уроков он чувствовал себя на шаг впереди в чем бы то ни было: был быстрее, выносливей и верил что силы его никогда не иссякнут, хотя в душе своей он все еще ощущал тот якорь что не давал ему познать всю сущность мироздания и порой от этого к нему приходили дурные мысли: «но как же так черт его? Напал на меня он, а я теперь должен отдуваться?» – Он понимал, что это несправедливо, но ему нельзя было думать подобным образом и он больше не делал этого ведь просвещенный не должен позволять дурным мыслям брать над собой вверх. Он должен быть выше добра и зла иначе это погубит его.

Он поклонился фотографии с монахом и даже всплакнул, а потом рассмеялся и сделался серьезным. Он начал ходить по комнате, такой доле ему неизведанной и странной, ему нужно было чувствовать все и вся. Он вытащил дробовик и начал ходить с ним чтобы вновь понять как устроена жизнь и как устроена смерть, дабы всегда помнить о том, что на самом деле люди не умирают. Безумие помогало лицу со шрамом, и он знал, что оно окрашивало его жизнь в разные цвета, в то время как всему миру так не хватает красок.

– Интересно его дочурка тоже просвещенная, а может она и того лучше? – Он был в нетерпении поскорее увидеть ее. Он жаждал наконец начать бойню и разгромить все, сломать, расстрелять всех и вся. Он чувствовал своей просвещенностью что вскоре появится такая возможность и очень скоро он познает настоящий вкус крови и сможет освободить жал-

ких непросвещенных людишек от оков их нечестия, он пустит их скитаться по недрам вселенной и подарит им свободу очистив их карму.

Глава 6.

– Вставай Милли, они уже близко. – Сказал Фабио подталкивая за плечо Милену.

Фабио начал доставать оружие и готовиться к предстоящей бойне.

Зрители и слушатели рассаживались по местам толпясь у входа. Музыканты держались за инструменты как за спасательный круг, дирижер давал последние наставления ученикам и коллегам. Многих терзали сомнения и неуверенность, и лишь опытные музыканты стояли с поднятой головой, величаво взирая в сторону, на тот путь что предвещал им неминуемую славу. Слушатели расселись наконец по местам, тем временем скрипки, виолончели, флейты, трубы, пианино и сами музыканты на сцене приготовились, ожидая команды дирижера. Зал не смолкал, но стремился к тишине, постепенно гул затихал и со временем воцарилась приятная тишина, кто-то покашлял два раза и после этого тишина возобновилась, вновь утвердившись в зале. Наступила пауза, которая длилась долгое время. Все затаили дыхание.

В номер к Фабио и Милене кто-то постучался.

– Я так и не представился вам мой уважаемый и ненавистный друг, можете нарекать меня Сергеем, чувствуете это верно Фабс? О, а это ваша дочурка? Какая прелестная! Уверен она мне и пары слов сказать не позволит, вот уж уверен!

Ха-ха, ну ладно, мы будем отличной командой, это точно, прямо в яблочко.

– Ты все еще здесь? Надеюсь, не будешь мешаться под ногами и не словишь пулю при первой возможности... – Сказал Фабио.

– Ах, ну зачем, зачем же ты так со мной мой милый, мой голубчик? – Загримасничал Сергей, вытащив дробовик правой рукой и выстрелив куда-то в коридор не прицеливаясь. Фабио услышал шаги.

Представление началось, музыка заиграла.

Концерт начался.

– Милли прикрывай с окна, будешь на винтовке! – Выкрикнул Фабио, вместе с Сергеем они выдвинулись к лифту переступая через труп возлежащий неподалеку.

Золотые двери лифта с серебряным узором, игравшим на свету, открылись, и Сергей тут же выстрелил в ничего не ведавших вооруженных людей, которые тут же с грохотом повалились на пол отчего лифт съехал вниз, повиснув между двумя этажами.

– Лестница! – Заметил Фабио.

Лестницы в отеле находились по обе стороны лифта. Фабио встал у той, что находилась справа, Сергей слева. Из дверей нескончаемым потоком выбегали противники, которых тут же поджидала заветная пуля, двери уже не закрывались от тел, которые скопились в них, с лестницы летели пули, выбивавшие штукатурку в стенах, поднялась пыль.

Дирижер властно поднимал руки вверх и низвергал их вниз, он весь напрягся и заставил оркестр прочувствовать это напряжение. Музыка лилась, переливалась, выстреливала, звучала целым потоком или же всего лишь мелким то-неньким звучанием. Голоса сменялись, то были голоса инструментов что точно в танце менялись партнерами на ходу. Толпа в зале слушала и внимала, не издавая ни единого звука. Кто-то смотрел на спину дирижера, кто-то на его нескромную лысину, блестящую со сцены. Чувства сменяли друг друга, люди понимали музыку по-своему и каждый момент таил для них что-то свое. Дело близилось к развязке, все включая музыкантов жаждали концовки.

Фабио пошел в номер перезаряжая пистолеты на ходу. Сергей встал у лестничных дверей, в его руках было два обреза, он охранял проход пока Фабио собирал вещи.

Спускаясь по правой лестнице, они осторожно ступали по каждой ступеньке пытаясь застать врасплох затаившихся киллеров. Снизу слышался шорох и шепот. Фабио выглянул через перилу и выстрелил несколько раз, его едва не задела пуля, которая чудом от рикошетила от перил в сторону. Сергей направился, прямиком вниз опережая остальных и потерялся из виду. Выстрелы его дробовиков раздались по всем этажам страшным ревом подпитанным эхом лестничной площадки. Фабио вновь выглянул и прикрыл Сергея, к которому подступал сзади появившийся партизан. Когда Фабио и Милена догнали Сергея, у черного входа уже валялась

груда людей пытающихся вобрать в легкие последний глоток воздуха. Выйдя из здания отеля, они наткнулись на машину что стояла, поджидая у черного входа. За рулем сидел один из тех дилетантов что лелеял надежду увезти на этом автомобиле головы двоих, но теперь уже троих почтенных киллеров, которые могли в одно мгновение наказать зазнавшегося любителя.

Сергей подбежал к машине, открыл дверцу и вытащил ожидающегося недотепу, у которого, казалось, перекрыло дыхание от одного их вида. Сергей выхватил у него оружие.

– Проваливай к чертовой матери дружок, пока я не отстрелил тебе...

Не прошло и секунды как его и след простыл, порой страх наделяет силой даже слабых.

Сергей сел за руль, Милена села сзади а Фабио спереди. Сергей не стал медлить и уехал до того, как из-за угла выехала машина полиции, и они, оглядываясь по сторонам выдохнули с облегчением.

Музыка прекратилась, возбужденные и восторженные зрители бросились бить в ладоши аплодируя чуть не до крови от прекрасной, невероятной музыки исполнителей. Дирижер повернулся к залу, у него были длинные кудри волос по бокам, выделяющиеся скулы и худое лицо несмотря на то, что тот обладал небольшим выпирающим животом, отъеденным на званых вечерах. С лица его тек пот и дышал он очень часто. Он распростер руки и зал заревел с еще боль-

шей силой. Поклонившись два раза и выпрямляясь на третий, его вдруг начали забрасывать букетами различных цветов и кричать ему о том, чтобы он женился на такой-то, что он виртуоз и самый настоящий гений. Аплодисменты поражали так же, как и музыка что заставила публику так бурно реагировать. Дирижер обвел всех взглядом слева направо и по его лицу можно было понять, что он был на седьмом от счастья и ему совсем не хотелось прощаться с этим прекрасным чувством.

– Куда поедем, Фабио? – Спросил Сергей.

Фабио промолчал.

– Пап?

– А? Езжай пока прямо, не знаю куда соваться, кто-нибудь ранен? – Убедившись, что никто не ранен Фабио продолжил:

– Поедем из города на природу, там намного лучше получается делать свое дело, как я понял Петровна не смогла уговорить Совет помиловать нас Милли, придется идти на рожон.

– Ха-ха, вот это по мне Фабс! Самое то, вот это я понимаю старик разошелся! – Произнес Сергей, подпрыгивая на месте и следя за дорогой.

– Какое-то время мы сможем выиграть если будем за городом, они ведь не всезнающие пап. – Заметила Милена.

– У людей сверху свои связи и они точно узнают, что мы покинули Петербург, думаю, один или два дня у нас есть, смотря куда мы подадимся.

Глава 7.

Дорога не заняла много времени и, не доезжая до Выборга, они остановились в Черкасово где старый друг Фабио держал отель «Бревнышко» у самой природы. Близился вечер, машины по одной проезжали по трассе, деревья шумели листьями, воздух был чистым и приятным, трава шуршала под их ногами пока они наконец не дошли до отеля, который был полон огней и выделялся необычными коттеджами.

– Добро пожаловать в наше уютное гнездышко, чем могу быть полезен для вас? – Поприветствовал их администратор отеля.

– Добрый вечер, управляющий в отеле? – Осведомился Фабио.

– Да, одну минуту.

Двери лифта открылись и оттуда выглянул полненький человек с очками и сигарой, которая выпускала толщу дыма заполняя собой все пространство точно кусок благовоний.

– Энрике!

– Фабио! Боже мой, я не ждал тебя увидеть еще лет сорок. – Энрике рассмеялся басом.

Обнявшись и похлопав друг друга по спине, они отпрянули и начали разглядывать перемены происшедшие в каждом из них за долгое время.

– Как ты вымахал Фабио, чему обязан твоему визиту?

Фабио улыбался ему, но после этих слов улыбка исчезла с его лица.

– На меня охотятся Энрике, я в опасности и мне очень не хотелось ввязывать тебя в это дело, но мне нужно всего пару дней.

Энрике выдохнул и покачал отяжелевшей головой принимая важное решение и почесывая усы на верхней губе.

– Плевать мне Фабио на людей выше, на охоту, на киллеров, ты благородный человек и если я могу как-то помочь тебе, то какого черта мне этого не сделать?

– Спасибо дружище! Это моя дочь Милена, ты вероятно не слышал о ней?

Милена подошла поближе к отцу, и он обнял ее здоровой рукой.

– Вот уж не думал, ты здорово меня удивил, то-то я смотрю морщинки у глаз, а? – Он хохотнул, и дымящая сигарета затряслась. – Твоя дочка просто прелесть, мне даже не нужно знать ее чтобы заявлять об этом, с таким отцом она не пропадет.

Сергей подошел и протянул руку дабы познакомится с Энрике, тот пожал ее и кивнул.

– Очень приятно, как говорите вас зовут?

– Сергей.

– Кого-то вы мне напоминаете Сергей, впрочем, не важно. Пройдемте я проведу вас в ваши номера, с меня лучшее обслуживание, завтраки, обеды и ужины. Вам нужно, пола-

гаю набраться сил, так как предстоит немало работы? Ох, как обошлась судьба! Ты ведь расскажешь мне Фабию как обстоят дела? Вот уж интересно что же там такого произошло чтобы тебя взяли на мушку чертовы Верхние.

– Конечно, дай только время.

Энрике отдал им ключи, и указал на пару двухэтажных коттеджей, они с Фабию горячо пожали друг другу руки и договорились завтра же выпить чего покрепче. Энрике пожелал им приятного отдыха и пошел по тропинке, которую скрывали растения.

Фабию с Миленой зашли в милый и уютный коттедж, где на стенах висели копья, мечи, пистолеты, винтовки, по паре на каждой стене крест на крест. Они разложили вещи и посмеивались над историей, которую рассказывал Фабию об Энрике, а после вышли из номера на ужин, Сергей присоединился к ним.

Ели они быстро, в отдельном домике столовой, не думая ни о чем так как сил не оставалось, а после заметили на улице костер и решили присесть у костра после плотного ужина.

– Фабс, что же дальше? – Спросил Сергей.

Костер плевал и выстреливал, Фабию смотрел на него и языки пламени отражались в его глазах, ему нечего было ответить.

– Ничего, покуда есть время будем готовиться к следующему натиску. Я думаю, вскоре нам придется нанести первый удар и поехать в Совет чтобы пристрелить их, оставив

в живых лишь тех, кто готов к переговорам. Я намерен вытащить с небес этих зазнавшихся, высокомерных людей на землю и заставить их жрать ее.

– Ох-хо-хо ну и дела! -Хохотал Сергей.

– Милли, с тобой все в порядке? В последнее время ты слишком молчалива даже для себя. – Волновался Фабио.

– Я не понимаю папа, почему чтобы перестать убивать, мы должны всех убить? Почему чтобы освободиться нам нужно идти на такие жертвы? Почему эти люди хотят нас убить? Неужели и мы раньше были такими?

– Боюсь, что да доченька, мы были именно такими, вон посмотри на этого со шрамом.

– Я все слышу! Как тебе не стыдно так обо мне говорить ты невоспитанный старикашка, я ведь олицетворяю собой самопожертвование в отличии от тебя хладнокровный убийца!

– Ты просто сумасшедший, но стоит отдать тебе должное ты великолепно справился в отеле.

– Это цветочки, я еще не вошел в кураж мой дорогой, это было так, налегке.

– Скромности тебе не занимать, как же ты додумался стать тем, кем ты стал после того, как я не справился и ты выжил?

– Ты сам указал мне путь, я начал убивать и жил ради мести, но после я нашел своего Наставника, который помог мне понять ради чего мне был дарован второй шанс, и я встал на путь истинный как чертов святой.

– Тебе даже не интересно кто тебя заказал?

– Будто ты знаешь старик... Мне плевать, я перебил всех, кому могла быть выгодна моя смерть, я больше не тот мальчишка, которым был, я как гусеница, переродившаяся в бабочку, все поменялось и жизнь моя тоже, я сейчас там, где должен быть и все идет так как было предписано.

– Видно много ты понял за то время, которое прошло. Сказать, что жалею о том, что попытался убить тебя? Мне кажется, это ни к чему ведь я уверен в том, что ты доволен исходом и сейчас ты точно выразился: ты там, где и должен быть, но так ли это на самом деле?

– Мечь не даст мне свободы, она давала мне то, что другие эмоции дать не могут, она сыграла свою роль там, где ей было место Фабс. За то время, которое я скитался по миру, не понимая ни самого себя ни других, мне удалось найти ответы на те вопросы, которые долго мучали меня, я переродился и понял наконец как устроен этот мир, я задолжал тебе, если бы не ты... В конце концов я стал бы бродягой и бедняком, но я обошел свою судьбу.

– И кто же ты?

Сергей не торопился с ответом, он смотрел на темное небо без облаков и на сияющую луну, которая еще бы немного и была бы полной, а также на траву и деревья, окружающие их и наконец на костер.

– Вероятно не каждый способен объяснить, но я тебя понял, – сказал Фабио. – когда ты становишься убийцей, то но-

сишь на руках следы крови, которые кажется, никогда не отмоются, ты и не задумываешься что да почему, тебе плевать на себя и на других, да и у каждого в жизни свои приоритеты, стоит тебе что-то понять, стукнуть себя по голове как ты просыпаешься с осознанием всего после долгих лет забвения, после всего что натворил, вот они и последствия.

– Пап, лучше поздно чем никогда. – Сказала Милена.

– Дело не только в осознании бытия и так далее, важно ведь понимать ради чего все это, понять истинную сущность дьявольского мира, ведь не зря же нам дана жизнь, мы тут горбимся ради чего-то? – Рассуждал Сергей.

– Всегда есть причины для того, чтобы жить, но смерть как тень в знойный день всегда стоит рядом с распростертыми объятьями и кто знает если бы не обязанности, не стыд, не оковы, все так бы и примкнули к ней раньше времени, не растягивая свой тяжкий удел.

– Неужели ты из-за этого старик так себя вел при нашей встрече, думал я тебя прибыю и поделом?

– Скорее ты устроил представление, в котором я невольно принял участие.

– Не называй это так! Боже никакого уважения к моему дьявольскому самопожертвованию, может мне тебе на руку еще пару монет присыпать на подобии «о мой Фабио для меня большая честь услужить тебе, целую тебя в задницу, а теперь в лоб, спасибо, спасибо, спасибо!».

Фабио не сдержал улыбки, как и Милена, Сергей посмот-

рел на них и расхохотался вместе с ними.

– Он точно чудак, папа. – Заметила Милена.

– Я ведь говорил. – Сказал Фабио смахивая слезу со щеки.

– Сами вы чудаки, я просто до боли правдив, да и все тут.

Все трое замолчали.

Сергей не находил себе места и не мог сосредоточиться несмотря на его навыки медитации и концентрации. В данный момент в нем бурлила энергия, которую ему было куда девать.

Пейзаж что открывался ему был невероятен, ночью зелень листвы, казалось, то темной, то светлой и такой успокаивающей что ему невольно хотелось чего-то точно мальчишке, которого усадили за стол заблаговременно и никак не накрывают и не подают долгожданного обеда. Сергей удивлялся неразговорчивости Фабио и Милены и это в равной степени подпитывало его неусидчивость и досаду.

Фабио волновался, думая о будущем, воображая бойни и стрельбы, которые вскоре, возможно, застанут их врасплох. Милена же воображала себе будущее, в котором они с отцом живут счастливо после всех трудностей, которые так беспокоят и тревожат их сейчас, ей виднелось как они будут веселиться, вместе готовить, поедут отдыхать на море или путешествовать по земле смотря на зеленые горы и деревья похожие издалека на маленькие кустики в горах, будут пить родниковую воду и увидят крепости с руинами и деревушки с их жителями, в конце концов будут просто жить вместе и

наслаждаться каждым мгновением.

– Какие же вы скучные! – Сказал Сергей весь подрагивая от длительного молчания.

– А может это ты слишком много болтаешь? – Поинтересовался Фабио.

– Ты в последнее время тоже какой-то неразговорчивый пап.

– Ха-ха, все друг на друга, что ж, мне это начинает нравиться.

– Подожди Милли, как это не разговорчивый?

– Неужели ты не замечал? Ты стал прямо как я, ни слуху ни духу, весь в себе, я думала ты размышляешь о чем-то важном.

– Я и не замечал этого... Похоже, во мне проснулась былая молчаливость.

– Старость это, а не молчаливость, ха-ха, ну да ладно, ладно, я просто болтун. – Усмехался Сергей.

Фабио смотрел на него с досадой, и Сергей прочитал это в его взгляде и засмеялся.

– Я много раз замечал на себе этот взгляд старик, можешь не сомневаться, знаешь, зато со мной не умрешь со скуки мой дорогой Фабс.

– До встречи с тобой мое имя никто не осмеливался коверкать, шрам ты недорезанный. – Выговорил Фабио сомкнув зубы.

– Ха-ха ну прямо таки пуля в сердце, ты ведь знаешь ста-

рина мы с тобой связаны по самое не хочу, ты в ответе за тех кого пометил, ха-ха, все Фабс, теперь я тебе как брат, черт его, жаль учить тебе меня нечему ведь я мать его просвещенный, я как ученик превзошедший учителя, вот так-то.

– Интересно что бы на этот счет сказал твой Наставник? – Спросил Фабио и затем, замечая, как тот покраснел продолжил: – Видимо не всех-то ты превзошел молодой ты наш.

– Не важно! Так или иначе, я научился очень многому и не каждый смог бы увернуться от моей пули и тем более уйти живым с поля боя.

Милена несколько смутилась, вспоминая как однажды промахнулась, она не любила припоминать этот день и все что с ним было связано.

– Гордыня никогда не была преимуществом, а выживший враг как ты знаешь на собственном опыте может оказаться и другом. – Изрек Фабио.

Сергей был озадачен этим аргументом и лишь кивнул головой смотря на костер и помышляя о чем-то своем. Фабио удовлетворился молчанием собеседника, понимая, что тем самым он заставил Сергея задуматься.

– Может ты иногда можешь вывести из себя, но есть в тебе что-то. – Добавил Фабио.

– И на том спасибо, рад что я для вас не мешок с дерьмом, путающийся под ногами. – Пробурчал Сергей.

– Думаю всем нам пора отдохнуть, денек был не скучный. – Подытожил Фабио.

Втроем они побрели в свои жилища, находящиеся друг против друга. Фабио и Милена, зайдя внутрь долго не могли найтись в том, как включается свет в коридоре и поэтому досадуя они прошли в гостиную, где было многим легче включить освещение.

– Ты не устала сегодня Милли? – Спросил Фабио который при тусклом свете выглядел старым и измучанным. – Как твоя рана?

– Все в порядке пап, все-таки я молода, меня скорее волнует твое состояние и плечо.

Фабио взглянул на свое плечо и выругался не столько от неожиданности, сколько от обыкновенной усталости. На его плече была кровь.

– Сейчас тогда схожу в ванную.

– Хорошо, не потеряйся. – Подшутила Милена.

Милена присела на диван, ее заинтересовала картина что висела на стене прямо перед ней. На картине была изображена женщина, одетая по моде девятнадцатого столетия, она держала в руках зонт и прикрывалась им от солнца. Позади нее можно было разглядеть деревья, на которые падал солнечный свет, тени деревьев ложились на мягкую светло-зеленую траву темными лужицами но все внимание было приковано к женщине и разглядывая ее Милена не могла понять что же было в этой женщине такого? Почему она выглядела так красиво и правильно точно святая? «Разве так все бывает?» – Спрашивала себя Милена. «Все ли должно быть та-

ким же правильным каким было раньше?» – Отступилась от темы Милена рассуждая вслух.

Милена вдруг вспомнила как едва добралась до дома в тот роковой для нее день, когда ей нанесли первое в жизни увечье и следом вспомнилось как она впервые промахнулась. Вдруг плохие воспоминания нахлынули на нее, а она и не заметила этого и припомнила также, как она промахивалась на уроках с отцом, когда только-только пыталась разобраться в оружии и не имела того опыта, которым обладала сейчас. «Может все и впрямь так и должно было случиться, или же все это произошло случайно, само по себе?».

Тело Милены потяжелело от груза мыслей, глаза ее то и дело закрывались, но она не хотела засыпать, не дождавшись Фабио и поэтому боролась со сном смотря на красавицу девятнадцатого века, которая расплывалась на глазах.

– А ведь я совсем не помню своих родителей, – прошептала она этой картине, находясь между сном и реальностью. – Может так даже лучше? Я люблю своего папу, и чтобы он ни говорил, как бы он ни поступил я всегда буду любить его, за его доброту, за то, что он помог мне стать той какой я являюсь сейчас. Может все это и правда было predetermined ради чего-то большего?

Послышался скрип деревянных лестничных ступенек, это был Фабио который застал Милену, погружающуюся в сон.

– Чего же ты ждала надо было спать идти.

– Все нормально, просто хотела посидеть здесь и поду-

мать.

– О чем же это? – Спросил он присаживаясь рядом.

– Как ты думаешь, все случилось по случайности или же все было predetermined и случилось то, что должно было случиться?

– Случайности не случайны моя дорогая, ведь шагни ты в тот самый день, когда я нашел тебя в другую сторону, мы может и никогда не встретились бы и ты была бы моей соседкой и играла бы не с винтовками, а с игрушками. Случайность – это слишком просто доченька, для такого сложного мира как этот.

– Ты хочешь, чтобы все это закончилось пап?

– Ну конечно же! Я бы хотел, чтобы это и не начиналось, но видно это то, через что мы должны с тобой пройти, как путники, проходящие через дырявый расшатанный мост, они не знают какая из ступенек будет для них последней, но им нужно перейти через мост, чтобы начать новую главу в своей жизни.

– Но почему же другие должны страдать из-за меня, ты и Сергей, ведь я решила закончить с убийствами, почему у них нет суда, или какого-нибудь правильного исхода для таких людей пап?

– Ты либо работаешь на них, либо платишь за все убийства и кровь, которую пролила. Некогда я и сам задавался этим вопросом, это очень несправедливо что тебе приходится делать выбор в пользу охоты на собственную голову,

но у нас просто не было другого выбора, для них твоя жизнь или моя ничего не значат, все мы лишь букашки, сражающиеся за право на жизнь, гладиаторы, которые пытаются либо заработать свободу, либо ее продлить. Знаешь Милли, всем иногда приходится страдать ради какой-либо высшей цели, мать носит своего ребенка в животе целых девять месяцев, понимаешь через сколько страданий ей предстоит пройти за все это время? Я люблю тебя Милли и я хочу, чтобы с тобой было все хорошо, я даже сам порой удивляюсь как сильно привязался к тебе, ты для меня это все, как и для любого отца их дети. Мы готовы проходить сквозь непреодолимые трудности, мы как сражающиеся за нечто благородное, что в конце концов образует мир, счастье и радость. Всем нам бывает трудно Милли, иногда по нашим головам ходят, по нам стреляют, нам всегда будет больно, и мы будем вытирать слезы и идти дальше, как некие безумцы. У кого-то не останется иного выбора кроме как сдаться больше не в силах противостоять несправедливой и жестокой судьбе, не всем удастся выбраться из порочного круга живым. Мы теряем самых близких для нас людей, теряем друзей что были рядом все время, мы проходим через череду одних и тех же событий и у каждого припасена их участь, боль не обойдет стороной никого, но это вовсе не значит что мы здесь лишь ради боли мой дорогая, все мы ссылаемся на счастье и благополучие, сами подвешивая морковку у собственного носа, а потом беспрестанно бежим за ней пока не иссохнем

и не сотрем себя в порошок. Не все так плохо Милли пока мы есть друг у друга. Мы всегда горой будем отстаивать и защищать то, что мы любим всем сердцем. Эти испытания увя не избежать, нам некуда от них деваться, как и некуда деваться от самих себя. Порой нам приходится меняться, как бы больно то ни было. В детстве мы хотим жить вечно, а с возрастном понимаем, что намного легче умереть чем жить, уйти в темноту, в вечный накрывающий тебя сон, где можно найти покой и больше ни о чем не волноваться. К сожалению, не всем дана та сила духа, которая позволяет пережить всю череду этих бесчестных испытаний, ты даже перестаешь считать сколько несчастий ты когда-то сумел превозмочь и сколько раз ты оказывался на грани между жизнью и смертью. Никто не говорил, что жизнь будет раем, но все мы стараемся в это верить, всем нам хочется однажды проснуться в сказке несбывшихся мечт, оказаться на пороге земли наблюдая картину из дождя обратившегося в живописный водопад, созерцать красоту мира сего, убегать от реальности в небылицу, вспоминать о прошлых минутах счастья и безопасности и совсем забыть о реальности с ее нескончаемым потоком проблем и давления. Как же это больно быть живым и, если бы Бог не дал нам надежду кто посмел бы жить на земле и умереть своей смертью? Может все и впрямь предопределено и нам суждено вносить свой вклад в жизнь каждого человека, кому-то мы скажем что он бездарность, кому-то что гений и оба они пойдут к себе домой и будут ду-

мать мол возможно так оно и есть. Неужто люди не понимают, что слова их как семена могут взрасти до невероятных размеров, если хозяин этих мыслей будет их обильно поливать день ото дня, больно сознавать что такая мелочь как слово управляет нами. Люди столько веков живут на земле, а задаются одними и теми же вопросами и каждый считает свой ответ правильным, каждый видит себя центром земли, это так печально Милли жить в мире полном разочарований и бед. Знать бы тебе как осветила ты мою жизнь, как украсила ее и позволила мне вновь почувствовать радость и счастье, которое, казалось, ушло от меня навсегда. Видеть, как ты улыбаешься, как растешь и увлекаешься чем-либо со страстью присущей всем детям это и вдохновляет меня на жизнь и разве смог бы я прожить до нынешнего дня без тебя? Мне кажется, мы оба помогли друг другу выжить, своей заботой я старался поддержать тебя во всем, а ты своей любовью кормила меня чтобы сердце мое не истратило последних сил, и что бы ни случилось я никогда тебя не брошу, мне в этой жизни больше ничего не нужно Милли, только твое благополучие, здоровье и твой смех заботят меня. Помнишь, как мы с тобой готовили пирожки?

Фабио посмотрел на Милену и заметил, как она мирно спала на диване, предаваясь сновидениям и пребывая в мире, который ее не обидит. Таков чудный мир грез, в который хочется возвращаться снова и снова, дабы найти там нечто прекрасное и удивительное, почувствовать дыхание покоя

и пение птиц, окунуться в море невероятных приключений, блуждать по собственному миру, танцевать вместе с ветром, позабыв обо всех недостатках настоящего. Но всякому счастью есть предел, как и всякому сну есть свой конец, и в один момент мы проснемся и вновь окажемся в подлинной реальности.

Фабио принес ей одеяло, улыбаясь при виде ее милого лица во время сна и пока он шел вместе с одеялом к ней, он думал за что же Бог наградил его такой прекрасной доченькой? Он накрыл ее и поцеловал в лоб выключая свет в гостиной.

Фабио тихонько отворил дверь и выбрался навстречу приятному дуновению загородной ночи. Он наблюдал издалека как тлеют угольки бывшего костра точно маленькие светлячки исчезающие во мраке, как колышутся временами деревья своей длинной чередой поддаваясь слабому ветру, как ниспускается тишина утвердившись во всей округе и лишь изредка где-то в захолустьях деревьев, в вершинах мрачно-зеленых ветвей, в паутине их чернеющих линий выкрикивала сова и раздавшийся гул ее крика поднимался в темно-синие небеса и пронзал этим проходящим на эхо звуком тишину которая проглатывала его и вновь устремлялась к своей гармонии не знающей никого звучания, поглощая собою все звуки.

Стоя на крыльце Фабио, внимал своему дыханию, которое с каждым выдохом лишь удлинялось. Он наслаждался ударившим его покоем что постепенно медленной чередой отяжелял его тело, без того сильно отягощенное усталостью,

заботами и борьбой за свою жизнь и за жизнь Милены.

Всякие трудности забываются при настойчивом дыхании природы, такого затишье перед бурей что дает возможность встать на ноги лишь для того, чтобы вновь повергнуть наземь с немислимой силой. И каким бы ни представлялось будущее его нельзя было предугадать и поэтому Фабио избрал для себя созерцание настоящего, которое по крайней мере не силилось ввести его в заблуждения, зовущиеся предположениями. Пока Милена спала, находясь в безопасности, а Фабио не предчувствовал грядущей беды то не оставалось ничего что могло бы помешать желанному отдохновению, ведь опыт подсказывал ему что покуда есть минуты полные одухотворенной тишины и сладостного спокойствия необходимо ценить каждое мгновение этой непозволительной роскоши, которую могут хладнокровно и безвозвратно отнять.

На следующий день с самого утра Фабио, Милена и Сергей благополучно направились завтракать, но для Фабио трапеза увы не сулила ничего хорошего. Его застал администратор и извинившись передал ему короткое сообщение. Таким образом Фабио был осведомлен о том, что Энрике хочет поговорить с ним и поэтому он более не мог думать о еде подозревая что, возможно, грядет новая беда.

– У меня плохие новости Фабио. – Сказал Энрике наливая себе бурбон в стакан. Фабио присел напротив него в кресло и положил руки на колени догадываясь в чем дело. – Мой дорогой, они заставили меня, я не смог ничего сделать, не

сочти меня за предателя, я уже поспособствовал тебе как мог и сейчас все что я могу сделать это предупредить тебя, дабы они не застали вас врасплох. Прошу не держи на меня зла, ты знаешь, как я дорожу дружбой с тобой, ты знаешь как дорог ты мне, у меня не было выбора...

Фабио закивал.

– Я понимаю Энрике, тебе не зачем терзать себя, ты и так сделал для нас слишком много, я надеюсь у тебя не появилось лишних проблем из-за нас?

– Что ты, нет! Но все равно мне так жаль, я чувствую себя доносчиком и была бы у меня твоя смелость я пошел бы им наперекор, вгрызся бы им в шею! – Он осушил стакан одним резким движением и скорчился.

– Все в порядке, сколько у нас есть времени до их приезда?

– Боюсь, что очень мало, я думаю около часа. Куда ты намерен податься?

– Я навещу Совет, пора сделать первый ход, пора показать им последствия их грязных правил.

– Боже мой Фабио! Ведь это самоубийство! Нет, даже у самого смелого человека в мире не хватило бы дерзости на такой отчаянный шаг, ведь убив Совет, на тебя ополчатся возможно и весь мир киллеров, тебя объявят в мировой розыск, а за твоей головой будет охотиться весь мир!

– Нет, другие страны и города не вправе посягать на чужую территорию, хотя такое могли вести и у нас, но вряд ли даже это остановило бы меня, я взберусь на трон Энрике, за

их смелость я оторву им головы.

– Тебе стоит поторопиться мой друг, я буду молиться за вас.

Они встали и горячо обнялись. Фабио ринулся к Милене и Сергею которые ожидали его у коттеджа.

– Собирайтесь нам пора в путь.

После поспешного сбора они сели в машину и громко хлопнув дверьми выехали на дорогу.

– Куда направляемся Фабс? – Интересовался Сергей.

– Обрато в Петербург, мы нанесем им первый удар, мы поедем в Совет.

– У-у-у! – Завыл Сергей. – Кажется нас ждет веселье.

– Ты ведь понимаешь, что обратного пути не будет? – Спросил Фабио.

– Славно, а я вот думаю, чего мне не хватало все это время?

– Зачем мы едем в Совет? – Спросила Милена с заднего сиденья.

– Нам нужно показать серьезность наших намерений, ведь переговоры не в нашей стихии. Мы распустим Совет поскольку у них руках слишком много крови, их совсем не жалко отстрелять, это будет первым шагом, в этой партии.

– Почему ты выбрал именно эту стратегию? – Спросила Милена.

– Лучшая защита – это нападение, к тому же мы больше не можем прятаться, убивая этих всюду сующихся киллеров.

Когда мы нанесем первый удар, многие поймут на что мы способны и отбросят всякие попытки нас убить, но конечно в другом случае нами заинтересуется высший Совет и в дело войдут группировки, шайки, возможно полиция и такие же одиночки, как и мы с вами. В этой партии может быть только один победитель, либо мы, либо они. Другого исхода не дано, все или ничего, за нашу свободу придется побороться.

Далее до самой границы города они ехали молча.

– Сейчас будьте на чеку, так как именно здесь иногда караулят их люди.

– За нами хвост Фаби. – Сказал Сергей, глядя в зеркало.

Фабио вытащил один из своих серебряных пистолетов и открыв окно начал стрелять в машину, преследующую их. Из машины противников двое высунулись из окон, то же сделал Фабио и выстрелил в водителя, голова которого уткнулась в руль, в то время как сидящий рядом пассажир нырнул обратно в салон автомобиля сляся вырулить автомобиль, который покосился в сторону и начал тормозить. Высунувшиеся головы залезли обратно, внезапно в них врезалась машина, ехавшая позади тем самым тараня остальные автомобили, находившиеся на дороге.

– Езжай на площадь Шевченко к дворцу культуры. – Сказал Фабио.

Как только они вышли из автомобиля, двое охранников, располагавшихся у входа в дворец культуры незамедлительно вбежали внутрь здания. Фабио, Милена и Сергей напра-

вились ко входу в здание.

– Чего это они здесь-то забыли, неужели они такую окульту... Культури... Словом, такие культурные? – Спросил Сергей.

– Это значимое место для таких как мы. – Ответил Фабио открывая двери.

Распахнувшись пред ныне прибывшими гостями, двери засвидетельствовали о своей безучастности к происходящему и в особенности о том, что их специально или по нелепой случайности позабыли запереть. Охранники вынырнули из-за укрытия и начали стрелять безо всякого предупреждения. Чтобы вывести Сергея из себя достаточно было этого спонтанного нападения. Он поднял руки отягощенные двумя дробовиками и стрелял до тех пор, пока патроны его не иссякли. Фабио и Милена держались вместе, к тому моменту как Сергей укрылся дабы перезарядиться, они уже знали количество оставшихся охранников и их местоположение.

Выстрелив в первый раз, Фабио промахнулся и одернул руку. Милена стреляла, справа налево пытаясь привлечь к себе внимание остальных и когда Фабио и Милена завладели вниманием противников Сергей произвел свой артиллерийский заряд вновь не считая патронов. Фабио выждал необходимое время и застал сразу троих высунувшихся охранников, которые выделялись темной окраской волос. Его рука провела кривую линию с тремя отрезками и когда враги легли выглянул четвертый что вытянул руку в надеж-

де отомстить за товарищей. Милена поджидала именно его и со всей стремительностью могущественной молодости, со всем желанием защитить дорогого отца, со всей ненавистью к преступникам она выстрелила в тело своего противника с тем же наставительным и праведным гневом, с которым ранее отхлестывали плетью провинившихся грешников.

Времени оставалось все меньше, каждая секунда была на счету. Когда защитники Совета пали, Фабио, Милена и Сергей поспешили к концертному залу, где скорее всего уже был собран Совет. Двери были заперты, Сергей не стал церемониться и осадил дверь нескончаемыми выстрелами, затем выбил ногой то, что от них осталось.

Зал был пуст.

Они стали искать их за сценой и во всевозможных местах и нашли лишь пару актеров мужчину и женщину которые видимо не расслышали стрельбу из-за плотских утех, которым они предавались. Женщина, увидев незнакомцев пронзительно взвизгнула и двое влюбленных убежали так быстро что позабыли накинуть на себя хотя бы одежду. Фабио едва успел остановить Сергея, предотвращая убийство невинных. Наступила тишина, никого больше не было в здании.

– Черт, они не могли так запросто сбежать! Ладно, нужно уходить, иначе скоро идти будет некуда, быстро! – Указал Фабио.

Рванув к выходу и сев в машину, им ничего не оставалось как незамедлительно удалиться и обдумать следующий

план действий. Фабио был раздосадован и разочарован, чувствуя злобу из-за того, что весь его план провалился. Они продолжали молчать. Сергей решил не нарушать тишину и ехал прямо.

– Отвези нас к твоему Наставнику. – Нарушил тишину Фабио.

Сергей повернул к нему голову и взглянул на Фабио с полным изумлением.

– Но зачем?

– Он укажет нам путь. Я вижу множество решений этой задачи, но правильного узреть не в моих силах. Не знаю, как я вообще пришел к этому, но мне нужно увидеть его.

– Ох, старикан, что же ты задумал?..

Сергей развернул машину, и они направились в другую часть города, в отдельный дом похожий на святиню и в то же время чем-то напоминающий незаметное, исторгающее приятный запах, радующее своим видом растение, в котором находился возможно самый мудрый старик на земле, раз он сумел внушить столь необъятную добродетель в голову юноши со шрамом.

– Приехали. – Сказал Сергей.

– Оно и видно, дом у него...

– Прекрасный, я знаю старик. – Перебил его Сергей.

Перейдя дорогу и подойдя к дверям сего здания, женщина открыла им двери еще до того, как они успели постучать, словно наперед знала, что они явятся или знал тот мудрец,

который находился внутри.

Они молча проследовали за женщиной в комнату, двери которой были точно бумажными. В комнате находилось множество свеч, расставленных по углам, рядом с Наставником были четыре дымящиеся палки, которые заполняли своим ароматом всю комнату. Наставник был одет в оранжевые одежды, одно его плечо было оголено, он был очень стар, с лысой головой и без бровей. Лицо его напоминало нечто черепашьё, оно улыбалось, хоть и глаза его были закрыты, казалось, словно они тоже улыбались. Он сидел, скрестив ноги, руки его покоились на коленях, и большой вместе с указательным пальцем были соединены. Сосредоточенность Наставника всегда сообщалась тем, кто посещал его. Женщина закрыла двери и удалилась, стуча деревянной обувью. Наставник не пошевелил и пальцем. Сейчас невозможно было предсказать в какой реальности он находился. Фабио не ошибся с выбором, он сказал себе, что это именно то, что ему было нужно и он пришел точно по адресу.

Все хранили молчание и ждали около пяти минут, не двигаясь и, к удивлению, ни о чем не думая. Мысли их отстранились, убежав от покоя, сосредоточенности и силы этого старика, он будто парил в воздухе, в нем проглядывала мудрость всего мира.

– Садитесь мои гости. – Сказал он хриплым голосом едва шевеля губами. – Что привело вас ко мне, вместе с моим давним другом? Впрочем, мне, итак, известно. Я знал мой доро-

гой, что ты не ослушаешься меня и встанешь на правильный путь, дабы очистить то, что внутри тебя, дабы стать просвещенным. Эта добродетель имеет свои плоды, стоило только посадить ее в правильную почву. Я ждал с нетерпением дня нашей встречи, мне неизвестно сокровище и я не обладаю знаниями недоступными для других людей, однако возможно чем-то превосхожу их, хотя сам не твержу об этом. Откуда мне известно неизведанное и как я делаю то, что другим не по силам? Нам свойственно задавать слишком много вопросов, тогда как ответы всегда находятся на поверхности. Я бы выразился так: они не замечают ответов, они видят лишь вопросы и терзают себя ими, но к чему? Человек таков, может им и не нужны ответы, а нужны лишь вопросы? Люди часто сами себя одурачивают, поэтому-то, должны быть люди, которые откроют им глаза, разбудят в них ту добродетель что дремлет и отпугнет то зло, которое все время дурачит их самих.

Наставник взял паузу, и присутствующие осмелились присесть на пол. Он продолжил:

– Нам нужно освободиться из плена зла, нам следует переродить свой дух, восстать из пепла, но, чтобы сделать это для начала нужно сгореть самому, те жертвы на которые порой нам приходится идти неизбежны и наступает момент, когда придется сделать окончательный выбор. Я знаю, что вы находитесь отчаянном положении, пред вами открыто несколько путей, но в какую сторону идти вам неизвестно, как и никому

из живущих не известно, что ожидает его за другим углом. Я не вправе возлагать на себя столь очевидную и тяжелую ношу как ответственность, но все же я не вправе отказать путникам, сбившимся с пути. Я искренне желаю добра людям и хочу, чтобы они искоренили из себя тот мрак, что они носят за собой повседневно, чтобы они любили друг друга, а не убивали. Мое сердце наполняется кровью, когда зло охватывает все вокруг нас, когда брат убивает брата, когда люди ненавидят себя и свое окружение и никто не винит их за их невежество, за злобу которой они не мудрены управлять. Человек слишком слаб, чтобы превзойти себя, стать лучше, мы видим людей, которые кажутся нам чем-то большим чем есть на самом деле, но не видим того, что он скрывает даже от самого себя, как же мы слепы раз верим каждому встречному и с какой стати вам верить мне? Я лишь старец на пороге смерти, я самый обычный человек, но разве имеет значение то, что я думаю о себе, тогда как люди могут думать обо мне совершенно иначе, право, вы пришли не за тем чтобы выслушивать мою точку зрения насчет мироздания или философии мира сего, простите что так углубляюсь в столь трепетные темы, я лишь хочу сказать что не знаю сокровенного и мне очень жаль, простите, что я предал ваши надежды, но что может сделать глубокий старец, не знающий ничего?

– Наставник, но ведь это не так, – возразил Сергей, – вы умнейший человек на земле, вы помогли мне, в то время как

ничто не могло мне помочь.

– Дело заключается в том, что куда бы вы не пошли... Вас ожидает беда, слезы и горечь. Мне так больно смотреть на эту печаль, на грусть, поджидающую издалека, об этом я и говорил, порой приходится делать выбор, хотя выбирать не приходится. Мы слишком глупы чтобы делать выбор, разве человек полагает что он способен делать выбор? Он видит себя гением, но как же горестно положение людей, не знающих своей истинной сущности, избегающих смерти, играющих с ней наперегонки, разве не ради нее все мы пришли сюда? Горько это сознавать, горько жить ради смерти, но благодаря ей можно многое понять, жизнь череда событий, выборов и решений, но мы ли принимаем эти решения? Это трудно понять, еще труднее сделать выбор, ведь мы всегда сталкиваемся с неверными решениями, но разве они являются для нас неверными? Ведь слово это искажает истинную суть решений, ведь так или иначе, принятое решение, сделанный выбор, выбранный путь как таковой не может быть неверным, неправильным или каким бы то ни было еще. Все протекает так, как и должно, и явилось лишь то, что суждено было явиться. Что бы ты ни совершил, ты делал лишь то, что должен был, как бы ненавистно тебе оно ни было, река все равно будет течь и не пойдет вспять. Не все готовы к такой участи, не все готовы принимать как подобает должное ему, и боль моя не утихает, а слезы мои не просыхают, ведь человек слепо скитается по земле, он убивает, насилует, грабит,

уничтожает все на своем пути, так что больно жить посреди мрака покуда сам ты познал свет истины, больно жить в мире, прогнившем до ядра земли.

Две крупные слезы вытекли из закрытых глаз Наставника, и эта мудрая печаль быстро разрослась в сердцах его слушателей.

Послышался чей-то крик и как предположили все находящиеся вместе с Наставником, этот крик принадлежал той даме, что провела их к нему. Послышался глухой звук падения и чьи-то шаги раздались по коридору. Это был нескончаемый топот целой армии. Они выбили двери и направили оружие на всех находящихся в комнате. Один из оруженосцев совсем не подумав выстрелил Наставнику прямо в грудь и кровь начала впитываться в его одежды, тем самым изменяя ее цвет. Наставник изрыгнул кровью на лакированный пол и свечи вокруг него разом погасли.

– Не-е-е-т! – Выкрикнул Сергей, он попытался вытащить обрез, но его не оказалось на привычном пояском чехле, он обезумел и взялся вручную драться с целой армией бронированных и вооруженных до зубов людей. Ненависть полностью завладела его разумом. Наставник упал на пол, так и не раскрыв своих глаз. Милена и Фабио понимающе сидели на местах, ведь они были обречены и осознавали, что погибель предстала перед ними. Нагрянувшие и вооруженные солдаты Совета боролись с обезумевшим Сергеем, который всеми силами пытался отомстить за Наставника, его горесть пе-

редалась его друзьям, и они слышали шепот Наставника в предсмертной агонии:

– Вам грозит лишь предназначенное вам. – Наставник выдохнул и у Милены выступили слезы на глазах. Наступил момент, когда мысль что все кончено начинала закрадываться в разум. Сергея заломили вместе с Фабио и Миленой и вытащили из дому проходя мимо женщины, которую те безжалостно убили, и которая ныне покоилась в луже собственной крови, из-за которой образовались красные следы, ведущие в комнату Наставника. Их посадили в грузовик, который стремительно направился в неизвестном направлении. Милена со слезами на глазах смотрела на отца и Сергея. Разочарованная произошедшим и напуганная тем, что вскоре произойдет Милена старалась не падать духом и смотреть на мир с суровой правдивостью, но увы это было так же трудно как забраться на стену.

Сергею с каждым мгновением становилось только хуже. Он то плакал, то смеялся, его трясло, он бранился и шевелил губами смотря перед собой, глаза его были широко раскрыты, а лицо его точно подверглось изменению от приходящего умопомешательства.

После долгой поездки в гробовой тишине их вывалили на улицу и занесли в какое-то здание пока они наконец не достигли комнаты, в которой полукругом восседали девять человек. Их посадили перед ними, все это напоминало неофициальный и самопроизвольный суд. Вооруженные охранни-

ки проверили наручники и обыскали преступников, после чего отошли на два шага. Фабио глядел на людей, восседающих перед ними, и узнал каждого из них, но имени не припоминал. Знал он и то, что не стоит ждать пощады и поэтому Фабио мог лишь догадываться какие пытки ждут их в незримом будущем.

– Мое имя Иван Евгеньев Ильич, я смею называть себя главой высшего Совета по местности, в которой произошли данные события. Сегодня имею честь быть для вас судьей и палачом если на то будет воля Совета. Итак, мы собрались здесь в силу того, что дочь ныне бывшего киллера Фабио: Милена... Фамилия ваша, стало быть, утеряна Советом или была неизвестна нам, отказалась служить Совету и нарушила параметры договора между Советом и киллерами. Вместе с отцом они Фабио пустились в бега и оказали сопротивление своему задержанию, объединившись при этом с Сергеем Петровичем дабы свергнуть Совет и убить Правительство Сообщества Киллеров. В связи с чем мы вынуждены были идти на крайние меры чтобы остановить вашу группировку, теперь ваша участь будет рассмотрена Советом, и вы будете либо наказаны, либо приговорены к смерти.

Далее девятеро членов высшего Совета начали перешептываться и решали каким образом наказать этих безжалостных убийц, которые осмелились перечить Совету восстав против него, пытаясь свергнуть сначала Низший, а затем и Высший Совет киллеров – не упуская из виду и этой дета-

ли, которую по каким-то причинам не озвучили.

– Прошу тишины! Итак, подведя итоги и принимая во внимание всю виновность вашего преступления мы пришли к заключению о помиловании. Вы проведете всю оставшуюся жизнь в нашей тюрьме и умрете в ее стенах, как заключенные, заслушавшиеся Совета. Апелляции против вышеуказанного приговора рассматриваться не будут, уже сегодня вы окажитесь в тюрьме особого режима для таких преступников, как вы. Я надеюсь, для вас это послужит уроком, который вы несомненно усвоите. Так или иначе вы умрете позорной смертью, в то время как могли бы послужить Совету добрую службу. Желаю вам скорейшей кончины дабы спасла она вас от той участи, которая может убить в вас всякую человечность. Дело можно считать завершенным, а приговор внесенным в исполнение.

Грузовик для перевозки заключенных стоял у здания, в котором проводился суд, именно туда незамедлительно и посадили Милену, Фабио и Сергея.

Грузовик незамедлительно тронулся и поехал. Было странно то обстоятельство что заключенных никто не охранял в задней части грузовика, видно им дали в последний раз вдоль наговориться и проститься с друг другом.

– Пусть они запомнят себя такими, ведь когда они попадут туда все будет кончено. – Сказал водитель своему напарнику.

– Наставник, они поплотятся, они заплачат, мой Наставник, мой... – Шептался сам с собой Сергей. – Убью всех,

каждого...

– Милли, – наконец ожил Фабио, – послушай меня, не волнуйся, чтобы нас ни поджидало, чтобы они с нами ни сделали там, все это временно, боль не бывает вечной доченька, я бы сделал все, чтобы заплатить своей душой за тебя. Поверь, тюрьмы для таких как мы отличаются от остальных и выбраться оттуда будет очень легко, главное не показывай другим что ты чувствуешь, будь хладнокровной убийцей, которой ты всегда была. Прошу тебя, не дай им сломить себя, я люблю тебя Милли и надеюсь, что мы не проведем там слишком много времени и успеем придумать и осуществить план побега.

– Разве сейчас не выйдет бежать?

– Скорее всего это не единственная машина и я думаю нам не удастся так просто сбежать, нужно переждать немного. Милли, прошу тебя не давай им овладеть тобой, иначе они выиграют.

– Я не понимаю папа...

– Верь мне Милли и тогда у нас все получится... Нам нужно время, нам как никогда нужно время...

Сергей начал пронзительно и долго смеяться, так что сопровождающие крикнули ему заткнуть свою пасть.

– Ха-ха, Фабс, мы оторвем им головы, я сожру их с потрохами приятель. Фаби ты видишь это? Так посмотри внимательней, взглядишь в необозримое будущее ха-ха-ха, я вас всех перестреляю к чертовым матерям! Я не пожалею нико-

го, я ваш сущий кошмар, я ваш дьявол, ха-ха! – Сергей вдруг вскрикнул и стал трястись в конвульсиях, пена изо рта капала ему на рубашку, он опустился на пол и уснул, неизменно повторяя имя Наставника.

Фабио приобнял Милену. Он боялся, боялся, как никогда, что не сдержит слово, и Милена пострадает. При одной только мысли об этом в его горле разом пересыхало, она была его слабым местом, стоило кому-либо причинить ей боль как он готов был сойти с ума подобно Сергею. Фабио не желал проживать того, что предстояло ему, он желал откупиться от этого или сбежать лишь бы не видеть ее страданий. «Все что угодно Господи, моя душа, все что захочешь заведи, молю тебя, только не дай в обиду мою доченьку, пожалуйста, прошу, умоляю, Господи, пусть ее никто не обидит, молю тебя!» – Молил он.

Через некоторое время Сергей проснулся и начал напевать и насвистывать, а сопровождающие уже не находили себе места как бы не пристрелить этого безумца и дотерпеть до тюрьмы.

Часть 2.

Глава 1.

По прибытии в тюремную часть, перед осмотром и распределением по камерам они имели честь познакомиться с главным Надзирателем этой тюрьмы, который был безмерно рад такой чести.

– Добро пожаловать мой дорогой Фабио, наслышан, наслышан. Что ж, надеюсь, что твоя жалкая душонка не найдет здесь покоя и не станет пускать корни в моей тюрьме, я лично об этом позабочусь. Перед тем как пройти в свою камеру внимательно осмотрись по сторонам на бывших преступников вроде тебя. Сейчас они больше напоминают призраков, не знающих ничего кроме мольбы о пощаде. Впрочем, чем-то они такие же, как и твой дружок, похоже, он перенес личную трагедию, не правда ли? – Обратился он к Сергею.

– Закрой свою пасть папаша. – Сказал Сергей.

Надзиратель несколько не был удивлен такой выходкой. В своем уме Надзиратель уже подсчитывал нюансы их наказаний, чтобы те как можно скорее их сломили, для него это было самым настоящим искусством, ломать стержень в людях, обнаруживать их слабости и давить на их старые раны, если потребуется он мог довести и до безумия не избегая да-

же столь радикальных мер. Именно он был здесь наказанием и воздаянием, он был и матерью, и отцом для заключенных. Для него было неслыханной радостью, попытать счастье сломить Фабио, это был новый уровень.

– Вот значит как. – Лишь вымолвил Надзиратель и охранники уже приготовились достать палки и избить Сергея прямо на месте, но Надзиратель взмахнул руками в обе стороны чтобы они не вмешивались. – Что ж, сегодня так уж и быть, я прощаю тебе твою выходку, но знай, что здесь ты не найдешь ничего кроме расплаты за свои проступки подонок. Уведите их!

После проверки они переоделись и направились по блоку к своим камерам в сопровождении двух охранников. В этом блоке помещалось двадцать камер слева и двадцать справа отчего заключенные могли разглядывать друг друга через решетки. Озираясь по сторонам и вглядываясь в лица, Фабио действительно нашел заключенных испуганными, сломленными людьми, которые походили на подавленных собак, затравленных и обезвоженных такой жизнью. Сложно было поверить, что люди, находящиеся в этих камерах, были убийцами и киллерами, которых осудил Совет.

Первого в камеру поместили Сергея, прямо посередине блока. Фабио хотелось убедиться, что Сергей не потерял рассудок, но его повели дальше вместе с Миленой и он не сумел ничего разглядеть. Фабио и Милену поместили в последних камерах, располагавшихся друг против друга. То была ли-

бо несметная щедрость со стороны Надзирателя, либо хитрость, которую пока еще было трудно разгадать.

Камеры были одиночные: кровать, раковина, туалет с маленькой стеночкой и, собственно, в этом и состояла вся щедрость по отношению к заключенным, если не брать в расчет также пустых голых стен, испещренных мелкими царапинами, пятнами и дырками. Фабио сел на дощечку, которая приходилась ему кроватью, пока охранник запирал за ним решетку. К удивлению, Фабио, тот решил представиться:

– Звать меня Павел, белья ты не получишь в отличии от твоей дочери. Подъем в шесть, отбой в десять, есть будете в камерах. Вопросы?

Фабио промолчал.

Как только охранник ушел, Фабио прошептал Милене что любит ее, и она ответила ему тем же, затем они легли спать каждый по своим койкам. Фабио иногда приподнимался чтобы удостовериться уснула ли Милена и как только она перестала ворочаться он выдохнул и сомкнул глаза.

Фабио проснулся от криков. Он резко встал, метнув взгляд в сторону камеры Милены, которая, в свою очередь глядела на него стоя у решетки и руками опираясь на нее. Фабио что-то заметил в ее лице, но возобновившийся крик вдруг привлек к себе все его внимание и тогда Фабио прислушался.

– Твари, ах вы, ай! – Это был голос Сергея. Его избивали охранники, в то время как Надзиратель что-то поговаривал.

– Закрой свой рот иначе еще больше достанется, чертов придурок!

Слышались глухие удары дубинками по телу.

– Я вас достану, вы все получите за Наставника! – Сергей взревел на весь блок, он плакал, он смеялся и был безумнее некуда, он плевался кровью и Фабио казалось, что плевал он в охрану.

– Ах ты чертов...

– А-а-а. – Дикая хохот вновь прошелся по блоку.

Фабио посмотрел на Милену и в лице ее он разглядел сочувствие и ужас. Она смотрела на Фабио и качала головой из стороны в сторону, губы ее напряглись точно еще немного и рыдания вырвутся наружу, но она не плакала, лишь всхлипнула и закрыв глаза облокотилась лбом к решетке.

– Все будет хорошо доченька, слышишь? – Зашептал Фабио. – Все будет хорошо...

– А-а-а, недоноски, твари, я вас всех перестреляю! – Понеслось как решетка со скрипом открылась, и охранники вместе с Надзирателем покинули камеру, закрывая ее на ключ. Сергея оставили наедине с собой, и он поговаривал что-то невнятное и стонал. Иногда его выворачивало и весь блок был свидетелем этому. Фабио обвел взглядом заключенных, которые подобно ему силились расслышать что происходит. В их лицах просвечивал откровеннейший страх и глядя на них можно было заключить, что они знали не понаслышке какого это оказаться избитым до полусмерти. Фа-

био боялся за Милену и переживал за Сергея, которому пришлось поплатиться рассудком, возможно если бы не Фабио, то Сергея не было бы здесь, он считал себя виновным за все происходящее и вина за случившееся нахлынула на него волной. Он сел на кровать положив локти на колени и упер руки в подбородок, он размышлял насколько же его душа была черной и как мало добра на свете он сотворил.

Милена легла в постель, подавленная от произошедшего. Она боялась, что и ее отца будут избивать так же, как Сергея и от одной мысли об этом ей становилось плохо. Сочувствие, которое она испытывала к Сергею, не приносило ничего кроме дополнительного несчастья и сколько бы она не пробовала не думать о плохом, мысли все равно текли непрерывной рекой в ее голове. Подушка Милены становилась влажной от слез, ей было тошно с самого первого дня проведенного здесь ведь предчувствие грядущей боли не оставляло ее в покое, а мысли ее точно восстали против нее и характерная для нее оптимистичность, эта радужная и детская искорка гласящая что все будет хорошо, что нужно немного потерпеть необратимо оставила Милену на произвол судьбы.

Сергей возлежал на полу в собственной крови, он и не понял, как все произошло, вот он спал как вдруг откуда ни возьмись появились эти сволочи нагрянувшие как гром среди бела дня. Все на что ему теперь хватало сил так это валяться в собственной крови на полу и время от времени выворачиваться наизнанку прямо в туалет, такой грязный и

немытый прямо как лица охранников.

Глава 2.

Следующим днем Фабио стал свидетелем новых незаконных побоев со стороны охранников, и он предполагал, что делают они это как раз-таки для того, чтобы сломить их дух и держать в постоянном страхе их сердца. Подавленные, окровавленные заключенные еще долгое время не могли прийти в себя после безжалостного суда против них, после не менее преступного правосудия, которое вершили эти словно бы каменные, непроницаемые люди с дубинками, сведущие только о том, как правильно проявить боль в чужом теле. Они не стремились сразу же сломить того или иного заключенного, они делали это медленно, постепенно, изо дня в день, выкачивая с каждым новым разом все большее изобилие силы, тупого превосходства, животной страсти, которая разрасталась, удовлетворяя их мнимые инстинкты, заполняя их мозг жалким чувством удовлетворения.

Оказалось, что выходить из камер было никому не дозволено и поэтому многие пытались проводить время так, как считали нужным, не лишённые творческого подхода к решению задачи все были заняты своими делами: ходили по камере из одного угла в другой или же спали целыми днями, бодрствуя лишь при очередном приеме пищи, был и человек, который играл на флейте и звали его просто Иван Флейта. Оказывается, Надзиратель разрешал ему играть один час в день

дабы развлечь охрану и собственно всех остальных, но когда охране не хотелось концерта или когда им надоедала музыка они сразу же возвещали об этом Ивану и тот в свою очередь незамедлительно прекращал, тогда тишина вновь расстилась по блоку.

Фабио узнал об этом многим позже, а в день, когда он впервые услышал, как заиграла флейта, он был ошеломлен тем, что кому-то было позволено иметь такую роскошь как флейту и тем более на ней играть. Впрочем, его ничуть не беспокоила мелодия флейты и он даже нашел ее приятной на слух и успокаивающей, он лежал на постели после обеда и слушал музыку, простирающуюся с другого конца блока, и обдумывал как бы ему выбраться отсюда.

Внезапно для себя Фабио решил познакомиться с человеком, который находился в предыдущей камере от него. Он встал к стене и постучал по ней, подойдя к углу решетки, где начиналась другая камера.

– Чего тебе? – Прошептал чей-то голос. Милена с любопытством наблюдала за отцом.

– Ты знаешь кто я? – Спросил Фабио

– Конечно знаю, все знают кто прибыл к нам вчера. И что с того?

– Хорошо, а кем ты будешь?

– Я Поляк, по крайней мере все меня так называют, так что особо выбирать не приходится.

– Почему здесь все такие потерянные?

– А сам не понял еще? Из нас всю душу выколачивают как на скотобойне, тьфу! Проклятые охранники, дай им волю они и до смерти забудут и такое бывало.

– Кто играет на флейте? Охрана?

– Да нет же, это Иван Флейта, всем нравится, как он играет, никто и не знал, что он умеет. Поэтому по рукам его не бьют, чтобы играть хоть мог. Как-то нужно было сыграть хоть на чемнибудь в праздник в честь защитника отечества, к нам съехались пару шишек из Совета приглянуть что здесь да как, вот и Иван вызвался, позже ему разрешили играть часок другой каждый день дабы мы здесь от скуки не померли. Хоть это не особо помогает, но все же лучше, чем ничего.

– Откуда меня знаешь? Я о тебе не слышал.

– Я тоже не слыхал про тебя пока сюда не попал, всем было интересно что же станет с тобой и с дочкой твоей, здесь порой включают наше радио с новостями, вот мы и слушали как ты линчевал этих подонков, работающих на Совет, слышал, что еще чуть-чуть и ты разнес бы малый Совет, жаль, что так и не вышло.

– Давно ты здесь?

– Два года уже исполнилось с того момента как я попал в эту дыру, никто даже знать не знает где я и что со мной, впрочем, так со многими здесь. Знаешь что? Я могу дать совет, даже не надейся, что каким-то образом у тебя получится покинуть это место живым, боюсь это невозможно и еще хочу сказать тебе такую вещь, не показывай им свои слабые

места, так как именно туда они и будут бить.

– Что-ж, спасибо Поляк.

– Будь здоров Фабио, впереди только беспросветное будущее, не сулящее ни черта хорошего.

Фабио взглянул на Милену, которая подслушивала их разговор, он улыбнулся ей и кивнул, она сделала тоже самое.

После ужина к камере Фабио подошли двое охранников вместе с Надзирателем и он тут же понял в чем дело. Фабио протянул пустой железный поднос вместе с пустыми тарелками. Те опустили поднос на пол, и охрана, достав дубинки начала открывать железные двери. Милена спала до тех пор, пока Надзиратель не повысил голос:

– Поздравим все вместе нашего друга Фабио! У него сегодня первая взбучка, ай да Фабио! – Эхом разнеслось по всему блоку. Милена встала с кровати и взглянула на отца с тревогой, перерастающей в ужас. Он незаметно пока охрана была занята открытием решетки поднял указательный палец к губам, но Милена словно и не поняла ничего. Охранники встали напротив Фабио и надели на него наручники. Он понимал, что сопротивление бесполезно и поэтому не стал дергаться и пытаться что-либо изменить, он вспоминал слова Наставника: «Вам грозит лишь предназначенное вам».

Охранники повалили его на пол и наручники на руках Фабио звякнули оттого, что он попытался смягчить падение и приземлиться на руки. Его начали избивать у всех на виду, удары обрушивались на него градом и звук соприкосновения

дубинок с его телом раздавался по блоку так же явно как ноты что играл временами Иван Флейта.

Фабио чувствовал боль, каждый удар эхом разносился по телу, кровь точно кипела, ярость была подобна вулкану что никак не выведет наружу кипящую свою лаву, мысли пронеслись так же, как проносятся поезда проезжая по рельсам. Глухая пронизывающая боль душила его, роняла и поднимала его дабы снова низвергнуть, истощить, наполнить новой, ужасной, всесторонней болью, дабы один за другим ударами сломить эти стены человеческой воли внутри него, создавая дыры способные пропустить чужака в крепость его разума, в место где мысли имеют свойство зарождаться и проникнув туда потушить эту волю, принуждая поверить слову боли, сменяя огонек надежды на вездесущий мрак.

Отнималась рука, затем бедро, почки, а плечо вдруг стало влажным, теплым и начало кровоточить. Те остановились и уставились на Надзирателя.

– Чего вы остановились? Бейте его, бейте сильнее!

– У него кровь! —Объявил один из них не зная продолжать ли расправу или нет.

– Что там у него, задерни его жалкую рубашонку, ах, ну конечно, пулевое ранение да старичок? Ничего, сегодня мы лишь познакомили тебя с традицией нашего прекрасного заведения, так как девчонку твою мы бить не будем, она здесь все же не проста в этой камере напротив, или ты думал мы такие сердечные и добрые раз поместили вас друг против

друга, ха! Ты будешь получать за двоих старичок. – Сказал Надзиратель, нагнувшись к нему и смотря исподлобья на лежачего и ничего не представляющего из себя Фабио. Голос Надзирателя сделался властным и грубым. – Она будет глядеть как ее отца избивают, будет наблюдать как рассудок потихонечку покидает твою голову, она воочию увидит кем ты в последствии станешь и к старости, если конечно доживешь до нее, ты уже и не вспомнишь кто она мать его, такая. – Надзиратель выпрямился, Фабио лежал, стараясь совладать с эмоциями, ему сейчас как никогда необходимо было заглянуть глубоко внутрь самого себя, оказаться в колодце его знаний и опыта, прожитого за все дарованное ему время. Фабио понимал какие последствия будут от излишних слов и потому промолчал.

Милена стояла у решетки держась за нее руками и едва сдерживала подступившие слезы. Грудь ее содрогалась от беззвучных рыданий, глаза покраснели от слез, которые словно маленькие части ее невинной души обратившиеся в жидкую форму покидали тело болезненно и безвозвратно. Голова закружилась, а ноги подогнулись, Милена опустилась на колени. Она наблюдала за тем, как Фабио поволокли куда-то. Несмотря на незримую боль он смотрел ей вслед, а охранники и Надзиратель настолько были заняты своими мыслями что не придавали никакого значения Фабио, они полагали что он без сознания. Милена узнала пустой взгляд отца, и вся боль, которая досталась ему, перешла к Милене.

Дрожь прошла по ее телу и вместе с ней внезапная боль точно подхваченная простуда широкой поступью закрадывалась внутрь.

Сидя на холодном полу, она кивала как бы соглашаясь с той мыслью, что пришло время расплаты, а время, когда она была счастлива, закончилось и бесследно прошло, обратившись в бесчувственные и далекие воспоминания. Она все так же находилась среди полуживых людей, раскинутых по камерам, где-то молча сидел или лежал Сергей, от которого впервые за долгое время не было слышно ни звука. На Милену глядел какой-то лысый мужчина и взгляд его был полон сострадания, он отвернулся и ушел в тень своей камеры исчезнув так же, как и радости, которые пережила Милена вместе с отцом. И сейчас ей больше всего хотелось, чтобы это ее избили до полусмерти, чтобы она оказалась на месте отца, который с нечеловеческой терпимостью снес все удары, мужественно отмалчиваясь и сохраняя самообладание. Она видела, как Надзиратель был недоволен такой выдержкой и явно не получил того, чего так неистово жаждал, но у Надзирателя было одно веское преимущество – огромное количество времени, которое он может использовать дабы достичь желанной цели и сломить их дух. Милена всеми силами боролась с беспросветными мыслями и в этот момент как нельзя кстати подал голос Сергей, словно чувствуя ментальную безысходность Милены, он начал поддерживать ее из своей камеры, даже не подозревая как трудна была для

нее та минута.

– Наставник никогда не говорил мне о плохом, он был всем для меня, а эти твари не пожалели его, тогда как он пожалел бы их, он не видел в людях того дерьма что они являют свету, слышишь Милена? Каким бы ни был человек он всегда шел к тому навстречу, он всегда помогал тем, чем мог помочь. Боюсь, я не настолько свят, я как камень, болтающийся под ногами, никчемный черт возьми камень! И в один день я утону в море, может меня закинут туда детишки или я сам доберусь до туда, это не важно, важно другое, как бы ни было тяжело сейчас нам нужно выстоять, нам нужно глотать свои слезы и ждать пока раны затянутся, нам нужно терпеть и жить ради цели которой так трудно достичь. Все что нам остается это ждать случая, надеяться, что когда-нибудь у нас появится шанс, когданибудь мы из маленького зерна станем огромным деревом. Я уверен, Фабс не спроста такой тихий, он и через наручники поотрывал бы им головы, нет, сейчас не время и не место, Наставник никогда не учил меня тому, что навредит другим, он всегда обращался со мной как с сыном и я потерял своего отца, но ты еще не потеряла, ты все еще здесь и мы вместе. Разве кто-либо одолеет нас, когда мы вместе? Да никогда черт возьми, ни при каких обстоятельствах! Раны всегда заживают, очень медленно, но это так. Черт, не умею я произносить такие мать его речи, но я стараюсь правда, стараюсь ради тебя маленькая убивашка, чтобы ты не переживала. Мы отомстим этим уродам за каждую

слезу что ты проронила, я отлично знаю как месть работает во благо духу, месть поднимает тебя с колен, месть заставляет вставать снова и снова. Кормить ее не составляет труда, обратный отсчет уже пошел, я знаю, что мы здесь не задержимся, мы будем держаться друг за друга и свергнем мать его весь мир!

Вдруг заключенные оживились и заревели вдохновенные речью Сергея, тогда как он возлежал на своей дощечке и чувствовал невыносимую боль при каждом слове, но несмотря на это эмпатия и сочувствие к Милене сподвигло его пренебречь своим состоянием и произнести слова поддержки. Она не была для него чужим человеком, для него она была совсем еще маленькой, и он понимал, как ей невыносимо наблюдать за тем что творят эти беззаконники с ее отцом и хотя время что они провели вместе как капля в море, он все же не смог сдержаться от наставления, от поддержки которую должен был выказать, хотя и очень редко делал что-либо подобное. В мыслях его постоянно появлялся Наставник, который точно переродился и нашел пристанище в голове своего ученика – так знания, обретенные нами от мудрецов, остаются с нами даже после их смерти и являются ни чем иным как их посевом в почве нашего разума. Сергей даже после смерти Наставника не переставал думать о нем и те светлые воспоминания, с которыми он был неразрывно связан, сыграли свою существенную роль для того, чтобы побудить его произнести столь нетрадиционные, но весьма своеобразные

слова сопереживания.

Все что могла почувствовать Милена это слабое облегчение, она знала, что Сергей невесть какой странный, но она тепло приняла его поддержку, ей даже стало не по себе, когда весь блок начал одобряюще кричать. Фабио уже несли обратно умытого и перевязанного. Ноги его колыхались по пути смотря носками в разные стороны, положив его на землю охранники отворили камеру и в тот момент Фабио взглянул на Милену и разглядел ее заплаканное лицо излучающее боль и муку, он и сам почувствовал себя в ее положении, ему было больно сознавать что она страдала, он и не знал кому из них было хуже...

Фабио поволокли по полу в камеру и закрыли за ним. Обругивая все на своем пути охранники удалились, предупреждая чтобы ни звука не было слышно.

– Пс-с! – Шепнул из-за угла своей камеры Поляк. – Ты держался молодцом, старик, слышал бы ты, как твой дружок подсобил твоей дочке, прямо-таки благородный малый.

Фабио ничего не смог ответить, лишь издал какой-то звук, который только мог произнести дабы дать понять, что слушает Поляка.

– Я думал он у вас сумасшедший, – продолжал Поляк, – похоже вчерашние тумачи здорово ему помогли прийти в себя, такое бывает сплошь и рядом, держись главное там не раскисай, боль временна, все временно, что поделать, раз на нашу голову свалилось это бремя, может однажды все вста-

нет на свои места, мы сорвемся с цепи, мы вырвемся. Тьфу! О чем заговорил? Видишь, как подействовал монолог твоего дружка? Ему бы в ораторы.

Фабио положил голову на холодный пол, когда Поляк смолкнул. Он чувствовал предел собственных сил. «А кому сейчас легко?» – думалось Фабио, и правда, ведь никогда жизнь не была легкой и задорной ежедневно. Люди умирают, голодают и убивают друг друга, молодожены разводятся, дети покидают отчий дом, вырастают и забывают о родителях, старики писают в штаны и проклинают всех подряд, молодые мечутся из стороны в сторону и сами толком не знают, чего же они хотят. Если ты убиваешь, если избрал путь убийцы, то заплатишь за это сполна, если что-то ценишь, то не будет вечен предмет этой ценности, и что есть тюрьма для Фабио, когда вся жизнь являлась для него тюрьмой и лишь маленькая девочка скрашивала эти денечки, лишь ради нее он жил и будет жить.

Лежа на полу Фабио, повернул голову чтобы взглянуть на Милену, которая никак не могла найти себе места и ходила по камере озабоченная своими мыслями. Разные чувства заботили ее, никак не давая возможности думать здраво, заставляя ее забывать о настоящем всецело отдаваясь прошлому и будущему. Печаль заполняла ее сердце и ей меньше всего хотелось бы нести эту ношу. Каждый миг, проведенный в заточении, становился все хуже и ее пугала та действительность, неопределенность и та безвыходность, которая лежи-

лась ей на плечи.

Следующий день прошел бесследно не отличаясь ни хорошим ни плохим, лишь Сергей изредка скрашивал наступивший вечер выкрикивая несурезицу, он мог и запеть на весь блок и заплакать, совсем не стесняясь посторонних, Фабио и Милену этот факт не сильно смущал и, хотя они были осведомлены о его безумии, все же они тревожились за Сергея, который становился с каждым днем все больше и более неуправляем, чем сильно досаждал охране, так как они не могли бить его слишком часто, иначе он мог попросту истечь кровью и умереть. К тому же, как назло, после побоев Сергей делался еще непереносимее чем прежде, тем самым как бы по-своему наказывая блюстителей закона в блоке.

В тот вечер Фабио лежал на своей дощечке в сонливом и бессознательном состоянии, в глазах его трудно было что-либо разглядеть, так словно он глядел прямо в бездну, которая развернулась пред ним и отразилась в его глазах.

Когда охранники покинули блок остался один лишь Надзиратель. Он взял табуретку и пошел напрямиком к концу блока, туда, где располагались камеры Фабио и Милены. Стоило ему сесть как Фабио сжал руки в приступе гнева ловя на себе тупой взгляд Надзирателя, но сомнений быть не могло, он пришел не для того, чтобы вершить правосудие тумаками, многие были озадачены этой выходкой и ждали что будет.

– Знаете какой сегодня день? – Промямлил Надзиратель и ответом ему послужила тишина. – Сегодня самый обычный

день, самый что ни на есть обычный.

Фабио не понимал к чему он клонит. С другой стороны, на него смотрела Милена и беззвучно, шевеля одними губами, она поинтересовалась у отца что происходит, но Фабио лишь пожал плечами. Надзиратель мечтательно глядел перед собой, так словно это водка подтолкнула его на столь странную выходку и взял небольшую паузу собираясь с мыслью.

– Накатил сегодня, а босс? – Послышался голос Сергея. – Чертов пьянчуга, поставить бы тебя на место разок.

– Умолкни подобру-поздорову. – Рывкнул он и вновь сделался мечтательным и смотрящим в необозримую даль. Как ни странно, Сергей послушно умолк, то ли от обиды то ли давая возможность этому жалкому червяку высказаться.

– Время все так же ускользает, все плыве-е-ет, куда-то, все ухо-о-дит, – Надзиратель вытащил сигарету и засунул в рот, а потом словно и забыл про нее, оглядываясь пустующими глазами по сторонам, – я ведь тоже человек, я ведь тоже, будь я проклят творение, а чего мне не быть им а? Все мы парни в одной лодке, ага. – Он умолк на время, и сигарета перестала болтаться. – Время все идет и идет, прямо как на параде, солдаты все ходят и ходят, а вот для кого эти доходяги ходят, куда они идут и зачем? Куда мы все идем то?

– Да никуда мы не идем босс. – Ответил незнакомый голос.

– Флейта, а ну-ка меньше слов, больше дела, давай сыграй-ка мне, только не громко, а спокойно, как солдаты, иду-

щие куда-то там... Далеко.

Музыка флейты наполнила блок, умеренным спокойным тоном и Надзиратель начал покачиваться из стороны в сторону и притаптывать лакированным ботинком.

– Жизнь смерть, смерть жизнь, когда умираешь думаешь о жизни, а когда живешь о смерти.

– Ха-ха! – Хохотнул Сергей и умолк.

– Я ведь и не таких видывал, как этот упырь, здесь бывали всякие, здесь была сама смерть и ее мы тоже избили, и ее мы тоже сломили, да. Все вы в один момент попадаетесь нам, жалкие и беспомощные, без своих пушек и автоматов, без гордыни и мощи, всех вас ожидает одна участь.

– Тебя тоже босс. – Сказал лысый, который наблюдал вчера за Миленой.

– Меня? – Лицо его сделалось жутким от напряжения и раздражения. – На твоём-то месте, я бы точно не возникал, когда ты прибыл сюда у тебя, хотя бы были волосы.

Тот смущенно ушел в темноту, явно взятый за живое.

– Туда-сюда, здесь-там, горе-счастье, радость и... Не радость. Знал я здесь одного заключенного, в те времена я только начал знакомиться с этим миром, в котором приходится видеть ваши рожи по утру. Звали его Евгений Щекин, крепкий был здоровяк, как скала, мы его били что есть силы до самой усталости и последнего пота, а ему хоть бы что, наплевать, лежит спокойно и не шелохнется. Ох мы с ним, ой-ой-ой, наш Надзиратель тогда ай-ай-ай, ни в какую,

нет, ну никак. – Наступила пауза и Надзиратель как будто осмотрел кинолентку тех давних событий и продолжил: – От него и слова нельзя было услышать, он был скалой, он был морем, здоровенный как бык, спокойный. Я ему тогда говорю: «Я ведь найду твоё слабое место, я найду проход в твою душу», а он молчок, лишь смотрит, как бы сквозь, а может и насквозь. Такие дела.

Снова пауза.

– Месяцы плыли, время все шло и шло, раны его заживали, и мы вновь наносили ему новые побои и понимали, что нам его не сломить, мы исчерпывали силы быстрее чем успевали доставить ему боль. Это был крепкий орешек, скала, море! Такой нигде не попадетсЯ, ему нечего терять, он само совершенство, сама неотвратимость, а мы букашки на его пути, нам до него не достать, нам его не одолеть, нет.

Надзиратель выдохнул.

– Два с половиной года прошло, нам досаждало бить его, но мы продолжали, в то время как удовольствие получал скорее он нежели мы, так быть не должно, это ни в какую, мы здесь трудимся, мы здесь чтобы сломить ваши души, мы здесь для того, чтобы унижить вас за ваши проступки. Он не имел права проводить время без боли, без мучений! И вот однажды я прохожу мимо его камеры и гляжу как он лежит ближе к стенке, видна лишь спина, огромная как камень, я приказал ему встать, он не встает, я говорю, что сейчас позову остальных, он неохотно повиновался и медленно покорно

встал, смотря мне в лицо. Глаза его были красными точно кровавое море и две слезы вдруг покатались по его щекам. Я смотрел на него как пораженный и не смог вытянуть из себя ни звука, казалось, он в какой-то степени пребывал в том же духе. Его нижняя губа тряслась, а руки сжимались в кулаки и разжимались. В тот день я узрел это, в тот день он сломался, сделал шаг назад, сдался, да, прямо-таки убит. Эх, это была интересная личность, это была интересная партия скажу я вам, два года я терпел, искал, пытался и места себе не находил, но в итоге он сам сделал все за меня, позже деревяшка та, ну на которой он спал набухла от слез. Эх, здоровяк Евгений, он мог сожрать нас всех здесь и глазом не моргнув, но ему не хватило сил, никто не выходит сухим из этого моря.

Надзиратель вдруг заметил сигарету во рту и зажег ее, дым начал заполнять пространство вокруг, а тишина никак не нарушалась, было слышно, как он вдыхал сигаретный дым, как сигарета его тлела при затяжках, было слышно абсолютно все, даже как тараканы бегали из угла в угол.

– Время, время, да что я так прицепился? Подумаешь! Вон эти двое из охраны даже не знают Евгения, знаменитого орешка! Он был в камере того который умом тронулся, никак не запомню его имени, больно много он болтает.

Сергей буркнул себе под нос, но ничего не ответил, догадываясь кого он имеет в виду.

– Да время бесцеремонно движется вперед, совсем безжалостно быстро и в то же время, медленно, незаметно и порой

даже уж слишком. Секунды превращаются в минуты, минуты в часы не для кого это не секрет. Все эти размышления, думы, время и так далее... Человек задает одни и те же вопросы, проживает одни и те же ситуации, время порой просто смеется над нами, переставляя судьбы с места на место, а мы все спешим, то падаем, то встаем, то помогаем то просим, мы оглядываемся и понимаем время прошло, река успела утечь безвозвратно, даруя нам на память нечто доброе или дурное. Ведь помять коварно не помнит чего-то обычного и повседневного, нет, только чересчур хорошее или плохое. Время ломает, время лечит, время строит и рушит, ждать время – это терять его, смотреть назад – пропускать напрасно. Мы не можем идти все время, иногда мы останавливаемся и даже без собственной воли на это, иногда бежим и торопимся не пойми куда, иногда кричим и плачем вспоминая, иногда печалимся что упустили. Не иначе как чья-то злая шутка, а время все потешается над судьбами, кто ждет своего часа, который был оглашен как смертный приговор, кто никак не хочет знать того, что будет дальше, боясь, что там в дали уже все давно решено за него. Слишком жизнь эта коротка чтобы понять все на свете, слишком малым временем мы располагаем и мы торгуем им как хотим, меняем на деньги, на любовь, на детей, меняем на вещи, на жизнь, нам не жалко ни гроша времени выданного нам в подарок, а кому и вовсе осточертело его время и тем самым он неминуемо обрывает свою жизнь, да, действительно такое сплошь и ря-

дом, однажды мы проснемся глубокими старцами и все что у нас останется это пленка нашей памяти, обширной, радостной и печальной, заставляющей смеяться, жалеть, рассказывать другим. Кожа наша станет дряхлой и будет выглядеть как скомканный кусок бумаги. Иногда нас будет заносить в прошлое, время станет нашим старым и добрым другом, а иногда и злейшим врагом, который никак не сделает свой последний удар. Быть может жизнь у нас такая, сложная и неопределенная, может так оно и есть, а мы все ждем и ждем чего-то хорошего, в то время как оно ускользает из-под рук.

Фабио невольно и сам задумался о времени, надо отдать Надзирателю должное, раз тот смог заставить кого-то задуматься об этом. Он не знал, что делать со всем временем, которое отныне он проведет здесь в тюрьме, и впервые, за столь короткий промежуток времени он вдруг осознал, что время отнюдь не на их стороне, это было коварное осмысление собственного поражения. Фабио вместе с дочуркой за решеткой, а Совет властвует и процветает.

В такие моменты мысли могут одержать вверх над здравым смыслом, иногда мысли диктуют нам свои надменные и несчастные выводы на подобии того, что все потеряно и деваться некуда. Фабио умел распознавать это, ведь как-никак свой жизненный опыт он всегда носил у себя в голове и пользовался им безукоризненно. Но временами, когда он оставался наедине с самим собой назревал вопрос: «что же делать?» И бил его исподтишка, сваливался на голову, вво-

дил в ступор и никак не отступал. И действительно куда же деваться, куда прятаться и бежать? Что нужно сделать чтобы все наконец прекратилось? Смеяться или же плакать, страдать и бить себя кулаком по лбу, защищать свои права, твердить всем о своей святости и молить о прощении? Что же делать, когда небеса падают тебе наголову, что делать, когда тебя застают врасплох и так ли ужасна судьба что предначертана нам? Вопросы – это море, в котором иногда хочется утонуть, нырнуть туда всем телом, всем существом своим. Иногда вопросы, как и вода, не дают тебе выдохнуть и глотнуть воздуха, ну а что же ответы? Ведь они в той пучине снизу, именно там, куда никто не полезет, будь он человек разумный. Да даже если и так, утешат ли ответы, дадут ли надежду, что так сладка на вкус? Из кожи вон мы лезем, а сами и незнаем зачем, нам некуда бежать. Боль она повсюду, она заставит тебя страдать, рано или поздно она поставит тебя на колени и будет ухмыляться над тобой, пока ты будешь плакать, прося о пощаде.

Что же можно сделать, когда ты в заточении? Разве можно что-либо сделать? Что делать, когда сил больше не будет, когда раны будут ныть, возвещая о себе каждое мгновение, когда слезы Милены будут мучать как свою владелицу, так и ее отца больше любых побоев? Что делать, когда ты теряешь рассудок, когда мысли твои становятся целым роем захлестывающим тебя бесконечным потоком, ты просыпаешься и не знаешь зачем, ты не помнишь, а может не хочешь

помнить, ты засыпаешь и совсем не хочешь просыпаться, и всякая вера в тебе угасает. В один прекрасный день, этот вопрос постучит и тебе придется открыть ему и смириться со всем происходящим, но сделать ты ничего не сможешь, воля твоя из железного стержня ржавеет у тебя на глазах, слезы накатывают сами собой, чувства становятся врагом, а любимые сердцу холодным бессердечием наблюдают картину твоей гибели.

Только еда будет помогать возвращаться в себя на время, иногда просыпаясь и пугаясь всему и вся, становится страшно, а от чего и сам не знаешь. Тревога бьет по груди и спине как кнутом, снова и снова приходится переживать ту боль, которую тебе причиняют, и даже во сне не находишь себе покоя. Кажется, словно больше не будет как прежде, все меняется, уходит за пределы видимого, покидает тебя, остаются лишь демоны которых ты кормишь, вера, кажется, совсем теряется во всем этом мраке, ты как будто тонешь в чем-то дочерна-темном, страшном и полузабытом, это что-то и есть ты и ты кричишь, но тебя никто не слышит, и никто спасет, лишь еще сильнее затянет туда, во мрак, оставляя тебя на попечение тьме.

Со временем все становится безразличным, тусклым и серым. Лишь жестокие и беспощадные, наказывающие и ревушие дубинки заставляют тебя вспомнить о чем-то хорошем отзываясь в голове реющим стоном воспоминаний, ты вновь начинаешь жить, ведь боль возвещает о себе и напоминает о

том, что все продолжается, время продолжает идти как для тебя, так и для других и это еще не конец, вот что они говорят: это еще не конец.

Внутри что-то дергается и движется словно только проснулось, пытается найти выход, но не может. Какая-то необозримая, непонятная эмоция бьется внутри, но тщетно! Она давит, прыгает, уносит за собой, она бьет и тянет все никак не затухая, сил больше нет, есть только боль и страдания, рассудок иногда появляется как маяк на необозримом берегу. Эмоция начинает успокаиваться и тело дрожит в судорогах, голова довершает это тупой и протяжной болью, а сон не накрывает больше покрывалом. Вновь боль, вновь эта пора, на смену которой приходят мысли о боли чередуя друг друга.

Время получило свое, время и есть наш друг и враг, наше лекарство и наша смерть, так стоит-ли любить тебя после всего что ты сделала, стоит-ли поблагодарить за то, что ты есть? Беспреданно шагая секундами, приводишь ты нас туда, где суждено нам быть, бьешь нас и лечишь, любишь и ненавидишь.

Глава 3.

– Милли! – Выкрикнул Фабио выбираясь из темных закоулков сновидений, вырываясь оттуда как от толщи рук, цепляющих его за руки и за ноги. Фабио падает на пол со своей дощечки и не понимает, где он.

– Милли! – Едва слышно прошептал он.

Вдруг раздались яростные шаги, из которых в последствии выявился охранник. Он взглянул на камеру слева, затем справа и пригрозил обоим дубинкой, как бы намекая на то, что еще одного такого раза он не потерпит.

– Милли... – шептал Фабио самому себе, да так что Милена едва могла расслышать его, – моя бедная Милли, что, что же я натворил?

Она примкнула к решетке обхватив ее и покачала головой, как бы говоря что он не виноват, лицо ее было до того трогательным, таким оно казалось Фабию юным и нетронутым, чистым как луна, как река при свете луны, что каждый изгиб юных морщинок образующих гримасу боли и отчаяния вместе с состраданием к отцу, пробуждали в нем бурю эмоций, которые продолжали бить его изнутри.

– Что же я натворил Милли? – Зарыдал он, сидя на полу и закрыв лицо руками. Милена отошла от решетки и села на свою кровать не в силах наблюдать за этой болью. Она понимала как ему сейчас тяжело, хотя с другой стороны и

представить себе не могла через что же ему пришлось пройти за те дни, что он провел здесь. Нижняя губа ее невольно затряслась, но она сдерживала наплыв слез и старалась держать себя в руках, так же, как и Фабио она не узнавала себя, а смириться с этим еще не успела, она никогда не простит того что сделали Совет, Надзиратель и те бронированные солдаты которые привезли их сюда и к тому же убили Наставника которого так любил Сергей. Иногда, когда Фабио били слишком рьяно, она не сдерживала крик, она просила их остановиться, она умоляла хоть и прекрасно знала, что Надзирателю это доставит излишнее удовольствие, но, к удивлению, они прекращали, в конце концов они не могли убить его, по крайней мере у них не было таких намерений. Кажется, они стремились сломить не больше Фабио чем Милену, постоянно поджидая пока она не начнет страдать вместе с ним, пока не станет молить о пощаде. Иногда она даже кричала и просила, чтобы избili ее, но те лишь цокали и отвергали это предложение, «нет так совсем неинтересно» – именно эти мысли можно было прочесть на лицах этих мародеров, и когданибудь они поплатятся за все.

– Наставник... – шептал Сергей у себя в камере, – это снова вы?.. Я так долго ждал, когда вы вновь вернетесь... Все из-за этих тварей верно?.. Простите, не выражаться, я помню, простите Наставник... Почему же вас так долго не было? Мне так сложно без вас... Я понимаю, но... Да, конечно... Вы правы Наставник, но все же... Нет... Никогда... Но

черт!.. Простите... Заберите меня... Прошу вас Наставник, заберите меня иначе я оторву им их головы и сожру их, откручу им их гнусные руки, засуну их головы в... Да что же это со мной сегодня?.. Молю не покидайте меня, еще немного... Мне так одиноко, нет прошу Наставник, нет! А черт!

– Рассвет всегда являет нам свет, покуда тьма сворачивается обратно. – процитировал он слова Наставника, которые услышал.

– Рассвет, тьма, здесь ведь нет рассвета, только лампа светит, да и все. Не понять мне раздумий мудрейших и все из-за этих подонков, которые оборвали мою связь со вселенной! Теперь я совсем как простой смертный, тьфу! Куда еще хуже, быть такими же как все, нет, тут нужно вмешаться, так дело не пойдет, совсем уже из меня решили барана сделать, ну уж, поделом им, черта с два, ха! Лесом их планы далеким и северным, меня то, уф, нет! Меня не сломить, я слишком умен, красив, слишком быстр, им не добраться до меня! До моих сокровенных мыслей, о да, разрази меня гром! Я могуч, как стая туч! Да вот так-то лучше, совсем другое дело, не то, что раньше. Нужно помедитировать, вот что, прямо как врач прописал, именно это мне сейчас и нужно, никак не иначе!

Время хоть и потеряло какое-либо значение в этом коварном месте, но все равно шло все так же не переставая. Ужин был подан, и Иван Флейта сыграл мелодию на ночь. Свет потушили, являя тьму, дабы сон нагрянул и завлек их в свой

мир, где иногда можно найти покой, но далеко не всегда, далеко не всегда обрести его.

Глава 4.

Надзиратель вновь сел на табуретку в конце блока у камер Фабио и Милены под возгласы и пожелания Сергея поскорее тому подохнуть от пьянства. Охрана вновь оставила его одного, завтра у Надзирателя намечался выходной, но это вовсе не означало что сегодня нельзя будет пригубить чего покрепче и обсудить вопросы важные и наболевшие хоть с кем-нибудь даже с этими избитыми заключенными, и хотя они совсем не были рады таким откровенным разговорам, ни у кого не хватало смелости возвестить об этом и поэтому приходилось помалкивать дабы не получить лишней порции тумаков. Фабио не понимал Надзирателя, но впервые начал сознавать что того терзает пьянство и поэтому его мысли не могут сидеть смирно в голове. Фабио, думалось что Надзиратель находит в такой исповеди свое спасение от тех прегрешений, которые тяготят его душу.

Табуретка с шумом повалилась ножками на пол. Надзиратель опустился на нее и кожаные туфли зашкрипели. Он выдохнул и эхом отозвался его выдох по блоку. Он начал рассуждать:

– Миленькие вы мои, есть ведь в этом что-то, правда ведь? И я так считаю, да. Черт бутылку забыл взять с собой, – он махнул рукой, – ну хрен с ней с бутылкой. Жена моя иногда такая... Ну понимаете да меня? Я, конечно, тоже не ахти...

Ох, жена моя это просто... Да не о ней конечно хотелось поговорить.

Чем-то он напоминал оратора, а чем-то нездорового рас­судком пациента на приеме у психиатра.

– Жена, жена, избить бы ее да засунуть сюда к вам, чтобы она наконец перестала быть... Чтобы наконец... Ну ее! Жену эту, приходишь ты домой для чего? Для отдыха, а уходишь как с фронта, мать его! У кого язык повернется назвать брак святым делом? Я дома взаперти со зверем, прямо, как и вы все здесь и мне ни капли не смешно. И чего нам одним не живет­ся мужикам, зачем сами себе проблем на голову ищем, на кой черт? И ведь все равно споткнемся, и ведь попадемся в лапы этим вот хищницам, а они нами крутят и вертят пока мы в беспам­ятстве голову потеряли, ну и где счастье-то? Куда подевалось? Где радость, где чертова любовь? Не понимаю, нет ну что за чертовщина? Что за обман? Идешь смотреть кино, там веселье, любовь, ссоры, примиренье, радость смех, счастье, нет, где-то нам точно лапшу на уши повесили, что-то нам точно недоговаривают, это ж надо! Так значит, в горе и в радости последнего вздоха, да меня тошнит уже от нее до последнего вздоха! Я что на матери своей женился? То не делай, это сюда, это не так, ей Богу, это какая-то чертовщина, околесица, это кошмар, дома как в тюрьме сижу, да я лучше здесь останусь, она и сюда заявиться, здесь устроит переворот, а куда от нее денешься, все уже, конец, брак – это нечто прекрасное, это небывалое счастье! Брак

худшая вещь на земле, лучше и не придумаешь, то-то у нас все такие счастливые ходят, ага, ну точно, не удивлюсь если Американцы к нам брак завезли, ну тогда точно все сходится. Тогда уж совсем.

– Чего ты разнылся там, как дед старый, паршивец? – Вскрикнул Сергей, поверив в себя.

– Как ты мне надоел, ну покажу тебе! – Вскочил к камере Сергея Надзиратель и постучал дубинкой по прутьям, отчего Сергей скорчился в углу. – Я тебе устрою сейчас, клоун ты несчастный.

– Все, все, спокойно, проваливай.

Надзиратель сел на место засовывая дубинку обратно, а потом встал и вышел из блока, как выяснилось он удалился за бутылкой, так как вернулся уже с нею. То была водка, но водка качественная. На стеклянной бутылке приходился красивый рисунок пшена, желтого как солнце, сама бутылка выглядела довольно недешево. Он открутил крышку, но силу не рассчитал, и та упала на пол. Он сделал пару глотков и с шумом нагнулся за крышкой, издав протяжный стон и наконец закрыл бутылку поставил ее на пол и точно забыл про нее.

– Жизнь, поди, у нас такая, работаем, ненавидим друг друга. Да ребята? Вы же ненавидите меня? Еще бы, я тоже вас ненавижу, работа у меня такая, ненавидеть таких как вы, а у вас своя, но что поделать, живем и живем, не жалуемся, что поделать, когда делать нечего. Мне нужно чтобы вы здесь не

прохлаждались понимаете? Здесь вам не курорт, не обычная тюрьма, здесь вам, преступление и наказание, вот оно как. Кто знает может однажды, вы отсюда выберетесь и сожжете меня с потрохами, даже не будете брезгать чего уж там, томить, может так и будет. Может я вас всех перестреляю разом, потеряю рассудок от всего этого бреда, все может быть, а чего не может того и не будет, во как сказал я. Тут неподалеку кладбище имеется, ну а как же без него? Я хожу туда частенько, посещаю этих бедолаг, я не был к ним чем-то предрасположен, нет ни капли, просто славные они были, у меня на глазах они ломались как орешки, они плакали и ненавидели себя, они ненавидели меня и всю поганую жизнь, здесь они были никем и ничем, радости в них было столько же сколько в дерьме брошенном в океан, они здесь были совсем одни, никто не смог им помочь, все как один ожидали смерти, никто не хотел жить такой жизнью. Получается в какой-то степени я справился с задачей, может так им и надо этим убийцам несчастным? Но все равно я хожу к ним, все равно меня тянет туда и подчас коленки трясутся, вот они все передо мной в своих могилках точно в камерах и моя власть над ними больше не имеет силы, а наказывать их нет возможности. Они наши покой, о котором так давно мечтали, можно даже им позавидовать, поздравить их наконец с тем, что все закончилось. Можно даже возненавидеть их за то, что они ушли и проклинать их души за те презренные деяния, на которые они осмелились. Было и то и другое,

сострадание и ненависть, а иногда все вместе, я топтал землю, в которой они покоятся, в то время как я все еще здесь обреченный на жизнь. Я сочувствовал этим беднякам, хотя и сам поражался своей способности причинять такую боль, которой они явно не заслуживают. Что-то есть в этих посещениях, что-то успокаивающее, прямо как сейчас, когда я рассказываю вам точно такое же чувство приходит и ложится на душу, его и не опишешь. Мало я уже могу почувствовать в своей никчемной безжалостной жизни, но когда чувствую, то прихожу в восторг, будь то гнев или снисхождение, будь то печаль или предвкушение, мне плевать. Покуда чувствуешь, тогда и понимаешь, что живешь, хоть и жить желания нет, но разве кто спрашивает, хочешь или нет, если уж жить, то с лоском.

На этом он и закончил свой монотонный мрачный монолог. Фабио лежал на дощечке и думал, пока порыв мысленного движения уносил его с собой. Он думал о многом, но мысли его растворялись и сгущались, пытаясь принять какую-либо форму, но потом гасли как свечи на ветру. Он думал о своей прелестной дочери, в то время как та, до безумия беспокоилась об отце. Сергей отчаянно пытался вновь заговорить с Наставником в своей голове.

Казалось, никто уже не воспринимал всерьез того, как внезапно и неожиданно все обернулось вспять самым непредвиденным образом. Тоска, беспокойство и уныние постепенно переходили в нечто большее и существенное,

способное разубедить человека в ценности всякой вещи. Тождественно унынию чувство это разубеждает во всякой действительной правде и каков бы ни был мир он навек останется мрачным для того, кого постигло – равнодушие. Разве не во власти своих владельцев находится рассудок? Порой внешние обстоятельства бьют по стенам внутреннего мира. Тюрьма или темница испепеляет душу одним лишь своим зловонием, разинувшим широкую пасть. Боль и побои извечные товарищи страдания они делают свою работу безупречно. Там, где слово бессильно, в ход идут дубинки. И покуда пот смешивается с кровью, а слезы с отчаянием, пока ночью пробуждается совесть, спящая днем у человека, имеющего прямое отношение ко всей грязи, которую он учудил беспощадными своими выходками, беспрекословными тумачами, непрерывным мучением ближнего, всякий свет, всякая надежда на благополучие, всякое упование на человечность, рушится под градом бессердечности и разрушается уже изнутри потусторонним и всевластным отчаянием. Кем же был человек, который учудил столько бесчестья и даже более того? Человек этот был заключен, как и остальные в эту тюрьму и имел лишь определенные привилегии покидать ее стены, и направляться куда? В жерло несчастья, в дом своей жены. Он был обречен не менее остальных и ждал заветного часа, когда бы ему удалось более не возвращаться в тюрьму подобно тому, как заключенные несметно ждут минуты своего освобождения словно чуда, нисшедшего до

их грешных душ. Но в глубине души Надзиратель знал, что, как и остальным ему удастся освободиться из оков тюрьмы и брака, которого он всецело ненавидел и о котором так жалел только одним путем – внезапной и долгожданной смертью.

Отвлечшись ото сна глубокими мыслями, Фабио лежал, глядя на потолок и разглядывал его серо-темную массу. Вместо того чтобы блуждать по миру сновидений, он начал идти по пути размышления и беспробудно затерялся бы в этой пустыне если бы вниманием его не завладели звуки, исходящие извне, внешние звуки, которые при длительном безмолвии обращаются в нечто страшное и неизведанное, как звуки ночного леса, внезапно ожившего после долговременного затишья. Оказалось, то был Поляк, который пытался заговорить с Фабио.

– Чего тебе Поляк? – Спросил Фабио.

– Фабио, Фабио, ну как, как ты? – В шепоте Поляка можно было слышать безудержное волнение.

– Не знаю честно что и сказать, думаю ты и так знаешь какого мне, ведь сам ты находишься в том же положении.

– Верно, у меня все так же да... Фабио знаешь... Сегодня у моей дочурки день рождения... Ей исполнилось девять!

– Поздравляю, большое дело! Не знал, что у тебя есть дочь.

– Ну так уж получилось, что не было повода для такого откровения.

– Скучаешь по ней?

Поляк несколько помедлил с ответом, но, когда он всхлипнул его заминка была вполне ясна и оправданна Фабио.

– Безумно, Фабио, безумно.

– Мне жаль старик, когда ты... Когда она тебя потеряла, во сколько?

– В шесть. Получается она меня все еще помнит, ведь помнит, верно? Наверняка думает, что я сбежал от нее, что я преступник... Не знаю, все что угодно, только не что-нибудь хорошее. Если бы я мог хотя бы объясниться или попросить у нее прощения, она ведь растет без отца, без опоры, ей наверно так тяжело, да и мне без нее никуда. – Немного обождав, он спросил: – Как ты думаешь Фабио, может быть, что когда нибудь...

– Не знаю, правда, не хочу разочаровывать тебя, не хочу говорить того, о чем сам не знаю, ведь я в таком же положении мой друг, я в той же проклятой яме. Твоя дочка в безопасности и это самое главное для тебя, разве не так?

– Да, именно так! Мне жаль Фабио, искренне жаль, что у тебя так все сложилось, ни один отец не хотел бы видеть, как его дочь страдает, ни одна дочь не захотела бы видеть, как ее отца избивают изо дня в день.

– Иногда иного выхода нет и остается только идти дальше, через страдания, боль и муку, как сквозь пламя, выжигая свою душу, теряя все хорошее и плохое, дабы однажды, в один момент стать совсем другим человеком, которому под

силу пройти сквозь пламя похлеще.

Наступила тишина, которая уже не являлась для них непривычной, Фабио ровно, как и Поляк думал о чем-то.

– По жене не скучаешь? – Спросил Фабио нарушив тишину.

– Мало по малу, мы с ней немного отделились друг от друга, в то время, когда были... Вместе. А ты?

– У меня и не было жены, Милена сирота, которая нашла меня, а может и я был сиротой пока вдруг не нашел ее. Она мой луч света во тьме, и если бы я знал, как плохо ее жизнь обернется со мной...

– Ну что же ты, Фабио! Если бы не Совет, то жили бы вы счастливо, не стоит винить себя в их тирании.

– Не стоило мне учить ее убийству.

– А зачем научил?

– Она с самых ранних лет видела во мне того, кого ей видеть не стоило, нас всюду окружало мое прошлое, а моя профессия хоть и осталась позади, все равно не покинула меня. Может так и было суждено нам скитаться вместе, убивая людей, которые стали бесполезными в этом жестоком мире? Разве мог я отказать дочери в том, чего она хотела больше всего... Быть похожей на отца.

– Знаешь Фабио, мне кажется хорошо, что я далеко от своей дочурки, кто знает, какая беда бы поджидала нас всей семьей, сейчас я расплачиваюсь за свои грешки собственной душой, Господи, спасибо тебе Фабио.

– Я и не сделал ровным счетом ничего, ты все понял сам.

– Нет мой друг, ты сделал даже больше, чем нужно.

– Может в самом деле так будет лучше и для тебя, и для нее. Все мы горазды сетовать на судьбу и испытания, но обочиваясь назад понимаем, что они-то и делают нашу жизнь лучше, хоть и не всегда проходят так гладко как нам того хотелось бы. Годы бесследно проходят, дни медленно идут, а дела совершаются, куда же податься, когда вокруг тебя одно несчастье и куда деть счастье, когда приходит его время? Все сменяется подобно временам года, осень готовит нас к зиме а весна напоминает что скоро все пройдет и станет прекрасным и листья что упали в осень, вновь оживут и вырастут еще прекрасней и зеленей, вот и мы попав в капкан проблем, сделавшись из гусеницы в бабочку, подобно фениксу восстанем из пепла и взлетим с порывом ветра, обретая новую силу, но сейчас все что мы можем так это пожинать годы плена и ненастья даже не подозревая о том, что же нас ждет в дальнейшем.

Поляк всхлипнул и не дожидаясь вопроса от Фабио он оправдался:

– Ты прямо как священник проповедуешь терпение, даруешь надежду там куда ее бы и ветром не занесло.

– Иногда надежда лишь усиливает страдание, на которое обрекает судьба.

– Надежда единственный сладкий плод в этом горьком месте.

– Здесь нас горазды сломить, сами не понимая, что сломенную душу снова не сломаешь.

– Неужели ты видывал более темные потемки жизни?

– Я думаю что мы неизбежно будем проходить сквозь тяжкие испытания, когда у тебя есть что терять ты теряешь, когда терять нечего найдется что похуже, лишь когда ты теряешь все, изнемогаешь от боли, встречаешь рассвет в полном крахе, ожидая наконец последнего удара судьбы, тогда-то кажется и приходит облегчение, но увы наступает нечто более обременительное, нечто такое, отчего уже не поднимаешься, ты как потерявшийся в недрах моря единственный оставшийся в живых на судне, без еды, одинокий, ищешь хотя бы малейший намек на спасение, в то время как вздымается море, а небеса готовы разорваться, познать бы всем это, пройти бы сквозь это море, только тогда мы понимаем всю суть когда просыпаемся старцами, глубокими и сожалеющими о том многом что уже прошло безвозвратно, гордящимися своими подвигами, до которых никому нет дела.

– Страшно представить через что же ты прошел, чтобы говорить такое.

– Прости Поляк, я вовсе не хотел бы говорить тебе всего этого...

– Нет что ты, сказанное тобой я никогда не забуду, все что ты поведал мне это сокровища, которыми ты награжден за много лет страданий и горестей, которые в одночасье стали истиной и как золото возникли на берегу моря.

– Не подумай, что все это время я пребывал в отчаянии, но без этого не обойтись, мою жизнь можно назвать счастливой, ведь я через многое прошел и понял, чем же нужно обладать чтобы быть богаче всякого смертного.

– Поведай же прошу!

– Благодарностью.

На этом и закончился их разговор, одежда шуршала пока они не оказались на своих деревянных койках. Фабио хотел уже было уснуть, но, как всегда, напоследок взглянул как там Милена. Она сидела на койке и наблюдала за отцом, смотря взглядом верности, любви и полного доверия. Они глядели друг на друга и Фабио никогда бы не подумал, что одним взглядом человека можно заставить заплакать, но тем не менее слезы потекли с его глаз, ровно, как и у нее. Им не нужно было слов чтобы признаться друг другу в любви, отцовской искренней и любви детской, невинной и беспощадно колотящейся в сердце.

Он лишь кивнул ей вытирая слезы, она сделала тоже самое и уснули они оба детским сном, стараясь хотя бы там обрести покой на какое-то время, забыть о боли, о трудностях и улететь в небо ночное прямо к пепельным облакам, стать вновь всемогущими творцами в стенах собственного разума, забыть наконец о жизни, которая так сильно и корыстно бьет и ускользнуть далеко за горизонт сознания и тьмы.

Глава 5.

Фабио вскочил от чьих-то криков и стонов, молящих о пощаде, ему даже показалось словно бы он сам издавал эти жалостливые стоны, звук которых доносился в самой близости от него. Он бросил взгляд на Милену, она сидела на своей кровати и жалостливо следила за движениями охранников, находящихся всего в одном шаге от камеры Фабио, но те в свою очередь были заняты излюбленным делом, которое явно пробуждало в них зловещую радость.

– Что Поляк отвык от ударов? Совсем ты здесь расслабился как поглядим. – Прошипел один из охранников.

– Не надо прошу, хватит, пожалуйста. – Стонал он и, кажется, плакал.

– Заткнись-ка лучше. – Произнес второй охранник.

– На что ты здесь надеялся, а преступник? На роскошь, вентиляторы и туалет с подогревом? Жалкий червь. – Сказал первый и в некоторых фразах голос его напрягся от силы, которую он прикладывал дабы сильнее избить Поляка.

Это длилось не долго, все произошло в одно мгновение, а по пути обратно, охранники чуть не начали незапланированную расправу над Сергеем, который испугал обоих, когда те шли мимо. Сергей лишь рассмеялся от души над тем, как ловко ему удалось напугать двух мальчишек.

– Я убью его! – Выпалил второй, но первый вразумил то-

варища, который в последствии ограничился лишь одним плевком в сторону его камеры, затем они последовали дальше под дикий хохот Сергея.

– Он чокнутый. Оставь этого бедолагу, еще успеется его образумить.

Сергей стонал от смеха.

Тем временем Фабио шепнул Поляку:

– Потерпи немного, боль пройдет, она всегда проходит, если бы они только знали, что такое настоящая боль, то никогда бы не осмелились подвергнуть кого-нибудь этому страданию. Потерпи Поляк, ничто не вечно и скоро настанет час расплаты, все временно, все подвластно случаю.

– Если бы они знали...

– Да именно так. Отдохни, все пройдет. Ничто не вечно.

Глава 6.

Свет сменял тьму, время все так же эгоистично шло себе никуда не спеша, ни медленно, ни быстро, в такие периоды, когда совсем ничего не происходило в блоке, особенно ясно слышались чьи-то душевные терзания, сожаление и одиночество. Вдруг просыпается чувство или человек которого давно не видел встает перед взором, все отстраняется, плывет и уплывает, пыль в воздухе оседает от отсутствия ветра и уборки, охранники меряют шагами блок от скуки потирая лоб от пота, а порой и дрожа от холода точно эскимосы снующие по ледяной гуще или же по белоснежным снегам, по невинному снегу. Вот он синий лед точно полуденные безоблачные небеса, а там в глубине тьма, затаившаяся и пропадающая.

Разве можно в таком месте как это обрести покой, найти умиротворение и тишину, когда тебя окружает стайка охраны, сменяющая друг друга, единственное что остается неизменным так это Надзиратель и смотрящие исподлобья охранники со своим тупым бычьим взглядом, еще чуть-чуть и глаза их покраснеют, а в ноздрях появиться откуда ни возьми стальное кольцо.

Иван флейта разыгрывал мелодию, он всегда играл в самый подходящий момент, когда остальным казалось, что они вот-вот потеряются во времени и воспоминаниях, растворяются в собственных грезах и терзаниях как сразу же, вдруг

откуда-то из глубин блока, раздавался этот мелодичный и приятный звук, он как бы извлекал души из ушей, принуждая их парить в воздухе, тогда время вконец переставало наконец давить на души заключенных и был лишь этот прекрасный звон в ушах уносящий слушателей за пределы всякой решетки, невероятное явление!

Сразу же после мелодии флейты слышались грозные, внушающие страх шаги, которые ввергали чуть ли не каждого заключенного в ужасную пытку еще до того, как боль разрастется по телу. Снова и снова они перебирали свои пальцы и пытались высчитать сколько же времени прошло с последнего раза, но дни, недели и месяцы ощущались так же, как один непрекращающийся день, который никак не мог закончиться. Лишь Фабио и Сергей не боялись своей участи и всегда один терпел, другой боролся. Милену приближающиеся шаги пугали не меньше остальных, она была единственной кого не трогали грязные, окрашенные чужой кровью дубинки охранников, но ее отец вечно подвергавшийся самому болезненному наказанию, ее опора и единственный человек которого она любила ни смотря ни на что был обречен страдать у нее на глазах и ничто не внушало ей большей боли чем наблюдение и осознание этого. Она могла закрыться от остального мира, не слушать и не видеть того, что прямо перед ней разворачивалось безжалостным актом, но осознание все равно сдавливало грудную клетку и слезы наворачивались сами собой. Она ненавидела плакать и помнила вре-

мя, когда не знала слез и именно из-за ее прошлого, которое они никогда не забывала, именно из-за прошлой себя которую она всегда с собой сравнивала, она ненавидела себя нынешнюю еще больше. Милена теряла веру в себя и ничто не могло навредить ей так как это.

Решетка отворилась и наручники были одеты. Фабио был готов, но только на одно мгновение, после которого настала адская, жгучая и невыносимая боль, под руководством Надзирателя, который возглавлял это представление и поглядывал украдкой в сторону Милены.

Тело его было будто подвешено на веревке и били его так словно из него вот-вот хлынут конфеты. Раз удар, два, иногда и одновременно. Удары эти забрасывали его в иной мир хоть и не сокрушались ему на голову что поспособствовало бы этому. Раз удар и вот Милена радуется тортику на день рождения, два удар, вот он пытается прикончить юного Сергея оставляя на его лице шрам, три удар, вот юный молодец возраста Милены, держит в руках оружие и пытается разобрать его и собрать с пытливостью необузданного характера и искоркой в глазах. Он летал из одного уголка жизни в другой, становясь то старше то моложе, боль присутствовала везде, она заполняла и хорошие воспоминания и плохие, боль пронизывала всю его сущность, боль заполняла его, приумножаясь с другой болью, старой и давно забытой, она как лампочка накаливалась до придела а потом медленно гасла, Фабио потерял счет ударам, он перестал карабкаться

ся по потемкам собственной памяти, он хотел лишь одного: спасти, спасти свою невинную дочь, ценой своей жалкой и никчемной жизни, которую так ненавидят эти негодяи, он сам не понял что произошло, но слова произнесенные им, эхом отозвались в его же голове:

– Возьмите мою душу, но отпустите мою дочку. – Еле уловимый сигнал, просьба, призыв, но увы тщетный, как и всякое слово провинившегося перед лицом палача. Им было наплевать, он знал это, но все равно вымолвил эту мольбу, в приступе непомерной боли, не сознавая толком смысла и не придавая значения каждому слову, ведь не он сказал это, то была его душа, вынырнувшая, но не покинувшая тело, она зывала к остальным душам, к тем существам, которые погубили ту часть себя, что называется душою и потому никто из них не расслышал этих слов, никто не придавал им должного значения.

Фабио подпирал локтями пол стоя на коленях, он покачивался и истекал кровью, в какой-то момент он попытался встать и даже приподнялся, вызвав нескрываемое удивление присутствующих.

– Вот он, ваш герой сегодня! Человек готовый пожертвовать всем ради милейшей дочурки. Посмотри на отца, взгляди внимательно, быть может, станет тебе так же, как и ему, худо до бела! – Вскрикнул Надзиратель, не отдавая приказа продолжать побои.

Милена держалась непринужденно до тех пор, пока Над-

зритель не начал высказывать свои гнусные речи. Боль обступила ее со всех сторон, все ее мысли были направлены исключительно в сторону отца, вся его невыносимая участь непременно отдавалась гулками ударами в ее маленьком сердце. Сосредоточие невыносимого порождало томительную муку, но что являлось невыносимым в этой коварной минуте? Стоит человеку почувствовать свою слабость перед неминуемым как он полноправно убеждается в собственной немощи. Разрастающаяся боль заставляет человека умолкнуть, а мысли тем временем захватывают его разум. Неимоверная боль гасит как речь, так и всякую мысль, она точно неведомый глас, обращающий на себя чужое внимание.

Милена не выдержала, ей не удалось поддаться незримой воли, повергающей ее в адское мучение. На ее глазах избивали единственного родного не кровью но сердцем и душой человека, который был способен проявить в ней все самое святое и благородное, то, что возвращают отцы в своих дочерях сами того не ведая. Милена чувствовала, как причина ее радости и счастья, как человек любимый и любящий непомерно страдает у нее на глазах и порой это наблюдение, эта минута что обращается в долгие мучительные дни, этот человек, который жертвует всем ради одного только облегчения любимой дочурки, готов пойти навстречу гибели и отступить от жизни, требуя взамен лишь ее спасения и является самым невыносимым испытанием со стороны того кто не в силах ничем помочь, обрекая себя тем самым на страдание

обращающееся в бесконечное безумие.

Милена воскликнула:

– Ты гнусный, подлый, мерзавец и ты ничем не отличаешься от убийц, которых так ненавидишь! Ты трус, раз прячешься в своей норке, тебе страшно и поэтому ты причиняешь боль другим! Как бы мне хотелось, чтобы ты почувствовал на себе это страдание, которое в одно мгновение убило бы тебя! Ты паразит, урод, безбожник, ты жалкий червяк!

– Довольно! – Вскрикнул он, явно оскорбленный до глубины души. Кулаки его сжались до бела, а челюсть нервно закоротило, он был в бешенстве, и краска стыда окрасила его лицо неизбежным оттенком яркого алого цвета. Он был опозорен маленькой девочкой.

Фабио с грохотом плюхнулся на пол, не устояв перед натиском этих событий. Охрана с Надзирателям безмолвно сняли с него наручники и закрыв его за решеткой удалились прочь в сопровождении безмолвной тишины, нарушаемой их громогласными шагами.

Глава 7.

Днем было так же темно, как и ночью. Ночь же не спасала ото дня с его мучительной долговязостью, томительно тянувшимися секундами, минутами и часами шедшими бесперебойно, своим чередом, с умопомрачительной медлительностью. День не давал ничего кроме лишнего разочарования, ночь, как и полагалось представляла собою возможность осмыслить постигнутое разочарование и убедиться в нем. Есть такая минута, в которой душа начинает вопрошать неизвестность, именно в таком положении и находился Фабио.

«Откуда в нас эта жестокость, куда она нас приведет?»

Можно избить человека до смерти, но как понять когда остановиться?

Когда эта грань исчезает, да и вообще зачем?

Если бы человек знал к чему могут привести притеснения с его стороны, то осмелился бы он на это?

Все, все без исключения, в один момент теряют контроль и поддаются тому, что движет ими и будет двигать, наши оковы, наша слабость, наши инстинкты.»

Фабио долго размышлял обо всем этом, хоть и не считал себя мыслителем или что еще хуже мудрецом, однако мысли его не заходили дальше человеческого мышления, преодолеть которое можно только окунувшись во мрак беспробуд-

ного безумия.

Сергей не мог найти покоя в своей камере, он чувствовал себя отчужденным и покинутым, пока Милена и Фабио находились, друг против друга, он как ему казалось, был отделен от них не только несколькими камерами, ибо он вообразил, как будто их разделяет, куда большее расстояние, которое нельзя было узреть. Он скучал по ним, скучал безмерно, в чем он не до конца был с собой честен.

Сергей вскоре нашел избавление от тоски безрадостного заточения, он изредка поглядывал за девицей, которую едва было видно в углу открывавшегося ему пространства из зарешеченной камеры. Та с презрением отвечала на его взгляд, не скрывая своего к нему отношения, но Сергей не унывал, такой казалась странной и дурной выходной он пытался отвлечься. Порой он слал ей воздушные поцелуи, махал своей искалеченной рукой или просто играл бровями на своем лбу. Сергея удивляло то обстоятельство, которое заставляло его так одарять вниманием эту девушку ведь, к собственному удивлению, он не питал к ней ничего кроме симпатии и в иной среде никогда бы не взглянул в ее сторону. И хотя девушка эта отвечала ему взглядом полным холодной утренней росы все же она в какой-то степени разделяла его мнение.

– Когда же это было так скучно-то? – Раздумывал он, не припоминая таких же периодов скуки и уныния. Он лежал и поднимал вверх то одну ногу то вторую, а сам думал о том да о сем. Ему вспомнилось как они с Фабио и Миленой были за-

городом, где они сидели у костра и беседовали, он думал, что хотя тот вечер не запомнился ему яркими речами и мудрыми словами все же было в нем нечто прекрасное, успокаивающее и душевное ведь не даром он его запомнил. Коттедж был великолепен, а сон в просторной постели «Разве сравнится это с дощечкой проклятой?» – Думал он. «Конечно нет!» – Ответил он самому себе отчего ему захотелось громко рассмеяться чтобы все услышали, и чтобы Фабио старикашка слышал, вместе с Миленой его дочуркой, такой маленькой убийцей, которая теперь совсем не убийца.

– Ха-ха-ха! – Раздалось на весь блок.

Многие привыкли к выходкам Сергея, такого неугомонного и веселого, а иногда задумчивого и порой даже грустного, никто не питал к нему ненависти, если не считать охрану, Надзирателя и девушку, которая ненавидит его взглядом, и еще не считая пару тройку людей.

Один из охраны который называл себя Павлом, крикнул что-то невнятное из своего кабинета, где они обычно и проводили почти все свое время, играли в карты или пили пиво, именно там Надзиратель и напивался в стельку перед тем, как выступить перед публикой, которая была готова запихать ему в глотку пару вилок с заостренными концами, конечно Сергей не понимал этого человека, будь он Надзирателем все было бы по-другому и еще как.

Сергей начал двигать пальцами на ногах, которые поднимал одну за другой присвистывая при этом.

– Если будешь свистеть мы тебе зубы поотрываем слышишь ты нас? – Крикнул Павел более отчетливо – видимо приоткрыл двери, потому что послышалось как играет радио.

Сергея эта угроза не напугала ни на секунду, и он продолжил свистеть даже с большим усердием. Послышались нервные шаги по холодному полу, громко, явственно, с силой и злобой разносясь по блоку. Сергей перестал свистеть, но все так же болтал ногами в воздухе. Павел тяжелой походкой подошел к его камере.

– Оглох малый?

– С чего ты взял что это я умник?

– Недоумок, ты один здесь такой смелый чтобы насвистывать!

– Что-то не нравится? Можете написать жалобу нашему начальству, желаю всего доброго, до свидания!

Павел побагровел и затопал обратно, а чуть позже звук тяжелых ботинок вновь обрушился на блок уже тремя головами. Они встали у камеры Сергея, и Надзиратель нарушил тишину:

– Решил, что тебе здесь все дозволено а? Не забылся ли ты случаем где находишься?

– Подтяни штанишки, чтобы со мной так разговаривать, тебе не помешали бы подтяжки коротышка. – Сказал Сергей. Все трое были ошарашены, и он продолжил писклявым голосом: – Прошу прощения Надзиратель наш миленький, дайте

сюда вашу задницу, я поцелую ее как родненькую немедленно!

Надзирателя как током ударило, он выхватил ключи у Павла и начал нервно перебирать каждый ключ по отдельности до тех пор, пока не нашел нужный. Со всей стремительно он отпер решетку и зашел первым, покамест за ним стояли охранники, поджидая команды и держа дубинки наготове. Надзиратель хотел проучить его кулаками, Сергей стоял напротив него и был на седьмом небе.

– Ну давайте, давайте же! Справитесь со мной втроем, а? Может вам подмогу?

Сергей отвлек их внимание замахнувшись левой рукой и ударил правой прямо по носу Надзирателя, тогда как тот отшатнулся от первого ложного удара и не предвидел резкого второго. Надзиратель взялся за нос останавливая кровотечение. Двое охранников сразу же ринулись вперед и начали бить осмелевшего Сергея дубинками по рукам и ногам. Сергей извивался как рыба на сковородке, руки его точно два каната вращались по дуге попадая и по лицам противников, но вскоре они онемели от жгучей боли дубинок, разносящих градом удары. Все на что Сергей был способен так это расцарапать обоим лица, чем он вполне удовлетворял свою прихоть. Он хохотал и извивался, но в какой-то момент ноги перестали держать его, и он рухнул на пол. Надзиратель, оттолкнул охрану двумя окровавленными руками и начал неистово бить ногами Сергея вынуждая его скорчить-

ся как еж которого застали врасплох, но почувствовав ритм его ударов и замечая паузу между ними, он выхватил его ногу и вцепился в нее зубами так что жилы на его лице начали проявляться. Надзиратель закричал как резанный и медленно, словно погружаясь в болото опустился наземь, теряя сознание. Охранники тут же вскочили, и вновь обрушили на Сергея шквал ударов стреляя дубинками по всему его телу без разбора, попадая даже по голове. Сергей терпел до последнего и не отпускал ногу Надзирателя напрягая изо всех сил свою челюсть, вспоминая все то плохое произошедшее с ним и наконец припоминая как убили Наставника прямо у него на глазах, чувствуя невыносимые, нескончаемые удары по своему телу и ноющую всепоглощающую боль во всем своем существе, лишь тогда, когда Сергей почувствовал, как откусил целый кусок жалкой плоти Надзирателя, когда сумел вдоволь отомстить ему, лишь тогда Сергей расслабил челюсть и слег без сил на пол теряя сознание от беспрестанных ударов. Надзиратель внезапно пришел в себя рыдая от боли и выполз на четвереньках из камеры покуда была такая возможность.

– Все... В... Все в порядке? – Спросил Павел.

– Вызывай сюда Леночку быстро! – Он сидел на полу и то выпрямлялся, то сгибался, не находя удобного положения, тогда как из носа его кровь так и текла по горлу к груди. – Паша закрой эту псину, потом с ним разберемся! Я ему устрою, оставь его, слышишь меня!

Павел после этих слов еще пару раз ударил Сергея и удостоверившись что тот лежит, едва шевелясь, он развернулся и едва успел закрыть решетку, но не на замок. Сергей уже с яростной ухмылкой толкал решетку, в то время как Павел силился закрыть ее, и не жалея ни сил, ни терпения он резко ударил дубинкой по руке Сергея тем самым вынудив его отшатнуться и ослабить натиск, с тем он и запер решетку, с наружностью преисполненного презрения.

Прибежала медсестра и распорядилась немедленно приволочь Надзирателя в медпункт, пока Сергей хохотал и бегал по камере, когда все трое удалились он упал на пол и вся сила внезапно покинула его, обратно пропорционально притяжению, которое многократно увеличило свое воздействие. Голова кружилась, во рту чулся вкус железа, Сергей пытался ползти по камере и как черепаха дергался на спине пока не перевернулся на живот. Он был точно в воде, где плавал и карабкался, перешептываясь попеременно с Наставником, которого видел перед собой. Он вдруг окоченел и подняв голову взглянул на девушку за которой некогда наблюдал. Та смилостивилась над ним и губы ее слегка вздрогнули поддернутые как будто бы нитками, но он сумел прочесть по губам:

– Мой герой.

Правда он точно не знал взаправду ли они так сказала и сказала ли вообще, он повернулся вновь на спину и стал улыбаться пока свет в его глазах вдруг не померк, на секунду ему

даже показалось что где-то там над потолком парит в темном царстве Наставник, простирая к нему свою длань и подзывая к его себе.

Милена и Фабио едва ли могли понять, что произошло, но после всего случившегося они прислушались к шепоту полумертвых заключенных и в голове у них прояснилась картина бывшая в смутных красках. Единственное что не давало им покоя это последствия, которые вскоре не замедлят стать для Сергея роковыми.

Когда этот суетливый день закончился никто не подал ужина и весь вечер заключенные были вынуждены оставаться голодными. Фабио вытащил кусочек хлеба и подкинул его к камере Милены. Она встревоженно взглянула на Фабио и приметив куда тот указывает улыбнулась и поблагодарила отца. Фабио радовался тому, что ему подвернулась такая возможность, и видя, как Милена с благодарностью ест кусок хлеба его сердце настолько размякло что слезы невольно потекли с его глаз, а грудь вдруг разразилась безмолвными рыданиями. Ради ее улыбки он бы голодал до конца своей жизни, ради этой улыбки стоило прожить тысячу жизней в беспросветном голоде и страдании, лишь бы свет ее вновь озарил беспрекословную тьму, в которой порой находятся человеческие души.

Вечером Павел прошелся по блоку чувствуя на себе голодные, хищные взоры преисполненные негодования и злобы.

– Не стоит так на меня смотреть, я здесь ни при чем. Скажите спасибо вашему товарищу, который сегодня очень, очень сильно оплошал, – он подошел к камере Сергея и взглянул на его тело, вытянувшееся на дощечке: спит как младенец, даже не подозревая что кто-то сейчас перекладывает вину на него с видом полного достоинства. – Ничего, пусть себе отдыхает пока может, когда Надзиратель оправится этому парню не поздоровится. Он лично займется им, а пока, наслаждайтесь голодом, вы это заслужили, как и ваш товарищ.

Под невнятные и неодобрительные возгласы он покинул блок, а затем вернулся с жирной куриной ножкой в одной руке и булкой хлеба в другой. Он прошелся по периметру блока, вглядываясь в каждое голодное и истощенное побоями лицо, желавшее казалось разорвать его на куски, и казалось он находил в этом свой определенный вид удовлетворения, который необходим людям злостным до самой души в коих зиждется потусторонняя жажда создавать все условия для того, чтобы внушить человеку излишние страдания. Как только Павел ушел, Поляк позвал Фабио:

– Фабио!

– Поляк?

– Ваш дружок покалечил Надзирателя?

– Похоже на то, но сам я не ничего не видел, поэтому сказать точно не могу.

– Но ведь ты слышал, что сказал охранник? Похоже он и

в самом деле повеселился с ними, как же они его не прикончили за эту выходку?

– Меня тоже волнует этот вопрос, я надеюсь, что они не станут убивать его.

– Вряд ли убьют, но смерть покажется ему райским сном, если дело дойдет до мучений... Здесь редко кого мучают, разве что самых пропащих, таких, собственно говоря, как и ваш дружок обычно касается такая участь, но разве они виновны? Если довести человека, он и не на такое способен.

– Действительно чего они добиваются? Ведь когда-нибудь накопленная ненависть рухнет на них как крыша, которую не удосужились починить и унесет их в могилу! Никому не дозволено шутить с людьми вроде нас, ведь отчаяние вполне может дать нам силы для последнего рывка.

– Видимо это он и сделал, последний рывок...

–Его могут и сейчас запросто прикончить, чего же они хотят, чтобы он начал раскаиваться и просить пощады?

– Время все равно не на нашей стороне Фабио, а спешка ни к чему, боюсь, что эти твари могут сделать с ним все что пожелают и ничего им за это не будет.

– Пусть не считают, что вечно смогут удерживать нас здесь...

– Фабио, разве выберемся мы когда-нибудь из этого гадкого места? По мне так мы уже покойники, чем мы лучше мертвецов? Если живем мы здесь лишь для страданий, а надежда не дает ничего кроме разочарования.

Фабио не нашел лучшего ответа кроме задумчивого молчания, ему не хотелось иной раз убеждаться в собственной немочи перед роком судьбы.

Глава 8.

Иван Флейта с самого утра заполнил блок музыкой вполне заменяя свет утреннего солнца на протяжное пение флейты. То был звук схожий на пение птиц что непрестанно встречаются щебетанием каждый свой новый день, радуясь и посвистывая мелодии на ветвях деревьев. Это было не привычное время для игры на инструменте не только для всего блока, но и для самого Ивана и таинственная музыка с утра по-разному влияла на заключенных, которые просыпались в смятении или же слышали этот странный звук глубоко во сне недоумевая, но все так же теряясь в закоулках этого брэнного мира не смея просыпаться. Быть может, для иного слушателя играла не простая мелодия чем-то напоминающая музыку органа возводя протяжные долгие ноты и сменяя их на последующие, то был крик, но свободы ли, или же крик вечного заключения?

С чего вдруг Иван Флейта начал играть, инстинктивно ощущая наступления утра? Этот вопрос еще предстояло разрешить.

Ясно было одно, Иван Флейта играл так как никогда ранее и те, кто, пренебрегая сном и ворчливостью внимали этому внезапному концерту смогли бы догадаться об этом помня каждую ноту той или иной мелодии музыканта. Это был яростный звук, рушащий стены, это был стон судьбы, бю-

щей исподтишка и звон милосердия звучал непрерывно в этой на первый взгляд странной, но удивительной мелодии, заставляя каждого слушателя биться в замешательстве, но в конце концов придя к напрашивающемуся выводу: Иван Флейта выжил из ума. И подобно накаляющейся лампочке музыка проходила через этап развязки, которую не знал даже сам автор мелодии и в один миг музыка перестала и, хотя все лампочки оставались в целостности и сохранности, все же вполне можно было уловить эту незримую стеклянную грань, которая в один момент, внезапно, в ключья разорвалась.

Казалось, еще немного и Иван заиграет новую мелодию, но ничего кроме тишины нельзя было расслышать, лишь пару раз звякнул инструмент Ивана, а это означало что тишина больше не нарушится, и сонные заключенные провалились в сон, не придавая никакого значения последней мелодии Ивана Флейты, пока охранник спустя некоторое время не заметил что-то подозрительное в его камере и не воскликнул:

– Черт возьми! Иван Флейта перерезал себе глотку!

Как оказалось сделал он это собственным инструментом, сразу же после прощального концерта.

Даже Сергею ничего было сказать по этому поводу, он молчал, воздавая в душе своей почести человеку, которого собственно и не знал вовсе. Так или иначе Иван Флейта был больше, чем простой человек для каждого заключенного. Его игра заполняла именно те места в людях, которые бо-

лее всего нуждались в этом, для всех это была огромная потеря, ведь даже охрана и Надзиратель сновали после погребения с угрюмыми и задумчивыми лицами весь день. Сегодня тишина была во власти и теперь пришел ее черед играть свою мелодию.

Милена чувствовала себя плохо еще до того известия о трагичном самоубийстве Ивана Флейты, а после этого известия и подавно. До этого ей никогда не приходилось иметь дело с подлинной скорбью. Что-то словно нашептывало на ухо девочке, что с нее хватит, что происходящее уже переполнило чашу всякого терпения. Ей казалось словно она предвидела своими чувствами смерть Ивана и от этого ей становилось все хуже. Ей не с кем было поговорить обо всем волнующем и тревожащем ее, она так соскучилась по словам отца, по его улыбке и радости, она готова была на все лишь бы вернуться туда назад, где все было иначе, где она была счастлива даже когда убивала.

Слезы никак не шли, но такое чувство что вот-вот нагрянут. Настроения не было совсем, не чувствовался вкус еды, а дни казались долгими и сырыми. Ей все чаще хотелось, чтобы ее поколотили, чтобы избili ее до полусмерти, чтобы сердце вдруг выпрыгнуло из груди и перестало биться.

Она не желала знать, что будет дальше, не желала так же переживать того, что вскоре предстоит. Ей безумно хотелось послушать Наставника, и она не знала почему, но все равно желала этого ведь он внушал людям надежду. Теперь Милене

было ясно почему Сергей так убивается горем по нему, ведь он и правда умел проникнуть в сердце с первой же секунды, как жаль, что она не знала его, как жаль, что так мало было сказано.

Ее словно душили чьи-то незримые руки, они давили на голову и сжимали сердце. Она изморила задаваться вопросами, устала слышать ответы на эти вопросы в виде безутешного безмолвия. Ей более ничего не хотелось, и казалось, что так будет продолжаться вечно, каждую секунду ее жизни, и больше к ней никогда не постучится счастье, она сойдет с ума прямо как Сергей, она уже считала себя безумной, ей казалось, что все это лишь мираж, тогда как на самом деле все уже кончено и безвозвратно потеряно.

Но все было не так, просто не могло так быть, она не делала ровным счетом ничего, хотя до безумия хотелось двигаться, прыгать, что-либо произнести. Таким образом тело ее словно желало удостовериться живо ли оно, а если живо, то надолго ли?

– Мама... – Едва слышно даже для себя произнесла Милена совсем бездумно и нечаянно. – Мамочка...

Одиночество подобралось к ней очень близко, она вновь ощутила себя сиротой, брошенной и одинокой, никто не мог сейчас помочь ей, невидимый враг все время атаковал ее, а другие даже не догадывались о страданиях, тяготивших ее. Сердце словно бы обливалась кровью и кровь заполняла каждую частицу души. Душа слышала собственный плач, слы-

шала отчетливо и ясно. То были слезы маленькой девочки, которая никому не была нужна в том мире, в котором для нее не нашлось даже любящего сердца матери.

Милена испытывала на себе всю тягость судьбы, как мир может спать спокойно зная, что она страдает? Как может спать спокойно тот человек, или те люди что бросили ее на улицу как ненужную вещь и чем она их так рассердила? Или опечалила? Что же это за жизнь, где одни лишь испытания, где нет радости и счастья, стоит ли продолжать жить человеку, который не видит в жизни ничего кроме муки и агонии? Как быть сердцу, когда оно обливается кровью и плачет, взывая и моля о пощаде? Кто же виновник всех этих бедствий, всего того зла, что есть на земле, ужасных последствий и предшествующих действий? Как жить, когда жизнь являет собой лишь удары судьбы и последствия их, когда проблемы затмевают собою всю жизнь, оставляя лишь свои следы в памяти? Когда нет больше радости, нет! Есть лишь темница, тьма и вопиющая тишина, нет больше ничего кроме проблем, лишь страдания, горечь!

– Нет! – Вскрикнула она в своей голове. – Это ложь! Ложь, ложь! Паршивая, гнусная ложь!

Никто не любил ее, и никто не позаботился о ней в самую трудную минуту ее жизни.

– Обман, лживый обман!

Она умрет, так и не узнав вкуса любви и заботы, умрет совсем одна и не почувствует больше ничего кроме боли и

отчаяния, вся ее жизнь пробежит перед глазами в тусклом свете и ей не предстанут прекраснейшие моменты ее жизни, напротив явятся наихудшие из всевозможных. Ее существование было напрасным, все кого она когда-либо любила, отвернулись от нее, она совсем одна, никому ненужная маленькая душа, мечтающая наконец покончить со всем этим.

– Нет! – Кричала она, так же далеко и еле слышно, кричала пронзительно прямо в сердце, лишь бы эта ложь перестала навязывать свои козни и прошла прочь. Так оно и случилось, Милена ушла в сон, найдя наконец покой от собственных мыслей, пожирающих ее душу.

Глава 9.

В последнее время в камеру к Фабио проникал ветерок, который нежно и заботливо охлаждал его голову. Он находил в этой мелочи тысячи причин и следствий, он пытался понять как этот славный, дивный сквознячок смог проникнуть в такое злосчастное место. Фабио более не был в состоянии здраво мыслить и временами ему казалось, что и его постигла участь быть очередным сумасшедшим в этой тюрьме, лишь изредка ему доводилось замечать ход своих мыслей и с каждым днем он все более замечал, что теряет надежду выбраться из пучины, называемой безумием. «А ведь вполне может быть, что мы сами помогаем себе сойти с ума в этом коварном месте» – думал Фабио, «ведь нам самим выбирать как сносить все это».

Но остановить сей процесс весьма затруднительно, всегда сложно идти наперекор самому себе, всегда трудно перешагивать сквозь свой опыт, свои воззрения, свою правоту, сложно оттолкнуть всю гордость, страхи и другие болезни. Что же человек в конце концов такое и как может разумное существо быть таким сложным и неясным? Каждый видит мир по-своему, каждый по-своему видит других и себя, каждый по-своему реагирует на ситуации и это чертовски сложно. Другому покажется что это просто и ясно. Почему людям всегда хочется чего-то? Почему им хочется жить и умирать,

хочется страдать и плакать, защищать друг друга и убивать? Человек механизм, который сам себя не знает, машина которой нужно найти свое предназначение, свою судьбу. Иногда твоя судьба забирать жизни, а потом платить за это, платить за то, что ты таков каков ты есть.

– Я таков каков я есть, но разве виновен я в том, что так распорядилась судьба? Моя ошибка лишь в том, что я втянул в это мою Милли, разве мог я не справедливо с ней поступить? Она вовсе не виновна, она не понимала, она была слишком юной, она не думала о жизни как о чем-то ценном. Как же глупо я поступил! Она не виновна, ведь она поняла, что не хочет убивать, она поняла, что это безрассудно и несправедливо, она никогда не будет в ответе за те убийства ведь я, я тот, кто повинен в этом! Я тот, кто научил ее, а она все поняла. Я глупец никогда бы этого не понял, да и слишком поздно было что-либо изменять, я понял лишь когда встретил ее, она спасла и себя и меня, но после я все же совершил ошибку, мне чудом удалось самому избежать тюрьмы, когда я покончил с этим. Как же мог я так оплошать вновь, вернуться и втянуть ее в это? Нет мне прощения, нет мне покоя пока дочь моя расплачивается за то, чего она не понимала! Я хотел бы погибнуть множество раз, хотел бы чтобы меня сожгли заживо, лишь бы она жила счастливо и была в безопасности, ведь сейчас все свои страдания она сносит из-за меня. – Фабио не переставал думать о последствиях, предписанных ему судьбой за свое прошлое, та-

кое тяжелое и грешное прошлое. Он хотел бы искупить вину, хотел бы обернуть все вспять, но ничего изменить уже увя никак нельзя было. Оставалось лишь поддаться этой воле и понять, что отныне пришел час расплаты и все что постигло его было лишь плодами, которые он посадил давным-давно.

– Мы сами в ответе за то, что натворили и я покончу с Советом если мне выпадет такая возможность. Я покончу с ними раз и навсегда и люди больше не будут убивать друг друга за жалкие деньги, хватит уже линчеваний, хватит мести, хватит ненависти, мне нужно только выбраться отсюда любым способом и это будет моей платой и той ценой, которую я заплачу за те ужасные вещи, которые натворил. Лишь бы выбраться, лишь бы сбежать. Прошлого не изменишь и все что мы можем это сделать все прямо здесь и сейчас, дабы в будущем не было тех ошибок, на которые пошли бы другие. Убей человека просто так и ты преступник, а убей на войне ты герой, и пусть лучше люди будут героями, ведь этого хочет народ, убивать друг друга на войнах, быть пушечным мясом, возвращаться домой калеками или вовсе не возвращаться, да есть люди, убивающие других за деньги и им нет оправдания, нет оправдания ни одному из них! О как же я был слеп, как много я сделал плохого моя Милли! Как же твой отец плохо поступал, разве есть мне оправдание? Простишь ли ты отца за то, во что он втянул тебя? Нет мне прощения, я не прошу, никогда, ни за что, покуда есть Совет и есть цель, пока есть такие люди как Надзиратель мне не бу-

дет прощения, пока киллеры убивают друг друга, стреляя и отнимая жизни за деньги и славу я не усну! Куда же это приведет нас? Какой пример мы покажем потомкам? Нет, это неправильно, это ужасно неправильно. Нам следует одуматься, следует пойти назад, обернуть все вспять, хотя бы в собственном сердце и навсегда отказаться от страшных убийств, от несправедливости и слепоты наших сердец. Довольно! – Рассуждал Фабио удивляясь самому себе.

Глава 10.

Надзиратель вновь появился в блоке после долгого своего отсутствия. Он хромал и едва волочил за собой свою ногу, в лице его выражалась та злобная ухмылка, которая бросалась в глаза и обнаруживала злой умысел, затаившийся в этой душе. Нельзя было не заметить и линии морщин, разветвленных по всему его лицу от бессонных ночей, проведенных в ненависти и жажде отмщения. Он, не стесняясь своей хромоты пару раз прошелся по блоку и каждый раз заключенные чувствовали, как холодок подобно каплям дождя стекал по их спинам длинными каплями, а в горле неистово трепетало сердце, казалось одного Сергея не тревожила его сварливая физиономия, и походка отставного генерала, раненного в ногу, ничуть не пугала его.

Сергей знал, что за свой проступок он будет наказан если не смертью, то чем-то превосходящим даже такую участь как смерть. Весь страх Сергея словно бы обрел самостоятельную оболочку и передался Фабио и Милене которые волновались ничуть ни меньше остальных, считая его хоть и далеким от них человеком, но все же близким к родству за его присутствие и поддержку.

Единственное что в силах затронуть сердца троих – это боль другого. Именно она властвовала здесь как нельзя кстати, и тех, кого нельзя сломить самим по себе, ломают с помо-

щью родных.

Этот день длился довольно долго и медленными шагами именующимися минутами он дошел до своего завершения без каких-либо происшествий, что несколько утешило многих если не большинство заключенных, которые вскоре с легким сердцем легли спать.

Фабио проснулся от грома шагов, капающих по полу так же рьяно как град по стеклу. Вскоре шум прекратился и тогда Фабио вычислил шаги и понял, что они достигли камеры Сергея. Фабио невольно напрягся и взглянул на Милену, она стояла молча и смотрела в сторону камеры Сергея. Вдруг послышался голос:

– Твой час настал жалкий ты мерзавец. – Сказал Надзиратель и Фабио завидел в глазах Милены ужас. Послышалось как взвелся курок, после чего стало ясно – Надзиратель решил расквитаться с Сергеем.

Сергей смотрел прямо в дуло пистолета и застыл, вспоминая минуту, когда Фабио едва не забил его до смерти и ее силуэт вновь стал проглядывать из-за густого мрака. Пульс его участился, минута была мучительно долгой, голова внезапно прозрела и все встало на свои места, его горло щелкнуло, проглатывая слюну и звук этот разнесся по блоку так же явно как выстрел последующий за ним.

Милену зарыдала и упала на пол без сил. Фабио опустился на дощечку и выдохнул так словно пришлось на его голову.

– Сергей... Я и не думал, что мы пройдем с тобой такой

короткий, но славный путь... Друг мой, я никогда не забуду твоей помощи и поддержки, без тебя мы бы не справились со всем в одиночку. Пускай смерть не разочарует тебя, встретить своего Наставника и никогда больше не теряй его. Я отомщу им Сергей и пускай за это мне придется поплатиться сполна. Твоя смерть не напрасна и за твою жертву я наделаю тысячи жертв. Покойся с миром мой друг...

Вдруг слышались еще выстрелы и еще, они были, как и первый словно издали. Фабио, казалось, что они слишком долго пробыли в тишине слушая лишь собственные мысли и поэтому слух вполне мог подвести разум.

Но пока Фабио прощался с Сергеем и пока в его сердце непрерывно отзывался плач Милены – два колокола его горя, ему увы не удалось разобрать как в действительности после первого же выстрела шаги охраны и Надзирателя обратились в бег напоминая звук порхающих крыльев, уносящихся от внезапной беды и как после этого выстрелы возобновились в трехкратном и возрастающем количестве.

Одной лишь Милене взбрело в голову что выстрел был извне, ее утонченный слух никогда не подводил свою владелицу и потому она, страшась собственной надежды на чудо, дабы не терзать себя мыслью о спасении друга, дабы встретиться лицом к лицу с суровой истиной и принять ее какой бы горькой она ни была, вскрикнула:

– Сергей, Сергей, ты жив? – С горечью спросила она.

– Он выставил пистолет, но не выстрелил, милочка... Ми-

леночка, я жив, жив как гора, поднимающаяся на небеса! Этот чертов Надзиратель смотрел мне в глаза, а потом убежал, он понял с кем шутки плохи, ха-ха! – Веселился Сергей.

Для Милены его голос был слаще музыки флейты, и она прикрыла рот рукой и взглянула на отца, который был поражен не меньше ее самой. Впервые за долгое время Милена всего на пару мгновений выглядела счастливо, пугаясь и вместе с тем радуясь этому забытому чувству она захлопала в ладоши и слезы радости потекли с ее глаз, а улыбка еще долго не могла сойти с ее уст. Для Фабио этого было достаточно для того, чтобы прийти в себя, он не переставал поглядывать на дочь ведь ее радость помогла ему выкарабкаться из пучины скорби, в которой он едва не оказался.

Выстрелы прекратились. Спустя некоторое время послышались голоса, двери отворялись и стонали так же, как стонали в этих стенах люди, кромсаемые дубинками. Послышались далекие шаги и вскоре отворилась со скрипом главная дверь ведущая в блок. Заключенные затаили дыхание завидя целую толпу вооруженных до зубов людей и когда они дошли до камеры Сергея тот не постеснялся их спросить:

– Вы еще кто черт возьми такие?

Они хранили молчание до того момента пока не дошли до камеры Фабио и Милены являвшимися последними. Фабио взгляделся в толпу и узнавал в этих лицах киллеров. Внезапно в его голову закралась мысль словно Фабио потерял связь с реальностью, сошел с ума и после смерти Сергея не смог

больше удерживать рассудок в здравом состоянии и мысль эта встревожила его. С трудом справившись с закрававшийся идеей он все же сумел взять контроль над собой и не зная явь это или сон, он спросил:

– Кто вы?

– Мы пришли за тобой Фабио, меня зовут Дмитрий, я предводитель этого собрания. Мы не намерены больше служить Совету и еще черт знает кому, мы пришли за тобой чтобы раз и навсегда покончить с этой тиранией, нам надоедо что нас используют как орудие, а потом из-за ненужности выбрасывают в тюрьмы. Мы будем сражаться за свободу и поэтому мы пришли за тобой.

Фабио не знал, что на это ответить, в глазах его двоилось, а мысль заплеталась в коварный узел. Фабио сел на дощечку и смотрел то на стену, то на пол, пытаясь найти, подыскать хоть одно слово, но он так ничего и не смог из себя вытрясти.

– Чего стоишь, Миха? Открывай камеру, не видишь ему нужно в себя прийти. – Сказал Дмитрий и Миха в тот же миг нервно затряс ключами в поисках нужного, но ему все же пришлось пару раз засунуть в замочную скважину не тот ключ. Решетка открылась, Фабио вновь оглядел всех стоящих перед ним людей и сказал:

– Моя дочь... Откройте ее камеру... Выпустите мою доченьку.

Все вдруг начали оглядываться и долго искать камеру Милены не пришлось. Миха вновь проделал ритуал открытия

решетки и в этот раз ему понадобилось больше времени на поиск нужного ключа, но в конечном счете решетка со скрипом открылась, и Милена сразу же побежала к Фабио который стоял, не веря тому, чему он был свидетелем и вскоре они обняли друг друга так словно не виделись целую вечность.

– Все хорошо доченька, теперь все хорошо, ну, не плачь Милли... – Фабио почувствовал себя не в своей тарелке, ведь Милена плакала, конечно, не в первые, но сейчас обнимая дочь Фабио, мог прочувствовать эту ужасную горечь, эти эмоции, которые как термиты снесли ее душу. Фабио было больно, ведь он всегда будет ощущать на себе все то плохое что она в себе носит, он как ее родитель всегда будет переживать за нее, а слезы Милены всегда будут выжигать в Фабио все то живое что от него оставалось.

– Моя Милли, что бы не постигло тебя, чтобы не случилось, знай, что я буду рядом, я всегда буду чувствовать то же что и ты, я всегда буду плакать вместе с тобой и смеяться, ты знаешь... Знаешь ведь, что нет для нет меня ничего дороже... И никогда не будет.

Они отпрянули друг от друга, и он вытер ей слезы и поцеловав ее в лоб повернулся к толпе, наблюдающей за ними.

– Вы можете освободить всех? Я уверен, что здесь есть люди, которым не безразлична судьба Совета.

– Конечно, конечно. – Ответил Дмитрий, смотря на Мишу, тот в свою очередь кивнул и начал, перебирая ключами

открывать каждую камеру, а в это время Фабио взял за руку Милену, и они пошли искать камеру Сергея.

Сергей взирал, оглядываясь вокруг с пытливей жадностью, когда же он увидел приближающихся Фабио и Милену он начал подпрыгивать и улыбаться.

– Ты в порядке? – Спросил Фабио.

– Черта с два! Но как я рад Фабс, как я рад что теперь-то пришла наша очередь задавать жару. Вот зададим, вот устроим!

– Нам нужно время, план и подготовка.

– Что же там было, когда Надзиратель подошел к твоей камере? – Спросила Милена.

– Он подошел ко мне и вытянул ствол, этот гад намеревался пристрелить меня как скотину на скотобойне, «он выстрелил» – думал я, выстрелил черт возьми и забрал мою душу! Я стал дергаться в поисках кровотока раны, хотел плюнуть ему в лицо своей кровью, но вдруг они замерли, выстрел оказался снаружи, они рванули как ужаленные в задницу и поступили правильно.

Миха подошел с ключами к камере Сергея и, ко всеобщему удивлению, отворил решетку с первого раза. Сергей вышел, глядя то на Фабио то на Милену и мгновением позже все трое обняли друг друга в порыве волнительного воссоединения.

Сергей пытался найти приглянувшуюся ему девушку, но ужасно расстроился тому, что ее нигде не было видно, в это

же время Фабио и Поляк выкрикивали имена друг друга пока в конце концов чуть было не столкнулись лбами, но все же они горячо обнялись и похлопали друг друга по спине.

– Фабио! Признаться, я даже не знал, как ты выглядишь, все-таки камеры у нас... Сам понимаешь.

Поляк был седой, но вовсе не старик. У него была короткая и не слишком густая борода, которой словно бы не хватило на подбородок. На его голове заметно проглядывала небольшая лысина. Он был крепок, но исхудал за время своего заточения.

– Я тоже Поляк, я тоже. – Ответил Фабио горячо улыбаясь другу. – Ты как, сможешь нам свергнуть Совет?

– Боюсь, что после всего этого времени что я здесь провел, будет многим лучше если я спрячусь со своей семьей в каком-нибудь отдаленном уголке и начну жизнь по-новому. Я много думал об отщении, но я уже не тот, кем был раньше, как и любой из нас.

Фабио кивнул и положил руку ему на плечо. – Я поступил бы так же, но боюсь, что не смогу спать спокойно пока Совет и дальше будет учинять то зло соучастниками которого мы были. Я считаю, что, покончив с ними, я расплачусь за свое прошлое и тогда смогу уйти на покой.

– Ты даже не представляешь, как сильно ты сможешь помочь людям в нашем положении, а также тем, кто никак не может завязать с этим делом. Я рад что имел честь иметь знакомство с тобой.

– Напиши мне Поляк, когда все уляжется, когда ты почувствуешь, что все хорошо, когда поймешь, что воздух стал свободнее, а брат не убивает брата, напиши мне и мы будем рады увидеть тебя снова и познакомиться с твоей замечательной семьей.

– О! Что ты, я обязательно сделаю это, для меня будет большой честью...

– Спасибо тебе Поляк, надеюсь, что скоро увидимся.

– Прощай брат, но не навсегда, знай, что я буду молиться за тебя и твою дочь, и буду ждать вас в гости.

Они пожали руки и обнялись еще раз напоследок. Фабио пошел к общей толпе, ближе к Милене и Сергею.

Дмитрий собрал вокруг себя толпу заключенных, которых ему довелось освободить. Он говорил о Совете выражаясь в их сторону яростно и жестко, он четко выговаривал каждое слово и выглядел так словно был прирожденным оратором. Заключенные кивали, а порой и выкрикивали вместе торжественные и гласные слова одобрения. Речь шла может не о каждом, но о многих тех, кто подвергся напасти и предательству со стороны Совета. Дмитрий говорил о том, как Совет сначала принимает тебя к себе, кормит и поит, а потом, когда твое время близится к концу или когда у тебя появляются сомнения, другие планы, ты становишься использованной вещью, которую подобает выбросить, а иногда и просто уничтожить. Совет безжалостно разделялся со своими товарищами, с людьми, которые посвящали этому делу свои

жизни, но в итоге оказывались взаперти с тиранами Надзирателями, калечившими душу, уничтожавшими все живое и человеческое в людях, стирая в порошок эту невинную превозданность, душу, которая родилась на свет дабы творить нечто благостное пусть даже таким страшным путем. Дмитрий призывал каждого объединиться, иначе их вновь найдут, запрут в новых камерах и будут снова издеваться над тем, что от них осталось. Дмитрий ясно дал понять каждому что пришел исключительно за Фабио, потому что его история помогла многим, таким же отцам, дочерям, сыновьям и так далее, наконец ясно взглянуть правде в глаза.

– Пора бы уже покончить с диктатурой Совета, если не словом, так силой! – Говорил Дмитрий.

Они условились встретиться через пару дней в Петербурге и после освобожденные и освободители проследовали к выходу из тюрьмы, наблюдая картину безжизненных тел, возлежавших на том же самом холодном полу в неестественных позах. Вот Павел лежит и больше не смеет бить и угрожать кому бы то ни было своей дубинкой. Проходя мимо его бездыханного тела, некоторые плевали на него или отругивая и бранясь пинали его безжизненную оболочку. Далее шли охранники, сменяющие иногда друг друга, даже они получили по заслугам и их смерть только порадовала большинство. В самом конце у входных дверей, а если быть точнее за ними, на крыльце возлежал Надзиратель собственной персоной. Долгие годы его лицо внушало страх, ненависть, обиду,

плачь, безумие, страдание и муку точно лицо злосчастного тирана, лицо безумца, не знающего пощады и теперь все вдоволь могли отыгратья на нем за те муки, за всю боль что он причинил им.

Несколько человек возглавляемые Дмитрием прошли к автомобилям, но перед этим Дмитрий переговорил с Фабио, им было все равно кто валялся у входа и почему вокруг его тела сгустилась остальная толпа. Милена стояла рядом с отцом и стоило Фабио попрощаться с Дмитрием и повернуть голову в сторону крыльца, как ему открылась жуткая картина глумлений над покойным Надзирателем. «Люди сошли с ума» – думал Фабио, тогда как они, забыв про всякую человечность продолжали издеваться над останками этого бесчестного человека. Фабио было противно наблюдать за этим. Он заметил, как Милена смотрела в ту же сторону и отвернул ее голову.

– Там Сергей, это он видимо начал...

– Не важно Милли, эти люди прошли через многое, знали бы мы то, что они знают и сами бы стали такими.

Они кричали, смеялись и мычали как животные, но в конце концов кого-то вывернуло наизнанку прямо на труп, и все вдруг отошли, приходя в себя. Фабио позвал Сергея, и они направились в сторону шоссе дабы сесть в непримечательный автомобиль какой-нибудь благосклонной семьи, возвращавшейся из отпуска или дачи и воспользоваться их добротой чтобы доехать до города или ближайшего отеля.

Спустя некоторое время они уже ехали в сторону города, но до города как им сказала Мария, сидящая за рулем доброжелательная девушка, она, к сожалению, не доедет. Мария была не в меру улыбчивой, рассказывая о чем бы то ни было она не знала когда ей вовремя остановиться и поэтому временами ее уносил порыв собственного повествования, который нередко обрывался ею в те минуты, когда она сознавала что все же перешла черту. После милой светской беседы между пассажирами и Марией все стали молча думать о своем. По краям дороги выступал лес что своей длиной и шириной приковал внимание изголодавшихся по видам пассажиров. Они взирали в окна автомобиля не отрываясь заставляя Марию дивиться и недоумевать этому странному порыву. Это бесконечное небо с его облаками, солнце, пикирующее в небесах то появляясь, то исчезая за ними прямо как играющий родитель со своим младенцем, пряча лицо за ладонями, а потом вновь являя себя своему чаду со словами: «ку-ку!», так же и солнце в тот день, игралось вместе с жителями этой голубой планеты. Иногда целыми стаями летели птицы развернув крылья и поддаваясь течению ветра. Глядя на этих птиц, забывалось всякое несчастье, уходило на второй план недавние страдания, кровоточащие раны не успевшие затянуться как подобает забывались с детской непринужденностью, обращенной к каждой болячке. Птицы вдохновляли людей своим полетом, как бы высоко мы ни забрались, нам не удастся передать той свободы, с которой птица

размахивает своими крылами.

Фабио повернулся и взглянул на Милену, которая, не отрываясь смотрела в окно, тем же был занят и Сергей. Фабио лицезрел улыбку на лице дочери и сам он невольно начал улыбаться при виде ее неподдельной радости, наблюдая за сладостным счастьем, коснувшимся ее лица. Фабио повернулся и глядел перед собой, он взглянул на небеса и заметил процессию птиц, которых трудно было распознать, не имея бинокля. Наблюдая за ними, Фабио почувствовал, как он парит вместе с ними по небесным просторам полным надежды и радости. Он летел над землей и ничто не могло остановить его в этот чудесный миг, переполненный счастьем, уж слишком прекрасен он был, слишком прекрасен чтобы быть правдой...

Доехав до своей деревушки Мария высадила их на обочине и направилась в глубь деревьев и двухэтажных домов с огородами, пьянствующими стариками, а также детьми, которые исследовали зеленый мир, игрались в песочницах и наслаждались теплыми солнечными днями щеголяя без своих маленьких футболок. Совсем еще юные они глядели на своих старых родителей или прародителей с недоумением, «а точно ли мама и папа это? Какие-то они странные» – говорил их детский взгляд, обращенный на пьяных и бесстыжих пап и мам.

Отблагодарив всей душой Марию за ее любезность и неравнодушие, они последовали в сторону города, до кото-

рого как сказала Мария всего рукой подать – тридцать километров. Уже смеркалось, ветер раскачивал сонные деревья с той же нежностью с какой мать раскачивает своего ребенка. Трое путников шли в задумчивом безмолвии, в нарушаемой лишь проезжающими автомобилями тишине.

– Ты сегодня на удивление неразговорчив, не заболел? – Обратился Фабио к Сергею.

– Сам не знаю, что за чертовщина накатила, словно язык проглотил, тело побаливает от тумачков этих грязных охранников.

– Да у меня тоже порой побаливает, но такое чувство, будто оно всю жизнь болеть будет. А ты как себя чувствуешь Милли?

– Хорошо, только от солнца отвыкла ну и... Есть хочется.

– Ничего, скоро дойдем до города, думаю нашу машину никто не трогал, а там и деньги, и оружие. Нужно надеяться лишь на то, что машина все еще на месте.

– Думаешь... Мы справимся с Советом? Со всеми этими негодяями?

– Не знаю Милли, раньше я был слишком завышенного мнения о себе, хотел в одиночку да против всех, а сейчас и с армией не был бы до конца уверен в собственных силах.

– Может не стоит нам ввязываться в это снова пап, просто будем жить своей жизнью, забудем наконец об этом?

– Тварей надо уничтожать, Совет не даст спокойно жить никому, они как чертово клеймо на заднице, для тех, кто

имел с ними дело, либо ты, либо тебя, я считаю нужно пересчитать там всем зубы, за ту гадость что они натворили с нами, не говоря уже о других. —Высказался Сергей.

– С одной стороны мне хочется оставить это, но с другой... Ведь будут люди похожие на нас с вами и будут всегда, они-то, связавшись с Советом будут обречены на погибель, в любом случае разве можем мы позволить другим проходить через то же что, и мы? Все же риск велик, но, если мы проиграем, считай все кончено. И честно я вряд ли смог бы в здравом уме выбрать наименьшую из зол, в этом выборе я бессилён. Осознав все то, что может произойти невольно становится не по себе от того, что же черт возьми будет.

Наступила тишина. Иногда мимо пролетали пчелы, которых волновали не столько цветы сколько путь в родной улей. Сергей пинал камни, покоящиеся на земле держа руки в карманах и иногда посвистывая.

– Вот и закат наступил. – Заметила Милена. – Я так давно не была на природе и на свободе, что все кажется таким далеким и искусственным, смотришь на мир совсем другими глазами, вроде ничего и не поменялось правда? Но все совсем не так как раньше.

– Так всегда Милли. Я не могу поверить, что мы выбрались оттуда.

– В тюремной пасти довольно неприятно. – Сказал Сергей.

–Просто чудо что мы выбрались, ведь многие до нас не

сумели этого, даже Иван Флейта, бедолага... Ему бы совсем немного потерпеть, и он был бы сейчас жив и играл бы всему миру на своей флейте и взрослым и детям, всем и каждому.

– Даже мне нравился этот Иван, – сказал Сергей, пиная камушки на дорогу, а затем добавил:

– Знаете, я ведь в какой-то степени как ходячий труп, мне думалось что выстрел уже прогремел, казалось, словно горячая кровь уже течет по поверхности моей кожи и впитывается в эти обноски, которые мы зовем одеждой.

– Нам всем казалось, что твоя песенка спета, это тоже чудо. – Сказал Фабио.

– И что на тебя вдруг нашло старик? Чудо не чудо, все-таки не все еще позади, нам еще ой-ой сколько предстоит вытерпеть, сделать, убить, ведь мы должны покончить с ними прежде, чем они покончат с нами, а это вгоняет в тоску, знаешь ли.

– Ты прав, возможно, нам придется идти конем прежде, чем нас вынудят на это.

– Смотрите луна полная, – указала в небо Милена, —кажется целая вечность прошла, а луне все равно, она светит, когда ей вздумается и отражает свет или прячется в тени нашей земли. Она наверно и не видит вовсе сколько же зла человек здесь творит, убивая и воруя. Ей, как и нам все равно.

Сергей засмотрелся на луну и споткнулся о камень, вросший в землю, он чуть было не упал, но все же устоял на ногах, выругался и пошел дальше. Милена и Фабио захихика-

ли над ним прямо как дети. Сергей не выдержал и засмеялся вместе с ними.

– Я уж и забыл, что значит смеяться. – Признался Фабио, когда они перестали.

– Да уж, не ты один старичок.

– Ведь мы так глупо попались, все равно что... Глупо, ужасно глупо. – Кляла судьбу Милена.

– Наставник бы сказал, что так все и должно было быть. Мы прошли через это, а не прошли бы, так подошли бы там как на скотобойне, от голода или потери крови, а может, и вовсе кончили бы как Иван Флейта.

– От судьбы не уйдешь. – Вымолвил Фабио.

– Постойте, мне надо в кусты. – Остановился вдруг Сергей и отошел, добавив:

– Не подглядывать там, знаю я старичок, что ты задумал, небось, крыша-то поехала в тюряге, а?

Фабио лишь покачал головой.

– Иногда мне хочется вернуться в прошлое, наподдать самому себе за то, что взял его с собой.

– Зато он смешной. —Заметила Милена.

– Ох, хорошо-то как! Тебе тоже не помешает Фаби, а то вон стоишь, кажется, словно еще немного и... Ну ты понимаешь.

– Да понимаю. Еще немного и я тебя пристрелю.

– Ха-ха!

– И долго интересно нам еще идти? – Спросила Милена,

но ответа не последовало. Они двинулись дальше, проходя мимо дорожных знаков и вскоре поняли, смотря на один из них что прошли уже половину пути.

– Представляешь Фабс, напротив меня, ну не совсем, конечно, в камере была такая красивая девушка, строила мне глазки, а стоило мне выбраться как она вдруг исчезла, ее и след простыл! Вот я негодовал, когда вышел, такая была красotka.

– Может она тебе привиделась?

– Да ну как же! Была, конечно, еще как была, что ты думаешь я совсем из ума выжил?

– Знаешь, я так не думаю, но допускаю что такое вполне возможно.

– Вот ты значит, как, да? Потешаться вздумал? Ладно старик, смейся надо мной! Может я остепениться хотел вот и все! – Наигранно выпалил Сергей.

– Чего уж тебе, не бери в голову, найдешь еще, ты ей хоть слово-то сказал? Ты не думал, что она из-за тебя может и побежала со всех ног?

– Зря я тебе рассказал, взял и все испортил, я-то думал ты мне скажешь: «Да не переживай, найдем мы ее, отыщем» а ты, тьфу! Никакой поддержки.

– Да будет тебе, я же сказал найдешь еще!

– Да ты вовсе не так сказал, как надо было, да ну тебя, сам наверно и забыл, как женщина выглядит. – С ноткой обиды пробурчал Сергей.

– Может я и правда стар для любовных дел.

– И все, вот так легко сдался? Ну и Бог с тобой, скучный ты Фабс, вот будешь ты плакать я тебя не поддержу, вот так-то.

– Но ты же не плачешь.

– Душа моя плачет Фабс, душа! – Никак не успокаивался Сергей, а Милена тихо посмеивалась над ними, давно она не чувствовала себя такой веселой, смех приходил к ней с легкостью, а во всем виделась красота, даже в обыденном и повседневном она отыскивала нечто прекрасное.

– Плачет душа. – Подумал Фабио сменяясь в лице, и вдруг он всерьез задумался над этим. – А у кого не болит душа? Наверное, у мертвых ничего не болит. Мы все идем и сами не знаем куда приведет нас этот дивный путь. Конечно, в город, но что же там нас ждет? Быть может, у Сергея и впрямь плачет душа, быть может, потому он такой веселый, что тяжесть эта не дает ему быть самим собой? Это напоминает мне пьянство Надзирателя, бремя, которое носишь с собой, оно-то и отягощает твое существование сгущая краски и размазывая тебя по мольберту тонами горести и страданий. Всех нас посещает горе и потери и все же мы по-разному встречаем этих гостей. В те минуты, когда природа настигает на тебя другое видение, когда после тяжелого и пакостного удара судьбы, не сворачивая с пути ты все же оборачиваешься назад дабы взглянуть туда, где боль, отчаяние, где все муки человечества, где смерть и покаяние, ты понимаешь, что тебе стои-

ло пройти через все это. Честно признаться я и не надеялся, что мы выберемся, я желал этого всем телом, всей сущностью, но по правде, в глубине собственной души, наедине с самим собой, там где солгать просто невозможно я знал что мы обречены, все втроем, и только чудо не иначе могло возволить нас оттуда, даровать нам новый шанс, новую жизнь, дабы мы претворили то, что должны, дабы замысел который снизошел на нас в этом ужасном месте осуществился – покончить с Советом, спасти души других людей. Но в то же время мне неизвестно, получится ли, ведь выбор есть единственное за что мы несем невыносимую ответственность, и мы вольны расплачиваться за совершенное по счетам, и в конце концов, когда действие будет исполнено, когда картина будет дорисована только тогда мы сможем понять, верен ли был наш собственный выбор и стоил ли он тех страданий, которыми мы расплатились за него. Этот нескончаемый путь, хоть и не такой далекий, дает возможность обдумать все как следует, но чем дольше думаешь, тем страшнее становится. Откуда мне знать, как все будет? Я не ясновидец, всего лишь человек, который не принес в этот мир и доли добра. Я слепо скитался по земле, и у меня есть возможность помочь таким же, как и я. Совет не приносит в этот мир ничего кроме смерти и у меня есть возможность рассчитаться с судьбою за счет того, что я низвергну Совет. Но, с другой стороны, я могу лишиться всего, могу потерять Милли, потерять себя, да и Сергея, и все будет зря, я боюсь умирать,

зная, что мог и не лезть во все это. Я боюсь умирать зная, что я не выполнил своей главной задачи и не смог защитить Милли. Мне также нельзя оставлять ее, дабы в одиночку бороться с Советом, ведь ее могут похитить или убить, ровно, как и меня. Я не знаю, что делать и, кажется, сам я осознанно никогда не пойду на такую сделку, скорее предоставлю судьбе решать все за меня, дабы в конце всей этой беготни, войны Совета и киллеров не оказаться виновным в собственном несчастии. Я буду знать, что все случилось так как и должно было, чему быть того не миновать, но бездействовать и стоять на одном месте я не собираюсь. Если бы не было этого выбора, то разве была бы наша жизнь такой интересной, такой нестерпимо сложной и легкой? Легко лишить жизни, но подарить жизнь намного труднее. Все понимают, что жизнь чрезмерно сложна, и к нашему глубочайшему сожалению и счастью, она, в то же время легка, настолько насколько это возможно. У нас всегда есть выбор, но что же мы черт возьми выберем? Что выберем, когда ни то ни другое, не кажется твоим спасательным кругом в неистовом море?

Глава 11.

Огни, идущие вдоль дороги от фонарей, освещающие ее и соединяющиеся в одну длинную полоску света, шли своей нескончаемой линией и в то же время стояли на месте. Машины пролетали на скорости оставляя за собой порыв ветра и красные огни задних фар пытались догнать машину размытым светом словно отделившимся от нее. Ночь растиралась по небу. Деревья, которые дышат вместе с нами, которые дают нам жизнь, воздух, эти живые благодетели мрачно стояли как тень среди лунного света и смотря в глубь этих деревьев можно подумать, что ночью лес обретает иной вид неведомый дню. Темная пучина веток с листьями, зелень, которая приобрела ужасный оттенок, крик совы посреди ночи являли миру другие атрибуты леса, и там, где днем мы находим пристанище, ночью оно обретает черты зловещей пасти слящущийся поглотить дремлющих своих обитателей.

Сергей, Милена и Фабио шли вдоль дороги. Близился рассвет. Шли они молча, смотря кто куда и думая каждый о своем. Впереди уже выглядывал город, который с каждым шагом словно отдалялся от путников.

Ночью всегда наступает такое мгновение, когда ноги не держат, а глаза слипаются, сознание уподобляется капризному ребенку, а инстинкты подозревают каждого в чем-то плохом и предумышленном. Невольно мысли начинают кру-

титься по кругу, стремятся в самую глубину, в такой же темный лес как этот только в собственной голове, и лес этот мысленно накрывает мыслителя темнотой и мраком, настигает один мрак на другой. Он точно падает в темный колодец, даже не понимая того, что происходит и разворачивается ментально.

– Город уже виднеется. – Заметил Фабио, а про себя он отметил, что тишину нарушил не только он, но и птицы, которые начали петь свои песни.

Сергей глядел по сторонам и шептался с самим собой. Фабио заметил, каким напряженным было его лицо и догадался что мысли того целиком направлены на Наставника. Возможно, он снова общался с ним или витал в облаках царства грез оставляя свое тело на попечение товарищей. Путь был долгим, но оставалось немного до города, чувствовалось что надвигается сильный ветер и, возможно, дождь, но присутствовало так же то напряжение кое бывает, когда судьба вскоре сделает очередной ход.

– Ты не устала Милли?

Милена ничего не ответила лишь украдкой взглянула на отца и покачала головой.

У кого-то громко замычал живот. Сергей начал пощелкивать пальцами продолжая шептаться с самим собой.

Фабио задумался и отошел глубоко в свои мысли. Ему казалось немислимым все случившееся. Мысли то и дело уносили его в те края, которые ранее не были ему доступны,

они пугали его своей широтой и размахом, так ученный пугается тому, что в итоге открыл для себя и остального мира. Происходящее же тревожило Фабио не меньше, казалось, эта надломленная колонна, которая ранее поддерживала его и не давала ему повода для отчаяния в один прекрасный момент треснула и дала слабинку и куда бы он ни повернул свой взор, куда бы ни глянул всюду ему мерещилась засада и от этого он сходил с ума. Легче было сидеть в темнице нежели решать что-либо с неясным умом и в эту пору будучи усталым, голодным и странствующим Фабио в конец загнала в угол неизвестность.

– Я хотел бы обернуть все вспять и повернуть обратно. Кинуться бежать без оглядки, смотря лишь вперед перед собой, не останавливаясь ни перед обрывом, ни перед врагами. Двигаться до тех пор, пока не почувствую жжения в груди, бежать совершенно не предполагая, что же ждет меня в конце пути, ведь недаром бегуны, в конце длинной дистанции, вступая на финальную тропу, когда казалось весь путь уже позади и все уже кончено, спрашивают себя: «а что будет дальше? Что теперь?», бежать не оглядываясь чувствуя, как сознание расширяется вместе со всей вселенной, а тело устает и перестает подчиняться подобно возгордившемуся быку в поле. Передвигать ногами, сменяя виды, погоду, температуру тела, сквозь туман, дожди и грозы, сквозь безмерные поля пшеницы и кукурузы, бежать высунув язык, который просил бы о пощаде, через боль и агонию. Я бы бежал пока в

один момент не перешел бы на шаг, а потом все бы закончилось, солнце медленно упало бы за горизонт и растворилось бы в нем оставляя лишь краски на небе, тогда-то я и упал бы на землю подчиняясь непреодолимой силе притяжения. Я посмотрел бы на закат и подобно тому, как солнце закрывается и прячется, пряталось бы и мое солнце в собственных глазах, закрываясь веками. Мое тело завершило бы свой последний путь, и мне не пришлось бы больше задавать себе вопросов: что же дальше, что же после, нет, все бы уже закончилось. Понимаете?

Фабио был удивлен не меньше остальных своими речами. Сергей смотрел на него и рот у него невольно открылся, он был поражен сказанным.

– Быть может тогда все закончилось бы хорошо, быть может, тогда я стал бы счастлив?

– Пап что на тебя нашло? – Милена тревожилась за отца.

– Я и сам не знаю Милли, я и сам не пойму, что же черт возьми происходит. Такое чувство, словно бы душа прикнула к языку и начала говорить, взяла контроль над мыслями и надо всем остальным. Какая-то слащавая горечь подступает к сердцу, голод бьет тревогу, а мы идем нацеленные и устремленные убивать и вершить свое правосудие ради блага будущего и других людей. В то время как сами мы прошли сквозь ад, страдание и нескончаемую боль, которая порой бьет, вынуждая язык говорить без умолку, лишь бы не слышать более этих ужасных мыслей, что как яд пропитыва-

ют душу. Чего же ради мы идем туда на верную погибель? Чего ради сражаемся за свободу, которая уже дарована нам? Мы все мечемся, нам нужна власть, нужна месть! Разве там не поджидает нас наша гибель? А даже если и ожидает, мне она не страшна, идите с Сергеем, спасайте свои жизни, я пойду один, пойду и буду сражаться за вас, за людей мне не безразличных. Я устал переживать, пусть лучше меня убьют, быть может, тогда я наконец преодолею свой чертов путь! Тогда-то наконец все закончится! Боль не проходит, еще какие-то минуты назад все было нормально, а теперь я уже не выношу ее криков. Разве не мы сами ей внимаем и прислушиваемся к ней? Я не хочу, не хочу больше слышать ее, я поглотил сполна, и больше нет сил моих глотать эту боль. Я и сам не знаю Милли, не знаю, что же нашло на меня? Когда ты сидишь в клетке изнуренный и избитый, видишь слезы своей дочери, ты не находишь что жизнь коварна, что она несправедлива, что время так долго тянется, что время губит тебя и давит на шею, нет, стоит тебе выйти, стоит обрести свободу как ты поймешь, что добежал, что выбрался из этой пучины страданий, но страдания все равно никуда не делись даже за пределами этого противного места. Я должен радоваться, почему же я не рад?! Черт! Почему я не рад!

Фабио остановился, грудь его начала трястись. Милена и Сергей были потрясены до глубины души, они остановились и не знали, чего ожидать. Фабио сел прямо на траву и начал колотить землю и проклинать то, на чем она стоит. Его тряс-

ло от тех чувств что скопились и разом хлынули из него. Милену присела рядом и приобняла отца чувствуя на себе его дрожь. Сергей присел с другой стороны и сделал тоже самое. Фабио закрыл лицо руками.

– Что же черт возьми происходит? Что черт возьми происходит со мной?

Автомобилисты проезжали мимо, пытаясь разглядеть людей, которые сидели на траве в обнимку, иногда даже снижали скорость, но после проезжали дальше, не находя в увиденном ничего предосудительного или выходящего за рамки.

– Тише Фабс, тише, у нас ведь есть время старик, есть время все обдумать. Пойдем, осталось меньше километра до города, вот мы почти дошли, чего уж сдаваться-то? Ну сам посуди. Ну тише ты Фабс. Мы все устали не расстраивай ты нас такими речами, пожалей хоть дочку свою. Ну вставай же идем, мы здесь с тобой, расположимся в отеле и придем в себя, а там гляди и ответ на все придет сам собою, не стоит убиваться, ну ты же знаешь, итак, что нельзя в таком состоянии принимать решений! Перешагни ты сквозь эту хандру, а кто сейчас счастлив-то, мать его? Все наладится вот увидишь, зря что ли мы с тобой? Все люди иногда ломаются, но ведь для этого люди и нужны друг другу чтобы поддержать и помочь... Тьфу! Как заговорил мне и самому тошно... Видишь, что ты делаешь с людьми Фабс? Вот, вот так, вставай, все в порядке.

Они вместе встали и пошли дальше.

—Мы вместе добежим до конца и ничего не говори Фабс, ни единого слова, слушай, слушай эту песнь тишины и внимай ей, поддайся легкомыслию. Не стоит в серьез рассуждать о жизни Фабс. Думаешь мудрецы прожили бы свой век так долго рассуждая и размышляя о жизни? Наставник да пребудет мир над его головой говорил, что сила в простоте, в спокойствии, простота мышления не исключение Фабс. Какая разница, что там будет, хорошо или плохо? Сейчас-то все иначе. Ты не боишься пуль, но иногда стоит побояться собственных мыслей и навязчивый идей, они-то губят гораздо сильнее, медленно и мучительно. Мы рядом, мы есть друг у друга, а остальное пускай идет лесом.

Фабио убрал руку с плеча Сергея, он незаметно вытер лицо рукавом и вернул руку обратно. Так они дошли до самого города.

Фабио чувствовал усталость отчего ему хотелось улечься прямо посреди улицы, где люди беззаботно сновали, то и дело посматривая на них. Наступил момент, когда бегун почти добежал до финиша, но споткнулся и упал. Он встал, но что-то в нем так и осталось в прежней неподвижности, и бегун этот более не был самим собой, что-то щелкнуло в момент после падения и произошел необратимый поворот его мыслей, он возненавидел себя за тот промах, который заставил его потерять равновесие хотя до финиша можно было рукой подать, но стоит ли оно теперь того? Да и ради чего,

собственно, бежать далее?

Милена переживала за отца как никто другой, и даже не так как он сам мог бы за себя переживать, она не подавала виду, но в глубоко в душе она беспокоилась и никак не могла избавиться от нависшей взволнованности. Она понимала, что все изменилось, что тех людей, которыми они раньше были, больше нет. Нет того Фабио, и той Милены, она не знала насчет Сергея, так как он всегда отличался безумным нравом, но Милене было горько сознавать, что она изменилась, что стала такой дряхлой и слабой. Так же, как и ее отец она пыталась принять в себе эти перемены, но у нее с трудом это получалось.

Порой перемены нагревают так же неожиданно как враг, затаившийся в лесу, но благодаря переменам человек способен обрести новую жизнь и понять к чему-таки привел тот или иной избранный путь. До чего же болезненны перемены, что скручивают человека в узел и принуждают его меняться! И какого же изумление того, кто замечает в себе внезапную перемену, что приходит, не бросаясь в глаза в одно мгновение или тянется до самого последнего вздоха, куда же подевался человек, которым ранее он являлся? И где же теперь прежний характер и нрав, решимость и мужество? Но перемены не происходят за даром и не являются той болезнью, которая мало к кому приглянется, иные люди готовы на отчаянные действия лишь бы достичь новой жизни и выкроить ее себе собственноручно и самовольно не брезгая своей си-

лой, безнадежно сражаясь до последнего вздоха дабы однажды добиться желаемого, возносясь выше прежнего в невиданный мир, называемый настоящей жизнью.

Город окутывал утренний туман, предвещавшие дождь тучи темнели над ним зловещим оскалом, вороны в подтверждение тому устремились в сторону леса, который некогда миновали трое ныне прибывших в город путника.

Когда Сергею довелось издалека разглядеть дом Наставника лицо его приняло печальное выражение. Он дошел до входных дверей и облокотившись об них спиной он начал медленно опускаться на корточки, словно от навалившегося громоздкого отчаяния ему стало вдвойне тягостнее.

Фабио тихо подошел к Сергею и положил ему руку на плечо проявляя насколько это было возможно сочувственный жест.

Обтерши глаза, Сергей поднял голову и улыбнулся Фабио, и столько искренности обличал тоскующий Сергей, что казалось, будто впервые за то долгое время, которое им довелось провести плечом к плечу, Сергей выглядел как человек вполне благоразумный и чувствительный и от этого Фабио затосковал лишь сильнее, уж лучше бы Сергей выругался, бился головой об эти двери, уж лучше бы он вел себя как последний идиот, но нет! И оттого горесть проникала в сердце Фабио подбиваемая сочувствием.

После небольшой заминки они начали оглядывать каждый автомобиль проходящий или едва отличавшийся от необ-

ходимого, но поиски их увы не обвенчались успехом.

– Может все-таки эвакуировали или Совет приметил подозрительное авто? – Спросил Фабио.

– Черта с два! Наша тачка совсем не выделялась, они не могли забрать ее даже будь у них чертова ищейка. – Воскликнул Сергей.

– Вот там смотрите! – Сказала Милена и все взглянули в другую сторону, а затем направились к автомобилю, который отдаленно напоминал необходимый.

– Вероятно это именно то, что мы ищем, но у нас нет ключей. – Заметил Фабио.

– Ха-ха, когда же это было проблемой? Ладно черт с ним, прокатит не прокатит, если она не наша съездим к моему знакомому, он торгует всяким барахлом и выручит нас. – Заключил Сергей и ударил автомобиль в стекло локтем правой руки тем самым разбив его вдребезги.

Осколки полетели в салон и посыпались на асфальт. Сергей засунул руку вовнутрь и потянул за ручку открывающую дверь. Автомобиль не издавал ни звука, что свидетельствовало об отсутствии сигнализации, он нажал на кнопку, открывающую багажник, и тот со скрипом приоткрылся.

Фабио и Милена подошли к багажнику, Сергей подоспел позже и радостно хохотнул, и присвистнул, потирая одну ладонь о другую.

– Везет же нам а? – Подпрыгнул Сергей.

Это оказался тот самый автомобиль, с деньгами и оружи-

ем.

Всего в пару мгновений они очистили салон от осколков стекла и сели в машину ощущая должное и приятное облегчение ведь вскоре им наконец удастся вдоволь выспаться, наесться и отдохнуть. Перед тем как поехать в отель они решили заехать в бутик за новой одеждой и, хотя Фабио в некотором роде любил те обноски что он носил на себе и не желал расставаться со старой одеждой все же он и был инициатором этой идеи. Ему хотелось увидеть, как Милена порадуетя новым нарядам, и он готов был потратить все до последнего гроша ради этого. В конце концов нужно было порядочно приодеться, не забывая о тех правилах приличия, которыми не пренебрегают даже убийцы.

После того как все выбрали себе подходящую одежду они двинулись дальше пока наконец не остановились у одного непримечательного отеля, название которого приходилось на Турецком языке. Маленькие формальности не заняли много времени, услужливые швейцары были готовы взять на себя транспортировку багажа до номеров, но в этом как ответил им Фабио не было никакой необходимости.

И вот настал тот момент, которого они так долго с нетерпением ждали. Сергей вторгся в свой номер, который был ровно напротив номера Фабио и Милены.

Фабио безмерно утомился и разложив все вещи на полу он улегся в кровать что пугала его своим ярким белоснежным цветом и силилась унести его подальше от мира сего в стра-

ну тех самых грез, отдалившихся от него, казалось на многие годы. Наконец даже он в какой-то степени нашел отдохновение для своего изувеченного тела и поддавшись грузу воспоминаний и принимая их за отрывочные сны он глубоко погрузился в эту глубокую яму коварно его настигнувшую.

Фабио вспоминал боль и припоминал те несчастья, которые отошли от него и казались полузабытым сном, но какими бы далекими ни были те обноски что зовутся памятью, они все же имели свое существенное влияние, воздымающее древние, давно угасшие чувства что из пепла вновь обращались в огонь. Порой даже сама реальность не в силах расшатать колонну благоразумия так запросто как это делают воспоминания.

После ваннных процедур Сергей, не дожидаясь пока высохнут его волосы решительно спустился на первый этаж отеля в поисках бара и выпивки. Несколько позже Сергей очутился в неприметной темной комнатке, в которой курили, играли в бильярд и выпивали. Он тут же сел за барную стойку минуя угрюмые лица и интересующиеся взгляды и сказал:

– Водки, старина бармен.

– Ты здесь впервой, не так ли? – Спросил Бармен, это был короткостриженный седой мужчина средних лет, который выглядел молодо несмотря на седину.

– Так точно! – Ответил Сергей, запрокидывая рюмку прямо в рот. – Не повторишь старина? – Спросил он после паузы.

– Вид у тебя измученный дружок.

– Пришлось пройти через кучу дерьма, чтобы в итоге оказаться здесь и опрокинуть пару рюмок, понимаешь мой друг?

– Для кого ж я работаю, как не ради таких бедолаг?

Сергей выпил вторую и сказал:

– Нет, нет, я вовсе не бедолага, знал бы ты откуда я, вовсе не считал бы меня таковым, но история слишком длинная вышла, да и вовсе не для таких мест, поминаешь, о чем я? После такого и непьющий запыет, и тот, кто завязал и тот, кто вовсе глотка не пробовал. Водка вот она наша спасительница, а? Ха-ха, смешно правда? Ни черта подобного, все это ни капли не смешно, все это пропахло керосином, чертова жизнь с ее подвохами, ха-ха, вот что я мать его нахожу смешным, да, прямо в яблочко, как считаешь? Ты небось таких как я видывал не мало, этих рассказчиков лихих лишь в своих рассказах, да, так оно и есть, вижу ведь, глаза не лгут, чего нам эта водка раз мы такие умные нашлись, надо ведь и рот чем-то занять, иначе нас попросту пристрелят за длинный язык. Я смотрю ты в этом разбираешься не так ли приятель? А бармен? Я уверен, куда же еще податься бедолагам как ни к тебе, врач такое не пропишет, он нас мигом отправит куда подальше, я думаю ты догадываешься куда, а тебе, возможно, и рассказывать ничего не придется ты и так все поймешь. Бармен, ты наш психолог, мы тебе рассказываем то дерьмо, которое с нами случается, ты здесь наш лекарь,

лекарь наших душ и сердец, но нет уж, сегодня я не собираюсь тебе поведывать свою историю, тебе и не нужно ничего рассказывать, я думаю ты лучше меня сознаешь, что там черт возьми со мной произошло. Да приятель, я не сомневаюсь в этом.

После шестой рюмки Сергей, пошатываясь направился напрямик к своему номеру. Сергею никак не удавалось засунуть ключ в отверстие замка, но после того, как он побранился ключ все-таки вошел. Стоило ему взяться за дверную ручку и открыть дверь как он зацепился за нее и повалился наземь.

– Знаю, знаю, не надо, остынь, прости меня Наставник мой, прости, да знаю, знаю, черт!

Он закрыл дверь пнув ее ногой и совсем забыл про ключ, который торчал с другой стороны. Дверь закрылась, и он медленно пополз к кровати неизменно шатаясь и объясняясь с Наставником пока в одно мгновение он не снял ботинки и не улегся в постель, но и здесь ему пришлось нелегко, поворачиваясь и извиваясь из одной стороны в другую он никак не мог найти удобного положения, так он и уснул, совсем внезапно повернувшись к стене.

Глава 12.

Фабио с самого утра не мог найти Сергея, дверь его была нараспашку открыта вместе с ключом в замочной скважине, в комнате царил бардак, вещи были раскиданы по полу. Беспокорство лишь возрастало. Он начал искать его по всему отелю до тех пор, пока, расспрашивая администратора на стойке ему не послышался знакомый, искаженный выпивкой голос, который никак не замолкал. Голос исходил из бара.

– Фабс! А ты здесь какими судьбами? – Обрадовался Сергей.

Фабио присел возле Сергея за барную стойку.

– Ни слова не сказал, да еще и шляешься где попало, как это понимать? – Выпалил Фабио.

– Ну ты чего рассердился-то? Голубчик, ну родненький.

– Ты пьян? С самого утра? Что на тебя нашло?

Сергей выдохнул и посмотрел в пустой стакан, в котором оставалась одна лишь капля коньяка что отсвечивала полумесяцем на самом доньшке стакана. Сергей задавался тем же вопросом: почему он пьян и зачем? Лицо его приняло серьезный вид и в глубине души, так же как в стакане, он пытался отыскать этот полумесяц коньяка, той маленькой капли основания, раскрывшего внутреннюю рану, кровоточащую и вопиющую.

– Видно теперь моя очередь негодовать, не понимая са-

мого себя и не ведая что же внутри меня творится Фабс. –
Мрачно вымолвил Сергей.

Фабс медленно кивнул и спросил, изменив тон:

– Это из-за Наставника?

Сергей задумался и ответил:

– Наверно это первый раз, когда Наставник здесь не причем. Я чувствую какую-то пустоту, словно бы я сам по себе здесь в этом мире, будто все исчезло, перестало быть и осталась лишь я со своими грязными делами, со своим прошлым и приглушенными воспоминаниями, куда мне деваться от этого? Ибо мне не выкинуть в речку собственные мозги.

– Что за болезнь настигла нас врасплох? Надеюсь, Милли не застанет та же участь что и нас. Я и не знаю куда подевалась моя ноша, которая вчера казалась мне невыносимой. Такое чувство, словно она затерялась в безмерной ночи, растворилась среди звезд. Пугает ли тебя принятие решений, или же будущее, которое непременно наступит, быть может, ты понял, что некуда нам деваться от той ответственности что нам грозит?

– Нет, нет, вовсе не это, на это плевать мне хотелось, что будет, что произойдет... Но во мне бурлят эмоции, они перемешались воедино, мне трудно дышать при этом бушующем котле, который вот-вот, обрушится мне на голову, я словно бы единственный кому есть дело, нет, не так... Я словно один здесь на земле, а другие, другие будто и не живы, понимаешь? В них не бурлит та участь, в них нет того, что в нас.

– Тебя мучает отчужденность?

– Разве отчужденность не есть мы сами Фабс? Мы рождаемся одни, и уходим мы одни, зато, когда мы живы тут уж простите, тут нам людишки уж нужны, к чему все это? Разве кто-либо поймет меня, коль я сам себя не понимаю?

– Всегда найдется тот, кто проходил через подобное поверь, сетовать всегда легче чем принимать все как есть не так ли?

– Зачем нам мир, когда в головах наших война? Лишь когда вокруг нас война мы цепляемся за мир.

– Взгляни внутрь себя, и ты поймешь то, что противятся увидеть глаза и разум. Бежать от истины не тяжело, тяжело с нею смириться, не важно какой недуг тревожит тебя, все это в прошлом, нам осталось совсем немного, вскоре все закончится и наступит долгожданный покой Сергей, он совсем близко, до него рукой подать...

– Но что с того, ведь все пойдет по новой, как жить, когда жить больше нет желания?

– Ведь есть то, ради чего ты все еще цепляешься за жизнь, нечто сокровенное, незавершенное, например обещание, которое было дано тобой дорогому тебе человеку ради того, чтобы все наконец свершилось. Наставник не просто так велел тебе простить и помочь, он видел в этом то, что другие бы не разглядели, а выполнив это, ты помог бы не столько нам и остальным, сколько самому себе. Светлая сторона присутствует повсюду, но каждый ли увидит ее? Кто-то настро-

ен видеть тьму даже там где светит одно солнце, поэтому-то нам и нужны такие люди как Наставник дабы они помогли нам и научили нас свету ведь тьме учиться не нужно, тьма легко образуется сама собой в наших душах, иногда мы подпитываем ее настолько, что она завладевает нами, ведь мы иногда и не предполагаем что же творится там внутри нас самих, ведь органам не свойственно кричать, а они кричат, но мы не слышим их, сердце иногда обливается кровью, а мы предполагаем что это не иначе как болезнь, или недуг, видим мы лишь то, что хотим видеть, слышим лишь то, что хотим слышать, поэтому-то все вокруг глухие, слепые и немощные.

– Всем нужна тьма, дабы сильнее возрадоваться свету.

– Ты ведь не такой Сергей. Ты не из тех, кто клевал бы носом, мы знаем тебя светлым и веселым. Не унывай раз в один момент ты заплутал, угодив под тень, ведь она не тьма, она лишь прикрывает свет, тень не вечна, как не вечен день, и всем нам предстоит порой погрузиться в ночь чтобы уснуть, чтобы возжелать поскорее проснуться.

– Что там у тебя в голове, Фабс, день, ночь, свет, тень, ты случаем не стукнулся головой пока меня искал?

Фаббио улыбнулся Сергею, они впервые были рады друг другу такими какие они есть. Они выпили за это и поднялись за Миленой чтобы пойти завтракать.

Сергей мало по малу успокоился, и они последовали на улицу дабы найти место, где можно было бы подкрепиться, оставалось лишь найти приличное заведение.

– Могли бы и в отеле поесть. – Недовольно высказался Сергей.

– С тебя хватит отеля с его алкоголем, еще успеешь одурманить свой разум чуточку позже.

– А может я не доживу Фабс, что ты на это скажешь? Я пользуюсь случаем и не упускаю возможностей, вот так-то!

Фаббио переживал как бы и Милены не коснулась меланхолия. С самого утра она была немногословна.

– Милли ты как?

– Все хорошо, просто я голодна.

– Ладно! Нужно ведь нам определиться с выбором, иначе мы пройдем весь город и так и останемся голодными. Вот заглянем сюда. – Фаббио указал на ближайшую вывеску ресторана: «Монреаль».

Ресторан выделялся огромным потолком, который придерживали несколько мраморных колонн, избавленных от каких-либо красок и обоев. Зал казался просторным и не лишённым изысканности и дельного вкуса. Позолота гармонировала с деревянной мебелью. В глаза бросалась утонченная работа известного столяра, который расписывался торопливым мазком в виде нескольких букв «РПС» – или Романов Петр Сергеевич. Зал находился в движении и одновременно в нем проглядывала преисполненная безмятежности атмосфера, таившаяся за каждым столиком. Официанты и официантки улыбочиво досаждали каждому постояльцу, участие которым они орудовали было великолепно, казалось, даже

если швырнуть в них ком грязи или осыпать их самой неслыханной бранью, то всякая попытка задеть их достоинство попросту будет тщетной и неуместной.

Фабио, Сергей и Милена долго разглядывали заведение, выбранное ими наспех не без излишней избирательности. Каждая деталь по отдельности олицетворяла собою тот забытый мир, в котором они некогда жили. Они с наслаждением наблюдали за официантами с серебряными блюдами и подносами на руках, на людей, занятых пищей или приятной беседой, их улаждало подмечать как старый мужчина прихлебывает вино или как влюбленные поглядывают друг на друга и робко улыбаются, потупляя свой взор на тарелку, как маленькие беспризорные дети носятся по залу и нередко натываются на служащих, едва успевавших сохранить и равновесие и долгожданное кем-то блюдо. Зрелище это завораживало и отвлекало, но услужливые официанты сумели вывести их из забытия и посадить за свободный столик.

Посадив прибывших гостей, торопливая официантка принялась раскладывать карточки меню на стол, попеременно рассказывая об изысканных сочетаниях одних блюд с другими, не забывая также упомянуть об определенных кушаньях, которые пользовались большим спросом у постояльцев. Не менее спешно она достала блокнот с карандашом и начала записывать заказ на перечеркнутом листочке. Тщательно и машинально прочтя записанный заказ, убедившись, что все в точности верно официантка подобострастно кивнула и уда-

лилась на кухню.

Не прошло и пяти минут как еда была подана на стол.

– Фабс, а ты задавался вопросом сколько времени мы пробыли там, в том месте, в той дыре, на которую и сесть по нужде не захочется, если вы понимаете, о чем я, хотя здесь за столом... Да извиняюсь, тьфу на меня, так вот, Фабс, ты предполагаешь?

– Не важно сколько, главное, что мы выбрались оттуда. Теперь у нас другие проблемы, не думай, что все позади. Сегодня у нас есть та свобода, которой не было вчера, но это не значит, что она будет и завтра. – Ответил Фабио смотря в свою тарелку с супом.

– Тебя не тревожит? Тебе все равно? Да неужто, черт, нет, ты только подумай...

– Не желаю знать, – перебил он, – да всем нам бывает плохо, ты сам в этом убедился, но нужно взять себя в руки, что же так беспокоит тебя? Неужели то, сколько мы там пробыли? Знай лучше уж там, чем в могиле. У нас есть все, чего же тебе не хватает?

– Любви. – Ответила за него Милена, попивая клубничный коктейль.

– Что? Нет... Ну что за бредни, что за... Глупость... – Заерзал Сергей.

Фабио оторвался от супа и взглянул на Милену, которая ухмылялась при виде того, как растерялся Сергей. Затем Фабио перевел взгляд на Сергея и широко улыбнулся.

– Так вот оно значит как! Ты заставил меня поломать голову, но девушки все видят насквозь. – Заметил Фабио.

Сергей покраснел и надулся словно его застали врасплох.

– Да не в любви дело! Вы поймите, я как пробка от шампанского, меня выкидывают, а иногда кромсают на кусочки, и я теряю близких, теряю Наставника и все, я один, сам по себе, ну распустим мы этот Совет, а дальше что? Куда мне потом девать самого себя? пуститься в странствия, искать себя? Некуда мне идти, да и навязываться ни к кому нет нужды, понимаете? А если даже не будем трогать этот Совет, оставим все как есть то деваться мне все равно некуда, нет у меня ни пристанища, ни любящей семьи, никого! Что за мир такой, где ты всюду чужой? Невольно смотришься в зеркало думаешь, тьфу, черт его, ну и рожа! Ну как мне объяснить, как мне выразиться, ни туда ни сюда, а куда мне себя выкинуть тогда? Волк, отбившийся от стаи, умирает в одиночестве или ищет стаю что примет, а если нет и в помине другой стаи?

– Я и сам задавался этим вопросом, я и сам страдал от этого, находя покой лишь в своем ремесле, где не оставалось места для лишних мыслей, в те минуты перед взором мелькает лишь поставленная задача. Так мы и убегаем от самих себя, от мыслей, от проблем, от всего на свете, трудимся чтобы в один момент залечь не в постель так в могилу, то-то, там хоть твоих мыслишек не будет. Это страшные вопросы и когда начинаешь ими задаваться дела становятся плохи. Мыс-

ли не успокоятся пока не найдут своего ответа. Ведь была у тебя и гармония, и цель в жизни, но видно пришло испытание посложнее, мы в одном нерешаемом положении, что мы, например будем делать, когда все закончится? У Милли ведь и образования нет, хотя она все знает, ну может экзамены сдаст и поделом, но неужели она сможет работать, сможет жить так же, как остальные? Да и я тоже не смогу, но придется что-то делать, придется отпустить прошлое и жить нормальной жизнью, хотя я и не имею никакого представления о том, как жить нормально. Но послушай, ты всегда можешь быть с нами, что бы ни случилось для нас ты член семьи, верно Милли?

Милена кивнула.

– Мы одна семья, мы прошли через все это вместе, хочешь любви? Мы подарим тебе ее. – Закончил мысль Фабио.

– Что же за фигня такая творится со мной? – Недоумевал Сергей.

– Когда никто не в силах тебе помочь ты становишься как человек, у которого завязаны руки, такому человеку приходится очень нелегко, но иногда время от времени, мы сами завязываем себе руки, а развязать их не в силах без чьей-либо помощи...

– Что же это за дерьмо такое? Мне так трудно без Наставника, наверно я только сейчас это понял, без него я потерял ориентир в жизни, все скатилось к черту, мой компас жизни дал сбой, а я мечусь не понимая, что да как.

– Так сплошь и рядом разве это не так, да я и сам в той же лодке, а ты как думал? Так что не унывай, ты ведь не один такой.

– От этого как-то не легче и что же нам делать? – Спросил Сергей.

– Жить. – Ответила Милена.

Солнце близилось к закату. Тени растягивались по тротуару, накрывали волною целые улицы и беспрестанно следовали за неустанно двигающимися людьми. Что есть тень? Всего лишь пятно от фигуры, воспрепятствовавшей солнечному или иному свету. Тень глумится над человеком. Она усмехается над ним. Чем же это? Она способна воссоздать твой искривленный облик, который сначала будет мал по размеру, а затем станет вдвойне длиннее обычного. Тень – это червяк который разрастается и гаснет. Иной раз человек не отказался бы поменяться с ней местами. Она не принимает на себя лучи палящего солнца, не имеет мыслей и дум, она так же темна и прохладна как сон, но сон ли она? Вряд-ли. Тень ухмыляется как затаившаяся гиена, порой человеку хочется накинуться на нее с кулаками и как следует проучить этого безмолвного товарища. Безумцы спорят со своими тенями, умники же игнорируют их и тех и других связывает одно и то же – солнечная горячка.

– Поехали на Невскую губу, может успеем пока солнце не село взглянуть на закат. – Предложил Фабио придерживая двери Сергею и Милене.

–Тогда пошли к нашей тарахтелке. – Согласился Сергей.

Путь не занял у них многого времени и вскоре двери автомобиля захлопнулись за ними. В салоне стояла духота и поэтому окна пришлось открыть нараспашку. Лица прохожих сияли радостью, все улыбались и никого, казалось, не заботила печаль. Солнце перед тем, как зайти вглубь земли, освещало их счастливые лица, добавляя что-то солнечное в улыбки и сверкающие глаза прохожих.

И хотя солнце прощаясь слепило глаза, Милена сидела сзади и совсем не переживала по этому поводу, она глядела в свое окошко, что заметил Фабио украдкой поглядывая на нее. Сейчас ее ничто не могло потревожить, и не было той проблемы, которую невозможно было бы разрешить, все отодвинулось на второй план, и как прекрасна эта беззаботность, что как дуновение ветра в знойный день. Легкость всюду заполонила собою пространство, такая приятная, как любовница в лице балерины, что может быть прекрасней этого? На них снизошла легкость, в награду за то долгое время что они провели в муках и от этого-то та легкость и казалась слаще.

Ветер заставлял плясать их одежду, ведь Сергей имел обыкновение ехать быстро. Он обгонял других, и останавливался на светофоре поглядывая на девиц в своих платьицах, они были для него как картины в галерее, каждая девушка нагромоздила на себя прекрасное одеяние, чем постаралась на славу, дабы он наконец взглянул на нее и пробормо-

тал про себя всякую несуряицу, которую ему так хотелось бы выкрикнуть, высунувшись из окна автомобиля. Сергей чувствовал, как получал удовольствие от этих остановок на красный свет светофора, ведь выпадала возможность созерцать и восхищаться. Эти расцветшие девушки, как сорванные цветы, которые при этом и двигаются и истощают запах, притягивая тебя к себе. Их взгляд такой манящий и прекрасный, как массаж на сердце. Их любовь, вземное наслаждение.

Солнце уже совсем сдвинулось к горизонту, когда выступила восточная часть Финского залива, солнце словно желало окунуться туда от увиденной на земле злобы, несчастья и несправедливости, подалеже от тоски и печали. Оно намеревалось пожертвовать собой, спрятаться дабы люди перестали нести свою злобу в чужие жизни, дабы прекратились злодеяния которые они ежедневно творят, дабы они легли наконец в свои койки и заткнулись в конце концов их лживые уста, ибо язык их произнес много необдуманного, много того, что в последствии могло стать чьей-то погибелью, или слезами, несчастьем, горем, пусть язык этот примкнет наконец к небу, и умолкнет во сне – только ради этого, казалось, солнце готово было опуститься, потухнуть в воде, необратимо утонуть в пучине, никогда больше не проявляясь.

– Где остановимся Фабс? – Спросил Сергей.

– Чуть ближе, чтобы можно было посидеть, где-нибудь.

– Можно на камнях посидеть, лишь бы там кто-нибудь не

оставил сюрпризов.

– Ну давай, давай.

Мгновением позже, после парковки автомобиля они вышли из машины и уже передвигались по песку, смотря на водную гладь, на чаек и птиц, которые летали вдоль пляжа, ловили ветерок или искали пищу, а иногда и просто мочили свои крохотные лапки. Люди лежали на песке и загорали, совсем не стесняясь своей фигуры и наготы, кто-то купался, кто-то ел, все были заняты делом, бывали и такие кто так же жаждал встретить закат и распрощаться с днем.

Фабио указал рукой туда, где на песке возлежало бревно, которое, к всеобщему удивлению, было свободным, несмотря на изрядное количество людей бывших на пляже. Бревно было не слишком длинным, но они вполне уместились на нем втроем.

– Мы ведь с тобой ни разу не ходили на пляж Милли...

– Верно. – Согласилась Милена.

– Что же я за отец такой?

– Мы теперь многое успеем папа, будем жить новой жизнью, радостной и счастливой.

Сергей зачесался.

– Ага, будем ловить бабочек в полях, и жить в лесу.

– Как вариант. – Сказал Фабио. – Взгляните-ка лучше на солнце, еще чуть-чуть и закат пройдет. Столько дней мы торчим на земле, столько раз видим мы это, и каждый день все по-другому, иногда прекраснее, иногда мрачнее, столько

разнообразия в небесах и на земле, как мы можем так запросто забывать обо всей земной красоте, иной раз приходится посидеть в темнице чтобы понять это.

– Такое чувство... словно на флейте заиграли. – Заметила Милена.

Они закивали.

Солнце окунулось в воду окрашивая ее тем же цветом что и небеса. Дети плескались в воде, набирали ее в ладошки и расплескивали мелкие капли по воздуху на потеху родителям. Были здесь и парочки, сидящие вместе точно птички на ветке, были и писатели с художниками, как будущие, так и нынешние, что выбрались спустя долгое время на свежий воздух дабы обдумать следующее действие, приходящееся в той или иной пьесе или картине. Выделялись среди толпы одиноко сновавшие девушки в которых таилась своя красота. И столь многого могла бы поведать та или иная девушка что шла медленной задумчивой поступью и бросала загадочные, но волнующие взгляды по сторонам. Милена понимала этих девушек и по-своему сострадала им. Было в этом месте нечто своеобразное и прекрасное, в людях и природе, в разукрашенных небесах и летающих чайках. Столько красоты таилось в простоте что восторгала своею доступностью и невольно душа уносилась в размышления пытаясь постигнуть и понять всю сложность и невероятность этой красоты, пока в один момент не наступала минута затишья, так душа смиренно принимает поражение перед неотступностью

высокой мысли, дабы покорно предаться воодушевляемому чувству созерцания и как сладка минута в которой находят покой душа и тело забываясь в чудном плену перед прекрасным, уносясь в широкое и непостижимое пространство называемое мгновением.

– Вот и спряталась эта коварная блюстительница жизни и кто знает, может не будь солнца не было бы несчастий и всего того, что так рушиться нам на голову. – Заговорил вдруг Сергей, – жизнь не подарок и мы понимаем это еще в самом ее начале, оплакивая свое пребывание здесь, это солнце черт его, светит нам каждый день в лицо и ухмыляется при этом, жалкий светильник в соотношении с правильным расстоянием и температурой может наделать кучу проблем: войны, любовь, одиночество, грех, счастье, страданье, чем только мы не искушались, что только не пробовал род людской, тьфу, стыдно и предполагать! Есть здесь, и то, ради чего, стоит остановиться, позабыв о времени, да и обо всем остальном черт возьми. Природа всегда будет присутствовать на земле, она возвращает нас обратно во времени. Закаты, восходы, животный мир, деревья с их ужасной красотой, ужасной? Да вы не ослышались, красота ужасна и притягательна, она вытягивает тебя из мира сего, отправляя к праотцам туда, в далекие безмолвные края, чтобы указать тебе нечто прекрасное, чтобы ты взглянул на себя со стороны, вот оно первое зеркало на земле, то-то же! Зеркало души, как тебе Фабс, такое изречение? Старушка луна, теперь освещает нам путь,

она-то немногословна, она не защищается обжигающим светом, она парит там на небосводе награждая нас своею красотой, красота? Что же это со мной? Красота, ну надо же как заговорил! Да я прямо-таки экскурсовод, ха-ха, ну да, красота! Пусть будет так, а что нельзя что ли назвать вещь красивой? Луна красива, она напоминает мне женщину, да, красивую, обаятельную, выходящую в ночь женщину. Она освещает своим взглядом, да, это точно женщина, никто бы не назвал луну мужчиной, нет, это никуда не годится. Так, о чем это я? Луна, зеркало души... Что за Шекспировские речи? Ах, всюду он, познавший все на свете, в своих стихах, а что мне до Шекспира, я не читаю книжек, нет, простите! Зато душою я прекрасно осведомлен, чужие мысли мне ни к чему. Шекспир знал много спору нет он гений, ну а я не гений, просто человек, зато мне спать легче, меньше знаешь крепче спишь. Куда мне до гениальности? Слова мои чего таить пустая болтовня, звон колокола и то полезней будет, вой волка в ночи и то приятнее звучит, а мне почему, мне все равно, солнце ведь поработало здесь на славу, и спряталось как ни в чем не бывало, негодяйка, вот пусть прячется до зари, мы проснемся и все забудем, а солнце так и будет светить на нас своим безжалостным светом. У нас свой палач, он медленно, но коварно нас изничтожает, черт его, зачем нам гильотина? Ну ее к чертям! А когда-нибудь солнце просто потонет в пучине мрака и потянет нас за собой, как Ромео Джульетту, ведь нет повести печальнее на свете...

Глава 13.

– Да что с тобой черт побери не так? – Выкрикнул Фабио вламываясь в приоткрытую дверь номера Сергея после того, как все утро потратил на его поиски.

Сергей спокойно возлежал на кровати с задумчивым и потерявшимся видом оглядывая пространство вокруг, он был пьян и поэтому попросту не мог ничего придумать в ответ, в то время как Фабио негодовал, не разумея причины, из-за которой Сергей постоянно напивался и что более всего выводило Фабио из себя так это осознание того, что еще вчера, казалось, дело было решено и забыто.

Сергею конечно же не было известно того, что Фабио приходилось ничуть не легче, на него давила ответственность не только за самого себя, но и за других. Ему было чрезвычайно тяжело нести на себе это бремя и порой все что хотелось Фабио это бросить, забыть, разрушить и то было нестерпимое желание, в котором так рьяно обнаруживается собственная безвыходность. Фабио обезоруживало то, что он не мог совладать с человеком, который казалось и сам не хотел выбираться из собственных проблем пеняя на себя и вверяя себя другим тем самым перекладывая свои нерешенные проблемы на чужие плечи. Сергей терял себя, он и не знал отчего ему было так горько, он видел все по глазам Фабио которые говорили сами за себя. Сергей чувствовал вину и совсем не

догадывался как с ней управляться, словно компас что всегда указывал ему путь вдруг сбился и теперь ему некуда было идти. Сергей впервые почувствовал себя обузой для других, но пока семя этой мысли находилось в зачатке и наступал момент, когда судьба либо откидывает тебя со своего пути, либо несет за собой пока в конце концов не настанет долгожданное озарение.

– Второй день подряд, ну сколько можно уже? Ты ведь знаешь день серьезный, знаешь ведь, что все мы все измождены, не ты черт возьми один здесь жертва, посмотри! Взгляни на себя пьяница, разве этого хотел от тебя Наставник? Постыдился бы хоть его!

– Ни к чему здесь Наставник, Фабс! Он здесь не причем! – Подхватил Сергей и моментально принял сидячее положение на постели тут же отрезвев.

– Ни к чему, ни к чему... – Передразнивал Фабио, – думаешь у нас нет проблем, чувств, ни черта? Я спать спокойно не могу, ворочаюсь как утопленник в воде, понимаешь нет? Взгляни на бедную Милли, такое чувство будто она выплакивает всю душу по ночам, разве она сказала хоть слово, разве обмолвилась хоть раз? Черт! – Выкрикнул Фабио теряя контроль. Он не понимал откуда взялась эта неумолимая ярость что силилась овладеть всем его разумом. Он прошелся из стороны в сторону и присел на кровать Сергея, пока тот в свою очередь решительно хранил молчание из-за своего недоумения хотя он вполне и вполне мог на этот счет что-

нибудь съязвить. Они оба не понимали, как быть и что делать.

Фабио положил локти на бедра, а ладони запустил в свои волосы вороша их со лба на затылок и обратно, а потом остановился и поддерживал голову руками.

– Ведешь себя как чертов эгоист, – сказал Фабио более мягким тоном, – я ведь стараюсь помочь, но, если ты не хочешь идти навстречу, как ты полагаешь мы поможем тебе? Ты ведь человек духовный, не мы! Ты ученик мудреца, а ведешь себя как обычный нытик. Я считал, что ты способный парень, но никак не полагал, что ты из тех, кто сдался. Мне противно видеть, как ты спускаешься все ниже по наклонной, как теряешь контроль над собой. Где же ты Сергей?

Фабио словно бы проглотил свою ярость и пытался выразиться так чтобы затуманенный эмоциями разум освободился от его оков, но знал бы Сергей как трудно помочь тому, кого не можешь понять и от кого некогда сам ждал поддержки и помощи. Фабио как никогда старался быть отцом и другом для других, но столько всего сваливалось ему на голову что у него просто не хватало былой выдержки.

После некоторого молчания Фабио встал и пошел к себе в номер захлопнув за собой дверь. Милена стояла на пороге встречая отца.

– Не стоило так с ним пап... – Промолвила мягко она.

– Знаю, что все это глупо, что мое поведение не соответствует уровню моего достоинства, но и мне трудно... Сего-

дня очень важный день Милли, можно было хотя бы сегодня притвориться нормальным.

– Что же с нами сделало то место пап?.. – Спросила Милена с дрожью в голосе.

Фабио обнял ее так словно от того, как скоро он заключит ее в свои объятия зависела ее жизнь.

– Тише Милли, не надо, не думай об этом. Я не знаю, не знаю, что же с нами произошло, что за роковые перемены, что за новая жизнь полная боли и отчаяния. Тише Милли, тебе куда тяжелее чем кому-либо из нас, уж я-то знаю, чувствую всем сердцем и это не дает мне покоя, мы даже не догадываемся Милли как же тебе тяжело, а ты и не говоришь нам ни слова и все держишь в себе. Твоя боль такая громкая что я слышу ее стон, слышу, как что-то внутри тебя готово нахлынуть на всех нас, захлестывая нас с собой в неведомую, непроглядную пучину, но не может, нет. Кто же ты как не сильнейшая из нас, моя дорогая Милли, я сделаю все что угодно лишь бы ты больше никогда так не страдала, я вылезу из кожи вон и пойду под пули, но пусть для тебя все будет позади, и никто больше не повредит тебе душа моя! Милли! Когда же ты будешь вновь смеяться, а не плакать, когда же ты наградишь весь мир своим счастьем? Боже, неужели ты заслужила такого отца как я? Я проклинаю тот день, когда ты наградила меня своей опекой и оберегла меня, и как же я отплатил тебе за это? Милли ты нашла меня и подарила мне сказку, а я взамен связал тебя со своим миром и не уберег

тебя моя Милли, как же мне отплатить тебе за те страдания что я навлек на тебя? Пусть моя душа будет выкупом за твою, я ужасен, я не выполнил своего долга, как же мне стыдно, что же со мной будет...

Тем временем Сергей негодовал у себя в номере, он ходил по своей комнатке переплетая и связывая одно слово за другим. Он ругался, подпрыгивал, кивал и стонал, иногда падал на кровать, а потом сразу же вставал.

— Я слабак, ничтожество, я никто, тьфу, черт возьми, нельзя уже и стакана выпить, ну и что? Подумаешь этот стакан оказался целой бутылкой, а я виновен, я! Нет безобразия, да что же это такое, что за обвинения, будто сам он не проходил через это, чертов... Ну его! Поделом! Разве я виноват? Ах не все так просто, а все на самом деле очень просто, да, этот мир, с его правилами, правила! Плевать я хотел на правила, наплевать мне на правила, я ведь, я ведь, да ну их всех, да что за вздор, что за...

Вечером они выехали на собрание. Сергею не было известно местопребывание этого собрания, а потому Фабио указывал ему дорогу и обходился с ним весьма хладнокровно.

Остановившись и осмотревшись по сторонам, они вышли из машины и направились в непримечательное пятиэтажное здание, находившееся в глубинах центра города, когда они зашли внутрь их ожидал довольно крупный охранник, завидев Фабио он кивнул им и сказал:

– Четвертый этаж, левая дверь.

Зайдя в левую дверь на четвертом этаже, можно было увидеть сцену и зал, в котором восседали люди. На сцене стоял не кто иной как сам Дмитрий. Кресел и стульев имелось достаточно много и можно было разглядеть некоторых заключенных что за это время успели привести себя в порядок и несколько прийти в себя. Были здесь и люди которых Фабио припоминал лишь на лицо, многие из них тесно связаны одной и той же профессией, все они некогда бывшие и нынешние киллеры и убийцы, которые хотели бы обрести полную свободу.

Зал был практически полон. Фабио, Милена и Сергей заняли место в последнем ряду попросив при этом подвинуться одного джентльмена, который выделялся седой головой и изысканным видом. Некоторые перешептывались и указывали на Фабио подтверждая свои догадки, которые противоречили всеобщему мнению, гласящему что Фабио находится в тюрьме или что еще хуже, что он давно мертв.

Дмитрий ходил, взад-вперед поглядывая на часы, оставалось немного до начала. Сергей ерзал на стуле, оттого что ему было неудобно сидеть и расстегнул пуговицу рубашки потирая лоб кистью. Казалось, во всем зале лишь ему одному было жарко.

Фабио указал Милене на первый ряд.

– Помнишь Петровну, Милли? Она пыталась нам помочь, когда все началось, видимо теперь и ей самой нужна помощь.

Милена кивнула.

Многие подходили и здоровались с Фабио, подошел и его старый друг Эрик, который некогда зашивал ему рану на плече.

– Эрик!? – Воскликнул Фабио, когда тот подходил.

– Фабио! Боже как же я рад что с тобой все в порядке, ну как плечо? – Со смешком спросил он.

– Как новенькое. Ты один или с сыном?

– Он скоро присоединится, ладно Фабио, пойду сяду, а то скоро уж начнется.

– Конечно Эрик.

Фабио заметил, как Эрик постарел за прошедшее время, но начинавшаяся сутолока и шум переговаривавшихся людей – что свидетельствовало об начале собрания, завладели его вниманием.

Дмитрий начал собрание. Доводы его были весомыми, а слова вызывали у слушателей различные чувства. Он говорил о мести, чести и о свободе что были отняты у каждого из присутствующих. Напоминал о прошлом, что всегда было ярким примером для нынешних дней и пугал будущим, которое наступит если ничего не предпринимать, просто поджидая случая. Каждого касалось то, что было сказано Дмитрием и никто не отрицал своего положения, которое могло разом привести к непоправимым последствиям. Дмитрий пытался достучаться прежде всего до сомневающихся которые боялись предпринимать какие-либо действия, но кото-

рых не устраивало рабство, и вечная беготня за Советом ведь именно за рискующими как говорил Дмитрий и была правда.

– Мир всегда рождается из хаоса и пока мы не пройдем сквозь войну мы не обретем мира, нам придется взяться за оружие возможно в последний раз, но это будет тот рывок, который позволит нам встать на ноги и обрести свободу. – Подводил итог Дмитрий.

Каждый внимал Дмитрию по своему, но было кое-что единившее всех вместе, то было стремление обрести свободу и говоря о свободе можно было подразумевать все что угодно, но именно к покою иногда стремится человек когда начинает размышлять о свободе и своих правах и какой бы то ни был век, человек не найдет пристанища более лучшего чем в собственном сердце обретшим истинный покой, но увы существуют и такие понятия как совесть и поступки и сколь бы не стремилась душа к свободе и уединению этого увы невозможно достичь пока совесть будет грязна.

Люди, находящиеся в зале, были запятнаны собственными пороками и не оставалось ничего другого как пробудится ото сна невежества. Впервые убийцы взглянули в глаза друг другу и ужаснулись от увиденного, как новорожденный плачет при виде чужестранного мира, так и человек осознавший весь масштаб своих действий плачет от бессилия.

Многие пришли сюда в надежде обрести покой, не скрывая что свобода – это роскошь чересчур непозволительная. Иных могут поймать и арестовать, других вздернуть или

расстрелять, эти люди всегда сознавали на что шли, а тот риск, который никто не предвидел, не освобождает от ужасного наказания. Никто не позволит преступникам вроде них так запросто скитаться безнаказанными, идти против Совета значит заранее вырыть себе яму, в которую непременно придется лечь, это дело решенное, а вердикт не заставит долго поджидать исполнения.

Как же быть людям одумавшимся и тем, кто наконец постигнул сколько крови на его руках? Не иначе как заплатить за это известную цену.

Дмитрий же, сияя на сцене возвещал людям о том, что у них все еще есть все шансы обрести свободу, словно какой-нибудь депутат что говорит людям лишь то, что им более всего надобно слышать. Но Дмитрий не был лицемерным лжецом коим нужно являться чтобы выступать перед публикой, одним своим видом он внушал остальным свою досаду и несправедливость коснувшуюся его ничуть не меньше чем кого бы то ни было еще и поистине требуется невероятное усилие чтобы на протяжении длительных минут вещать о волнующем что укоризненно отдается в сердце, о том, что пылает и разносится в груди не оставляя бывалого покоя, что тревожит и лишает сладкого сна, что пугает и кидается всякий раз как только мышцы начинают расслабляться. Всякий заметил за Дмитрием тот жар, пыл которого возносил искры, гнев от несправедливости – это пожарище, которое тушат ничем иным кроме крови, и Дмитрий жаждал обрести

свободу даже яростнее самого отчаянного заключенного.

Далее Дмитрий незамедлительно перешел к вопросу о наступлении и решил напомнить о времени, когда Совет не назывался Советом и прошлое отличалось от настоящего тем, что раньше не было третьего лица, именуемого Советом, а были лишь две стороны: заказчик и убийца. Минус же такого тет-а-тета заключался в том, что не было правил, которые могли бы ограничить ту или иную сторону, в результате чего начинались войны между стороной убитого и стороной убийцы. Не имея необходимого свода правил люди превращаются в дикарей и начинают вести между собой нескончаемые войны, которые в один момент изничтожают ценность самой жизни сводя на нет все то, что приобреталось многочисленными годами развития и цивилизации. Именно поэтому появился некий Совет или если его можно так назвать посредник, защищающий сторону не только заказчика, но и убийцы, и единственное и самое значимое правило для киллеров гласило о том, что те обязуются служить Совету до конца дней своей жизни и не имеют права на освобождение от этой службы, иными словами киллеры, соглашались на добровольное рабство, тем не менее поощряемое немалыми деньгами.

Не все принимали всерьез это правило, что подобно веревке на шее змеилось, принимаясь к удушью, и мало кому удавалось выйти сухим из трясины, в которую рано или поздно погружается каждый киллер соглашавшийся и подписы-

вавший сам себе смертный приговор.

Все же это была необходимая мера предосторожности, продуманная до мелочей, благодаря этому маленькому пункту выстраивался баланс и это обстоятельство выделяло Совет не как преступную организацию или же рабовладельческую, а как иную структуру закона, не сообразованную разве что на бумаге и в официальном формате. Как некогда упоминалось, Совет выбирал и собирал те или иные заказы согласовывая их с органами власти, тем самым практически невозможно было убить невинного человека.

И перед тем, как приступить непосредственно к самому опросу о наступлении Дмитрий решил вновь подбодрить присутствующих, дабы те не отчаивались и сделали решительный шаг, благодаря которому все могло бы закончиться. Дмитрий начал повествовать о том, что людям ранее доводилось, ниспровергнуть Совет с престола который воздвигли некогда сами киллеры. Первый случай произошел во Флоренции. Дмитрий не стал вдаваться в подробности и лишь упомянул что обошлось без лишних жертв. Впрочем, они были единственными кому удалось договориться и условиться в несколько мирных тонах.

В Болгарии, в городе София увы не повторили того опыта коим обладала Флоренция и практически все члены Совета были мало того что свергнуты с насиженого престола так еще и жестоко убиты, полиция арестовала большое количество причастных к этому событию но дело было свершено

а Совет уничтожен, и несмотря на тюремный срок полученный уже путем настоящего приговора суда и несмотря на потери и последствия результат стоил того чтобы пойти на такой риск и оправдал все ожидания.

Дмитрий дал присутствующим право на выбор и перешел непосредственно к обсуждению дальнейших действий, собственно, здесь этот выбор и имел свою прерогативу и каждый по возможности излагал свои мысли насчет наступления и обороны, которая может понадобиться. Так же были обсуждены более подробнее те идеи которые находились на поверхности, а именно: нападение из подтяжка застав весь Совет; но столь опрометчивый и примитивный ход был сразу же опровергнут весьма значительной критикой со стороны истинных стратегов своего ремесла, а именно тем что так поступил бы каждый у кого не хватило бы ума для более разумного плана, к тому же было слишком много необоснованного риска, который сводил все пути отступления либо в темницу либо в могилу.

Можно было прибегнуть к другому методу: убивать по отдельности, что необходимо делать либо быстро и скрытно, либо с чрезмерной медлительностью, которой не располагал никто, так как медлительность в производстве убийства целой группы людей по отдельности требует большей информации о каждом из этой группы, которую никто не имел, собственно, как и временем необходимым для непосредственных действий.

Таким образом были обсуждены многие идеи, но все сводилось к одному и тому же вследствие чего было решено взять перерыв.

Каждому было очень нелегко принимать какое-либо решение относительно того, как именно нужно со всем разбираться, эти люди не таковые, они привыкли получать имя, информацию, место, и работать, не решая судьбы, тем более собственные, а устраняя их. Конечно, оба варианта нападения не были единственным выходом из положения, скорее эти идеи оттого и были оглашены что лежали на поверхности.

Люди повылезали с насиженных мест, зал был накален до предела, а все, потому что у каждого из присутствующих поднялся жар от нестерпимых и гласящих мыслей, устанавливающих и обрушивающих свой суровый приговор. Из двух зол человек всегда выбирает ошибочную, но мало кто понимает, что правильных путей не бывает. Таким образом каждому предстала настоящая картина того, что называется общим положением, которое к слову было одной лишь гибелью. Бывает минута, когда дальнейшая судьба решается прямо на глазах, а выбор становится роковым, в такие минуты человеку характерно терять над собой контроль то ли от вмешательства провидения то ли от буйства собственной глупости, впрочем, нельзя забывать, что самые глупые решения как правило самые верные из принятых. Увы чем дольше думали киллеры, тем больше они подвергали сомнению

собственные силы, так фигляр на вопрос как он вытворяет свои трюки в ответ задумывается и падает на голову. Настал момент, когда накаленные умы перестали что-либо мыслить и не оставалось иного правильного решения кроме переноса собрания.

– Пусть каждый изложит свои версии того, как именно следует поступить, – объявил Дмитрий сразу же после перерыва, – можно в письменном виде, дабы через четыре дня, мы все обговорили и приступили к нападению. – Закончил он и объявил собрание закрытым.

Вероятно, в ту секунду выдохнул каждый. Всех одолевал трепет, и все в один момент стали до родства близки, никто не испытывал большего облегчения чем эти бедолаги. Словно солдаты, готовящиеся к войне, они вышли из здания и почувствовали, что война отсрочена и уже совсем далеко, но не позади, а так, затаилась поджидая своего часа.

Пока Сергей вел машину Фабио показалось словно что-то беспокоило его, что непосредственно отражалось у него на лице. После всего того, что произошло сегодня Фабио не мог позволить обиде, которую завидел во взгляде Сергея что-либо внушить ему и тем более вынуждать его чувствовать себя одиноким даже среди новообретенной семьи.

– Послушай, если это из-за того, что было утром, – начал Фабио, – то не держи на меня зла, я просто не знаю, что на меня нашло. Пойми, я не желаю тебе ничего плохого, мы в одной лодке, мы семья и должны заботиться друг о друге.

– Все нормально Фабс, да и не хотел я из тебя извинения выпрашивать, просто странное ощущение внутри, ничего серьезного.

– У меня тоже есть нечто подобное пап, но я знаю почему, – и прежде, чем Фабио спросил она ответила: – потому что спустя долгое время мы забыли о том человеке на сцене, о Дмитриии, это его я тогда не смогла убить папа, помнишь тот что в отставке, я вспомнила его только сейчас, а он даже не говорил нам о том, какую же услугу он оказал нам освободив нас, он словно и сам забыл о том кто мы.

– Невероятно, Милли! Это и вправду он! Как же он изменился за все это время.

– Так вы знакомы? – Спросил Сергей немного взбодрившись.

Милена рассказала Сергею по дороге всю историю, что связывала Дмитриия и ее, Сергей был поражен и после короткого повествования наступила значительная пауза, которая запела облегчающей тишиной.

Глава 14.

К полуночи того же дня Фабио застал Сергея в баре, но в этот раз он не стал делать назиданий и лишь присел рядом. Сергей восседал за отдельным столиком пребывая в одиночестве и иногда наливал в граненный стакан водки из красивой красной бутылки. Он взглянул на Фабио, когда тот присел, и заметил его пронизательное и разумеющее выражение лица, в котором не проявлялось ни доли упрека. Фабио понял наконец, что все оказалось куда более серьезнее чем выглядело на первый взгляд и слова Сергея после минутного молчания лишь подтвердили это.

– Я хочу сдохнуть Фабс... – Вымолвил Сергей, заполняя очередной стакан водкой. Глаза его были красными, но без слез.

Фабио не находил нужных слов и едва ли мог разобрать всю суть сказанного. Он растерялся поняв, что вступает на тонкий лед. В свою очередь Сергей понял, что Фабио нечего сказать и поэтому продолжил:

– Да, Фабс ты не ослышался. В каком-то веке я сказал это и не пошел против истины. Не хочу я больше мать его жить, не хочу и все тут. Знаешь, если бы не Наставник и не его путь, я просто бы пустил себе пулю в лоб, да не могу понимаешь? А черта с два! Кто меня поймет Фабс? Поломанная душа, сломленный человек, видел ли ты таких? Возможно, и

видел, но что толку если они уже покоятся в земле, а я здесь как червяк на сковородке, потерянная душа! Куда делось мое благоразумие? Пройти сквозь тюрьму, сквозь смерть, сквозь пытку и оказавшись меж всем дерьмом понять наконец, что ничего не стоит эта жизнь. Что делать, когда не хочется мне жить, а? Куда мне прыгнуть чтоб все закончилось? Чертово представление, не правда ли? Все мне осточертело, все мне противно, дышать, есть, слушать, глянь на человека, который хоть что-либо потерял, глаз, например, или ногу, взгляни ему как-нибудь в лицо, думаешь он черт его несчастен? Ну а как же, он всегда найдет радость, больной найдет радость, потерявший найдет радость. Какого же черта я тогда ничего не потерял, абсолютно ничего Фабс, какого черта я так мучаюсь-то, а? Твою мать, все бы ничего, куда катится мир в моей голове, почему все проходит сквозь призму серости и небытия, почему все такое страшное и безобразное, что это за одиночество среди людей? Что за отчужденность заставляющая усомниться в том, что жизнь станет, когда-нибудь, чем-то сказочным и приятным, где тот черт что нашептывает мне эту чертову антиутопию? Где тот, кто надел мне на глаза серые очки и заставляет меня смотреть сквозь них на каждую вещь? Куда спряталась красота, тишина, покой? Что со мной Фаби, Фабио! Да даже если ты знаешь, как меня вылечить, даже если знаешь все ответы, помогут ли они мне? Станет-ли лучше? Или мне уже ничего не поможет? Может быть, может быть... Где тот утопленник что вчера смеялся и

радовался жизни? Сегодня он мокрый труп, которого вытаскивают со дна Невы! Что это за мир, в котором мне хочется всего кроме жизни, скажи мне мой дорогой друг? Может я просто жертва провидения? Или так все должно было быть? Не отрицаю, да, я знаю всем нам тяжело, не только одному мне Фабс, я даже представить себе не могу какие проблемы кроются у вас в головах, точно так же, как и вы не можете понять моих. Мы все говорим, кричим, а такое чувство, знаешь Фабс, словно мы и не слышим никого, мы иногда чего таить и зова собственного сердца не в силах расслышать что уж говорить о других душах и чужих сердцах? Больно, это больно да, но здесь ничего не поделаешь, слова лишь звуки, птички, которые улетят и больше не вернуться, а мы осознаем ту боль, тот крик, лишь спустя долгое время, когда сами спустимся в ту же бездну что и вопящий. Тяжело людям живущим, тяжело Фабс, вот мне и хочется иногда снять с себя эту ношу, это ведь так легко, не правда ли, так заманчиво и просто, но нельзя, и от этого кажется еще сильнее хочется туда в эту погибель окунутся. Неужели эти едва слышимые мысли подталкивают нас на это? Разве не удивительно? Все это черт возьми лишь голос, наш собственный голосок тянет нас в пучину беспросветной тьмы дабы мы обрели покой, и надвинули на себя муки, агонию следующей обители, в конечном счете мы сами убиваем себя, не так ли? Сначала идея, мысль, голосок, затем и претворение приговора, зачем мне решать проблемы Совета, быть ему или не быть, ко-

гда я и сам не понимаю, быть ли мне, или все-таки поддаться, рвануть туда, без обратного билета, без какого-либо чуда, какой-либо помощи? Другие скажут: только глупцы способны на это, не так ли? Лишь те, кто сам проходил через это с грустной миной, кивнут, и скажут, что мол, у него был выбор, у него был шанс, поддержка, помощь, надежда, да все что угодно, да у него это было, черт возьми, тьфу на него. А он! А что он? Когда у него не было жизни... Вот как выходит, таков приговор мой дружочек, не хочу я жить Фабс и не смотри на мое настроение, которое как и погода здесь в этом городе, нескончаемо меняется с солнца на дождь, не смотри на слова мои, которые взяли вверх надо мной, взгляни Фабс мне в глаза в которых отражается душа, взгляни ты наконец мне в душу и там ты увидишь все и даже больше, увидишь пустоту которая будет прекрасным ответом тебе, на все вопросы, о душа! Та самая которая вроде бы и есть у многих, а вроде бы и нет, как может быть у такого как я душа, да Фабс? Если бы только украл у кого, согласен, согласен, хотя ты молчишь, ты знаешь ведь, слова здесь излишни, они ни к чему здесь Фабс, ты можешь мне и не говорить ничего, я все вижу, я слышу тебя, ведь ты говоришь сейчас, как и я, но ровно не произносишь ни слова, душа твоя кричит так же как и моя, но есть там толстый и надежный стержень – Любовь, или семья, не знаю, но что-то надежное, что никогда не подведет. Люди одиноки, вот где опасность, не правда ли? Лишь одиночки знают то, чего не знают те, у кого есть дру-

гие, одинокие сердца страшны, они могут быть беспощадными, но могут и понимать тебя с полу слова, они и ангелы, и демоны и кто преобладает из них тот и правит, понимаешь, Фабс? Я постараюсь ради вас с Миленой, и я сделаю все для вас, честно, вы это все для меня, а также стержень которого у меня никогда не было и этого достаточно чтобы задержаться здесь еще ненадолго, не правда ли, Фабс? Ну тебя, расчувствовался старик, а ну вытри слезы, ну иди сюда, я тоже, тоже люблю тебя Фабс, эх ты...

Они крепко обнялись и этого в достаточной мере хватило обоим. Они поднялись наверх в своих номера чувствуя нечто прекрасное в своих сердцах, а именно братскую любовь.

Ночь хоть и была довольно спокойной, но все равно не давала Фабио должного покоя, все эти недуги, проблемы, боль, что является в разных облициях к каждому из них не отпускала его. Фабио не жаловался, он лежал на правом боку в своей кровати, а рядом на другой спала Милена и он слышал ее дыхание которое было для него ангельской песней, ему никто не был нужен, ведь его сердце принадлежало его дочери и видит Бог, он любит ее и бережет как может, он волнуется за нее больше, чем за себя и боится, что она утаивает от него свою боль. У Фабио стынет кровь от одной мысли, что есть нечто терзающее ее. «Что, если она тоже хочет умереть, как и Сергей?» – думал Фабио, и от таких мыслей ему хотелось провалиться сквозь землю. Ему хотелось бы отмотать время немногим назад, чтобы не пытаться убивать Сер-

гея, а взять его под свое крыло, как и Милену и они росли бы у него на глазах. Тогда он бы все поменял и жизнь пошла бы другим чередом, хотя он понимал, что счастья там было бы не больше, чем здесь, ведь нам всегда кажется, что будь так-то и так все было бы иначе и счастливее, но в конечном счете, все сводится к одному и тому же и это не всегда можно назвать счастливым концом. Фабио много думал пока пытался уснуть, он представил на секунду, что Милены нет рядом, что она больше не с ним, а осталась в прошлом со своей семьей, Фабио представил, что он теперь один в этой комнате и нет ни отцовской любви ни каких-либо переживаний и Фабио понял, что без нее, нет смысла в его жизни, он знал это итак, но иногда лишь потеряв что-то можно осознать всю ценность того что потерял, рано или поздно человек прощается со всем что имеет. Нежное дыхание Милены возвестило о себе, ведь Фабио задумался и перестал его замечать, он радовался ей и тому, что она сейчас спит и отдыхает от жизни с ее проблемами, он уверен что она счастлива так же как и он сейчас, но в другом месте, в собственной голове, в беззаботном мире, который иногда не возвращает людей обратно, забирая их в вечный сон, освобождая от оков жизни.

Глава 15.

Следующим утром Фабио не стал тревожить Сергея и позволил ему отдохнуть от бывшего натиска с его стороны. Он отчетливо помнил вчерашний разговор, если монолог Сергея можно было назвать разговором. В очередной раз Фабио по-

чувствовал непреодолимое беспокойство, собственное бессилие в делах друга, невозможность достучаться до него, помочь ему, выволить его из ямы, в которой он оказался. Лицезреть как человек медленно падает и сдается, видеть, как его задевает бездна, как она поглощает его и при этом сознавать что ничего не можешь с этим поделать есть самое безвыходное, самое несправедливое положение. Иногда немочь передается как болезнь, но Фабио не опускал рук и не намеревался сдаваться, ему нужно было время не меньше, чем Сергею, дабы разрешить сложившуюся проблему, найти корень зла и вырвать его с потрохами.

Фабио и Милена отправились завтракать, не беспокоя Сергея. Столовая блестела яркостью своих блюд. То, что каждое утро накрывалось на стол называлось «шведским столом» и из-за неустанных поисков Сергея по утрам они обычно пропускали столь многообразное сочетание всевозможных яств что несомненно являлось величайшей небрежностью. Еду закрывали металлические блюда и тем не менее пища все равно пускала нежнейший и приятнейший аромат, который охватывал собою весь первый этаж.

Довольно немало людей подоспело к завтраку улыбаясь еде сонными и даже унылыми лицами и вскоре наевшись аппетитных кушаний они выглядели уже совсем по-другому, как некоторые цветы наполнившись солнечным светом выпрямляются и словно бы удерживают в себе восхитительный свет, так и они утаивали глубоко внутри таинственное све-

тило, которым озаряли других.

Соки торжественно стояли на столах, их разные цвета разукрашивали и украшали стол, каши дымились в кастрюлях, гречневая, рисовая, манная, геркулесовая, свежее испеченный хлеб мимо которого нельзя было пройти мимо, не взяв буханку другую даже если хлеб вы есть и не собирались. Оладьи с разными сиропами уже были разложены по тарелочкам и порциям, также стояли полные тарелки с сыром и колбасой нарезанные красивыми овалами и квадратиками покоившимися на дополнительном столе. Самые разные виды выпечки и булочки красиво выделялись своим притягательным оттенком.

Фабио взял лишь кофе с кашей, а Милена набрала всего понемногу, всего кроме каши.

– Я и не знал, что тут такое бывает Милли. – Попытался оправдать себя Фабио.

– Ничего, зато сегодня мы здесь. – Милена ничуть не расстраивалась тем, что могла и раньше наслаждаться по утрам питательным и полноценным завтраком. И действительно Милена не любила горевать по прошлому, разве что по тем временам, которые были для нее счастливыми и солнечными, коих было мало, но все же они были, и были как маленькая шкатулка с сокровищами.

– Как ты думаешь Сергей скоро проснется? – Добавила Милена после короткой паузы.

– Не знаю, вполне возможно, что он и не спал, не хочу

тревожить его сегодня пусть отдохнет от меня, да и мне это только в тягость.

– Все будет хорошо пап, я думаю он все поймет и образумится, вот увидишь.

Далее после завтрака им захотелось прогуляться на свежем воздухе, солнце сегодня спряталось под ковром из серых облаков, хотя иногда выглядывало лишь на одно мгновение и вновь пряталось, словно бы играясь с теми, кто так отчаянно жаждал его лучей.

Вдвоем они шли по площади и иногда из-за асфальта образовывались квадраты земли, в которых были посажены деревья дабы люди не забывали лика природы даже в таком месте как центр города. Парки сменялись зданиями, лица другими лицами, кто поглядывал на часы торопясь куда-то, кто стоял и ожидал друга или подругу, кто выгуливал детей, Фабио с Миленой тоже хорошо вписывались в этот энергичный поток людей.

Далее они зашли в скромную лавку, где Фабио купил мороженого себе и Милене, сегодняшнее солнце явно уступало радостной улыбке Милены и Фабио был несказанно рад ее компании. Глядя на некоторых подростков сторонящихся своих родителей, Фабио думал о том, что сложно представить семью так гармонично складывающуюся как он со своей дочуркой. Он всесторонне осведомлен о положении дел между родителями и детьми в столь щепетильном возрасте, в котором пребывала Милена. Он не мог себе представить,

как стал бы ругать ее или отчитывать, как это делают некоторые родители, не сторонясь ни людей ни самих себя. Фабио любил свою дочь и всегда придерживался правила, которое гласит что «самообладание – это оружие киллера», хотя иногда импульсивность приносит не меньшую славу в этом деле. Все равно Фабио нравилось положение дел, может в глубине души его терзало что-то, но, а кого в жизни ничего не терзает? Может проблемы и не давали ему глубоко вздохнуть и наконец прийти в себя, порадоваться и ни о чем больше не тревожиться, но жизнь эта отнюдь не утопия... Лучше жить счастливо с семьей даже если семья твоя всего раз и обчелся.

После прогулки они вернулись в отель, и Сергей решил заявить о себе довольно необычным способом, который мог легко повергнуть в уныние тех, кому оно предназначалось то, что он после себя оставил.

Как только Фабио и Милена вошли в отель их любезнейшим образом позвал к себе администратор, когда же они подошли, тот сразу понял, что это те самые люди, которым и нужно было передать послание.

– Прошу прощения, ваш друг попросил передать вам какое-то послание, возьмите пожалуйста. – Он протянул Фабио свернутый листок бумаги.

Листочек гласил следующее:

«Милли, Фабс, простите меня за то, что я оставляю вас, я больше так не могу, прошу не теряйте на меня больше ни времени, ни усилий и сделайте то, что вам предстоит сделать.

Мне очень жаль, что я так поступил, я знаю, что не заслуживаю вашего прощения, впрочем, вскоре все это закончится и я обрету покой...

Люблю вас.

Сергей.»

– Спасибо. – Сказал Фабио и оставил администратору денег на чай. – Пойдем Милли. – Голос у Фабио слегка изменился, в голове проносились разные мысли, ступеньки становились все длиннее и выше. Нет, он не был сильно расстроен, по крайней мере он пытался так думать, но все же многое связывало их вместе и столько всего предстояло свершить.

Зайдя в номер, Фабио решил прилечь на спину. Тяжело выдохнув, он вытянул ноги сложив их друг на друга, а руки же сомкнул в замок на груди и глубоко вдохнул. Милена присела на свою кровать обращаясь в сторону Фабио.

– Почему же он ушел, неужели мы сделали что-то не так?

– Нет Милли, если кто и виновен здесь, то только я, ты тут не причем. Дело в том, что ему было плохо и может не хуже, чем нам с тобой, но мы по крайней мере закалены, ведь все по-разному относятся к бедствиям судьбы.

Милена не знала, что сказать, столько вопросов в ее голове толкались друг о друга и не давали ей сформулировать хоть один стоящий вопрос и словно понимая, что Милене трудно спросить, Фабио сказал:

– Друзей всегда тяжело терять Милли, печально, когда так бывает, когда все вроде бы, итак, разваливается и не хватает

лишь еще большего и губительного происшествия. Не стоит винить в этом его или делать повинным в наших же проблемах, хотя так хочется это сделать и вместе с тем хочется сломать все и стонать от боли, не правда-ли, Милли? Тут ничего не поделаешь, невольно начинаешь взваливать все на кого-то другого лишь бы все кончилось, возможно именно так он и поступил. Мне хочется верить, что так будет лучше, что он сделал правильный выбор, но мне непонятно почему мысленно я желаю избить его до полусмерти. Я не смогу вернуть его, лишь надеюсь, что он не убьет себя. У него тяжелая жизнь и в какой-то степени я тоже причастен к этому, поэтому-то не мне его винить, не мне говорить, что он подлец, что чертов предатель и тунеядец, что он безумец и негодяй, что зря я его не убил в тот день, что зря не убил, когда он вернулся, черт возьми! – Все же Фабио разгорячился, хоть и пытался держать себя в руках, дабы не расстраивать Милену, которая, чувствуя горечь отца обратила свой взор на простирающуюся даль заключенную в оконную раму.

Милена не понимала всей целостности происшедшего, для нее оставалось загадкой то, что происходило с Сергеем. Она считала подобно Фабио что его коснулся небольшой недуг, который вскоре обязательно пройдет сам собой, но который в данную минуту уже совершенно не кажется тем пустяком чем он представлялся раньше. Милена не могла поверить тому, что Сергей нарушит обещание, данное Наставнику, и предаст надежды Фабио, она никогда не думала о нем

плохо и не стала делать этого и теперь. Милена хотела поддержать отца, утешить его любым добрым словом, но ей так и не удалось найти нужного слова и напряжение, вызванное этим бессилием, вгрызлось в ее тело пытаясь отвлечь ее от мира роящихся мыслей.

– Главное не думай об этом негативно, – Ободрил Фабио, – ты ведь знаешь, что все бывает к лучшему. Я думаю, осталось совсем немного, всего-то потерпеть до лучших времен дабы вновь возлюбить жизнь.

– Разве все когда-нибудь становится лучше пап? – Повернувшись к отцу, спросила Милена и голос ее надломился.

– Да, ты даже не представляешь себе, насколько. Еще до того, как я стал твоим отцом, я чувствовал себе выгоревшим, мне казалось, что эта жизнь настолько опротивела мне, настолько я ненавидел каждый день, что готов был покончить со всем раз и навсегда. Настроение мое менялось, так как были дни и хорошие, и плохие, ночью мне хотелось умереть, а днем я искал и выискивал повод для жизни, пытаюсь уговорить себя пожить еще немного. Тебя, верно, удивляет это, но многие через это проходят. В один миг можно потерять вкус жизни, ослепнуть и видеть лишь серость и мрак, оглохнуть и слышать только плохое и думать о плохом. Все в тебе вдруг разом умирает, все дает сбой, пока в один прекрасный момент тебе не надоест это терпеть. Изо дня в день я убивал людей за деньги, которые нисколько не могли мне помочь, я даровал людям то, о чем сам грезил по ночам, мне хотелось

уснуть, уснуть навсегда, безболезненно и мягко, ты можешь себе такое представить Милли?

Фабио было больно, он не понимал в последнее время самого себя, ведь перемены порой наступают сами по себе и только со временем свыкаешься с этим. Он вовсе не хотел рассказывать Милене об этом, но в какой-то момент он и забыл с кем говорит и только сейчас опомнился и утешился тем, что не сказал ничего лишнего.

– Милли, дорогая, я не хотел говорить тебе этого, прости если я был слишком резок с тобой, просто иногда я забываю, что судьба всегда бьет из-под тяжка и только вместе мы сможем все преодолеть, ты ведь не обижаешься? Господи мне так жаль, что я...

– Не переживай пап, это я начала...

Фабио встал и обнял ее, ей тоже пришлось встать, у Фабио словно камень лежал на душе и может Милена его и простила, но сам себя он еще долго будет корить за это.

– Я ведь только сегодня думал, что мы с тобой не такие как все родители с детьми, никогда не ругаемся и находим общий язык. – Улыбнулся Фабио, когда они вновь присели на свои кровати.

– Мы с тобой и не ругались, все хорошо.

– Верно, верно.

Вечером Милена, к удивлению, Фабио, легла спать пораньше, в то время как ее отцу все не спалось. Фабио решил выйти на улицу дабы унять бессонницу.

Ветер был нежным и ласковым в этот вечер, автомобили подобно ветру плавно перемещались по асфальту и город погружался в едва нарушаемую тишину, которую, казалось, никто не хотел прерывать. Фабио шел по улицам и размышлял о сегодняшнем дне и Сергее, который вполне мог решиться на отчаянный и необдуманый шаг впоследствии лишив себя жизни. Сергею никогда не понять сколь много он значил для Фабио и Милены, его внезапное исчезновение было огромным ударом как для него, так и для его друзей.

Фабио проходил мимо баров и клубов, в которых играла музыка и вопили девицы, пытающиеся сверх всякой меры как следует покутить. Мир не стоит на месте и бедные людские души скитаются в пьянстве после тяжелой работы, после жизни, которую так тщетно стараются поскорее прожить, а лучше ли видеть и знать, а не пьянствовать, когда так много в мире пороков? Когда так ясно преобладает тьма над светом, когда ночь так темна от темных сердец? Фабио хотел бы сейчас забыть обо всем и напиться так же, как и молодежь, но было некогда, да и к тому же не его это путь что проистекает из празднества и легкомыслия. Фабио многое ведал и знал, что в таком образе жизни есть свои преимущества, в которых безусловно таятся маленькие опухоли скрываемого отчаяния. Люди стремятся забыть и особенно молодые, в детстве питавшие мечты и надежды разрушенные хладнокровным миром и растоптанные бесчувственными сердцами, так и познает молодежь взросление в котором не видит ничего

светлого кроме тьмы, так люди познают жизнь от которой их воротит, так и знакомится человек с алкоголем что греет иногда душу и освобождает от всех оков в которые люди и общество обычно заточают молодых, новоиспеченных граждан и личностей.

Прекрасные деревья прелестно покачивались на ветру, все в этот вечер казалось безмятежным, а умиротворение вдруг набросилась на Фабио который от непривычки, даже не сознавал что же это на него нашло. Словно судьба взамен его утрате решила дать ему вкусить покой на время, дабы тот не унывал и продолжал свое дело, чтобы не отчаивался и не упрекал судьбу за то коварство коим она награждает его. Фабио все шел мимо магазинов и сувенирных лавок, он совсем уже забыл, где он находится, а также шел мимо пьяниц, вышедших из бара которые встали в кружок и над чем-то посмеивались, иногда поглядывая по сторонам в поисках знакомых лиц, приглядываясь и щурясь из далека. Фабио дошел до Невы и был удивлен тем, что сумел найти дорогу к столь прекрасному виду на дворцовый мост, который от своей извечной важности никогда не разводился вовремя. Фабио наблюдал за ночным городом стоя у Невы и размышляя о многом потерянном и приобретенном, о друзьях и врагах своих.

Позже Фабио направился в сторону отеля прислушиваясь к своим отдающему гулом шагам на безлюдной улице, пребывая в полусонном расположении духа Фабио следил за своей тенью что сначала была спереди, потом равнялась с

ним и наконец уходила назад после чего все начиналась заново. Вдруг Фабио услышал шаги позади себя, но не придал им значения, пока в один момент кто-то не шаркнул подошвой об асфальт. Этот звук сразу же отдался воспоминанием в голове Фабио тогда он обернулся едва заметно и увидел за собой хвост, состоящий из троих человек, которые были одеты в точности так же, как люди, убившие Наставника.

Фабио почувствовал ярость и гнев что обдал его, даровав ту силу, которую не могли дать другие чувства. Он глубоко вздохнул, полагая что они могли бесцеремонно убить его со спины пока он шел и дело с концом, но видно те собирались разузнать о том, что они замышляют, к тому же гораздо выгоднее поймать всех сразу нежели довольствоваться одним лишь стариком.

Оставалось еще немного до отеля. Фабио хотел нырнуть в машину чтобы достать оружие, он волновался лишь за Милену, ведь могло быть и так что она уже в их руках. Он глубоко дышал, понимая, что придется дать бой, по крайней мере этим троим, но они не приближались, по всей вероятности сохраняли дистанцию, возможно они и не догадывались о том, что Фабио их заметил, значит хотели выведать, где он остановился, но дадут ли ему возможность нырнуть автомобиль?

Шаги тяжелели с каждым разом, Фабио ничуть не волновался, по крайней мере он уверял себя в этом. Оставалось всего ничего до машины, он уже шупал в кармане ключи от

дверцы, главное сосредоточиться и не губить себя мыслями, еще немного и машина будет рядом, еще чуть-чуть, остался один квартал. Но нет! Фабио услышал, как сзади него три пары ног с невероятным рвением бросились за ним в погоню точно гиены что силились нагнать и обезоружить льва.

Отягощенный раздумьями Фабио ринулся бегом от преследователей таким образом лев заманивает гиен в ловушку. Чувствуя прилив мгновенного укола воспрянувшей силы, Фабио бежал так словно его не стесняли года и не ложилось бременем недавнее долгосрочное заточение. Проблемы отодвинулись в сторону перед надвигающейся бурей. Послышались выстрелы, которые не достигли цели из-за непрерывного бега, Фабио овладевало неистовое желание расстрелять столь опрятных и вежливых преследователей что не удосужились должным образом закончить дело одним лишь выстрелом в спину.

Тем временем Фабио уже видел автомобиль и в какие-то пять шагов преодолел всю дистанцию до него. Незамедлительно Фабио вынул ключи и одним резким движением засунул ключ в отверстие и после этого он чересчур усердно повернул ключ в замке отчего всего на мгновение ему показалось будто ключ разделился пополам, но не теряя более ни минуты Фабио открыл дверь отодвигая всякие сомнения в сторону.

Он нырнул в автомобиль захлопнув дверцу и оглянулся назад, дабы увидеть насколько близко подобрались трое

нерадивых противника, но не увидел их. Он пересел на пассажирское кресло и вытащил один из двух серебряных пистолетов что обжег его своей ледяной поверхностью, но спустя мгновение Фабио привык к пистолету, как давно не игравший пианист вдруг начинает чувствовать каждую клавишу и спустя немыслимое время награждает пространство музыкой, которая становится невероятным блаженством для слушателей, собственно, как и для самого пианиста.

Фабио осторожно вышел из автомобиля достав второй пистолет и пару обойм в придачу, он слышал каждый шорох, ничто не укрывалось от него, он знал и видел все что было в поле его зрения, поэтому прекрасно понимал, что бывшие преследователи скрылись за автомобилями. Послышался звук трения подошвы и этот же самый звук и выдал высунувшегося противника, рука Фабио, словно змея, убивающая зайца, выстрелила прямо ему в голову. Неожиданно Фабио испугался самого себя, его окатило страхом от того, как безупречно выстрелила рука, когда глаз наметил высунувшуюся голову пуля раскроила тому лоб, и он с шумом упал, извергая невнятные звуки. Фабио выставил вперед пистолеты, которые отсвечивали свет фонарей при малейшем движении. В этот злосчастный момент за него работали те самые инстинкты, которые спустя столько лет, безукоризненно выполняли свою работу, этот профессионализм и чутье даже в старости тщилося взять над ним весь контроль.

Послышалось как двое оставшихся замыслили бежать с

поля боя соображая, что вдвоем они тем более не смогут ничего сделать, Фабио пришлось выстрелить им в спину иначе они выдали бы его местоположение. Как ни странно, но улица была абсолютно безлюдна, ни одна душа не решилась идти туда, где веяло смертью что лишь облегчило задачу для Фабио. Подойдя к одному из беглецов, он заметил, что тот все еще похрипывал продолжая дышать, хватаясь всеми силами за жизнь, которая все же утекала как песок сквозь пальцы. Фабио нагнулся и шепнул ему на ухо:

– Скажи, когда и где проведет следующее заседание Совет? Скажи мне в какое время они являются туда, иначе это будет продолжаться вечно, я не хочу больше убивать. Твои напарники и друзья останутся в живых и вернутся к своим семьям. Не будет больше убийств. Скажи мне, где, и все это раз и навсегда закончится! Хватит уже убивать друг друга, хватит бороться ни за что, слышишь?!

Тот хрипел и, кажется, испускал дух, но потом Фабио нагнулся поближе и услышал то, что тот пытался ему сказать.

– Через час... В здании... В библиотеке...

– В Российской национальной библиотеке?

Он утвердительно кивнул.

– Как тебя зовут?

– Филип...

– Твое имя не будет забыто Филип. – Кажется, после этих слов Филип перестал дышать и покинул сей бранный мир, даже не представляя, какую услугу он сделал для Фабио и

остальных киллеров, а также для тех, что потеряли надежду и боялись погибнуть под тяжестью правосудия Совета.

Фабио подошел к тому, кто первым высунулся из-под машин и снял с него одежду, дальше он двинулся к отелю, который находился совсем близко, необходимо было как-то ограбить Милену, ее нужно отвезти куда-нибудь лишь бы она была в безопасности. Сейчас или никогда следует нанести решительный удар, пора кончать с Советом, пора проделать себе путь в мирное беззаботное будущее, которое так необходимо Милене и Фабио. Пора скинуть с себя прошлое, что не дает спать спокойно, пора отомстить за все беды, что учинил Совет и отдать должное за тяжкие дни и ночи в тюрьме, за слезы и боль Милены, за то, что свели окончательно с ума Сергея.

Где же он теперь, когда так нужен? Где же Сергей с его потаенной мстью, с его злобой и отмщением за Наставника?

Глава 15.

Отель спал, как и спали его постояльцы, один Фабио находился в возбуждении, которое тяготило его. Впервые ему удалось так близко подобраться к Совету узнав о времени и месте их дальнейшего пребывания, но было то, что не давало ему никакого покоя и вновь нависло над ним жало выбора, которое своим острием силилось вцепиться ему в горло.

Никогда еще Фабио не находился в столь затруднительном положении, когда казалось все сложилось именно так как и должно было, собственно сложившееся и терзало теперь его как нельзя болезненно. Вставал очередной выбор, который имел свои последствия, наступал решающий момент, который мог погубить не только его, но и остальных стремящихся к сопротивлению. Фабио рисковал потерять самое дорогое в своей жизни и именно это подвергало все болезненному сомнению, именно это изничтожало все планы.

Фабио зашел в номер и включил свет что своей внезапной яркостью разбудил Милену и проснувшись она обратила внимание на отца, который стоял перед ней придерживая в руках форму, запятнанную кровью. Милена вглядывалась пристальнее обычного, и та минута что способствовала развитию мыслей и предположений была чрезвычайным волнением для обоих. Фабио пытался скрыть в лице свое беспокойство, Милена видела его насквозь, но к счастью своему

или нет, неправильно истолковала увиденное.

– Что-то случилось? – Спросила Милена сонным голосом.

Фабио не знал, что ей на это ответить и потому промолчал.

– Ты что-то узнал о Сергее? – Она сделалась печальной от своей догадки. Фабио понял ход ее мыслей и приободрился, но не мог решиться заговорить, волнуясь за то, что выдаст себя. Он не знал сказать ли Милене всю правду или соврать, как не знал брать ли ее с собой или оставить. Если бы с ним был Сергей он бы остался с ней и защитил бы ее, но его здесь не было.

Фабио открыл было рот, чтобы возразить, но сдержался, подошел и сел на кровать, одолеваемый тяжелой ношей гнетущего выбора.

Никогда еще у него не было столь выигрышного положения, которое подвернулось до невозможности удачно. Тем не менее оставалось нечто нерешенное и обременяющее Фабио, и как бы там ни было он не мог рисковать собственной дочерью ради немислимой цели. Он почувствовал усталость в руках и ногах – то были последствия недавнего отпора. Бывает минута, когда все вещи кажутся несущественными и тленными перед взором усталости, что с возрастом становится неустанным спутником каждого человека близкого к преклонному возрасту.

Фабио требовалось отбросить всю набросившуюся на него

ношу, будь то усталость или бред, изнеможение или близящаяся гибель, ибо разворачивающийся момент становился роковым как своим исходом, так и своими последствиями. Безусловно для Фабио стояла прежде всего его дочь и нужно было уберечь ее любой ценой, на другой чаше весов находился Совет, который необходимо уничтожить при первой же благоприятной возможности. Так и столкнулись две наиважнейшие для него цели, затмевавшие друг друга, способные свести с ума и повергнуть в уныние даже самого отчаянного мудреца.

«Почему же судьба заставляет выбирать нас, людей, свойственных ошибаться? Я смотрю в лицо самому дорогому мне человеку и понимаю, что от моего выбора зависит ее жизнь, как и моя тоже, как хотелось бы мне обратиться в пепел и не появляться на свет. Разве наша жертва будет напрасной? Даже если нас и убьют, мы проложим путь другим, спасем других, нет! Не хочу я выбирать меж этим! Моя Милли будет счастлива, плевать мне на всех и вся, я пойду один, я должен сам справиться со всем этим, я виновник, я тот, из-за кого она страдает ночью и если со мною что-либо случится, то это будет лишь наказанием свыше за то, что я не смог должным образом защитить ее. Я поеду туда и закончу начатое. Я положу конец всему!» – Думал Фабио.

– Ты так выросла Милли... – Только и мог выдавить из себя Фабио. Милена ужаснулась при мысли о том, какими будут его следующие слова. – Мне жаль, что наша прошлая

беседа выдалась такой... Далекой от того, какие они обычно бывают. Я не хочу, чтобы с тобой что-либо случилось, ты это знаешь... Эта форма одного из людей Совета, я убил его и снял с него форму так как знаю сейчас, где будет Совет и я поеду туда, а ты должна разыскать Дмитрия, ты знаешь где он живет, вы должны сразу же приехать ко мне, и я не знаю, что будет ожидать меня там Милли, но я надеюсь, что со мной все будет хорошо, ты будешь в безопасности и это самое главное для меня. Послушай Милли, может меня убьют или мы проиграем в этом противостоянии, в этой невысказанной борьбе за свободу, но все же, мы знаем на что идем, иначе давно убежали бы куда подальше, мне плевать, что там будет я буду ждать вас, буду ждать до последнего и если все-таки что-то произойдет, не переживай за меня... Я иду на это только ради тебя моя дорогая...

– Но ты не можешь поехать туда один! – Перебила его Милена не своим голосом.

– Мне придется, иначе я могу не успеть, я не стану убивать их, но, если обстоятельства вынудят убью и все будет кончено. Послушай Милли, не переживай за то, что может произойти, я знаю, знаю, что сегодня все закончится, знаю, что все к чему мы так долго шли наконец будет исполнено, не печалься прошу тебя, все будет хорошо.

– Как же ты не понимаешь папа! Ты будешь один! Ты будешь для них как мишень на стрельбище! Давай я поеду с тобой, прошу, не иди туда в одиночку! – Милена почувство-

вала на своих щеках тяжелые слезы, оттого что приходило ей на ум и пугало ее. Милена не могла позволить отцу пойти туда в одиночку так как знала, что это невыносимо, глупо, противоречиво! – Что, если я останусь совсем одна, папа? Я не могу тебя потерять... – Зарыдала Милена.

Душераздирающе было для Фабио смотреть как плачет Милена, он словно бы всего на мгновение вернулся обратно в тюрьму, где видел, как страдания выдавливают из нее слезы и что может быть больше чем слезы дочери для отца? Разве Фабио предполагал, что все так выйдет? Он хотел чтобы у него отсохли руки за те слезы которые она пролила из-за него. Этот душераздирающий плач возносил его душу на небеса чтобы потом опрокинуть обратно на землю с невыносимой высоты, разбив его душу вдребезги на мелкие кусочки и возможно именно из-за этого голова у Фабио потяжелела, и он почувствовал, как из носа заструилась кровь, которая капала ему на бедро. Он тут же приложил руку к носу и задержал голову. Милена смотрела на него с изумлением. Фабио встал и пошел в ванну говоря:

– Когда ты плачешь то даже не представляешь на какую муку подвергаешь мою душу Милли. – Он умылся и взял рулон бумаги чтобы приложить его к носу после этого он вышел из ванной и сел на кровать одолеваемый мыслями и непредсказуемостью положения.

Фабио выкинул рулон бумаги, необходимость в котором отпала. Голова его кружилась от давления, но он и не подавал

виду. Ему захотелось уснуть и позабыть обо всем. Он мог закричать или вытянуть из себя слезу, дабы боль оставила его и нашла иной выход для той энергии, что вынуждала его испытывать столь коварное головокружение, но давление это было небеспричинным, не каждый способен держать себя в руках, когда мир бесповоротно рушится. Всегда легко идти на риск, когда тебе нечего терять, когда нет человека, без которого ты не будешь считать себя неполноценным, многие называют таких людей слабыми, но слаб тот, кто пытается в одиночку жить на земле, где в одиночку не выжить.

– Я поеду с тобой, я не отпущу тебя туда одного! Что если я не смогу найти Дмитрия, неужели ты хочешь остановить меня одну, как когда-то меня оставили раньше? Бросить меня здесь в этом холодном и беспечном мире без отцовской поддержки? Что, если с тобой что-то произойдет? Разве смогу я найти себе место в мире без тебя?

Фабио было крайне тяжело противостоять дочери, эти слова переворачивали его душу с ног наголову, для него каждое ее слово было сокрушающим и веским, и она могла внушить ему все что угодно поскольку он всегда прислушивался к Милене с особым вниманием.

– Милли, я не могу рисковать тобой... Не надо прошу тебя пытаться меня разубедить, время идет, а его безумно мало. Пойми, что все это только ради тебя и твоего будущего. Я готов умереть, но вовсе не говорю, что умру сегодня, и никто не смеет говорить наверняка. Я устал Милли, устал так жить

и так страдать из-за этого, все произошло по моей вине и поэтому я беру на себя самую главную роль ведь для стольких смертей я был причиной... И столько несчастья затронуло других из-за меня, достоин ли я быть сейчас в живых, и стоит ли моя жизнь хотя бы грош? Я здесь лишь для тебя и благодаря тебе я помогу другим, я должен искупить вину и сделать все что в моих силах чтобы осуществить это.

– Ты просто берешь на себя слишком много, ведь ты не сделал столько зла... Сколько полагаешь, как ты можешь думать о себе так плохо? Ведь ты не плохой... Пап ты никогда не был плохим и не будешь... Пожалуйста послушай меня.

– Я не могу! Что же нам тогда останется, бежать? Нам некуда бежать Милли. Если мы не нападём сегодня, то они застанут нас врасплох завтра, нас так легко найти что окажется удивительным то, что мы все еще живы. Я не хочу потерять тебя Милли... Не хочу рисковать тобой и видеть, как тебе больно, не хочу больше чего-то ждать. Пусть в меня стреляют и убивают раз за разом, пусть открывают мне пальцы по одному, пусть сжигают дотла мое жилище и докучают даже во снах, но никто не посмеет угрожать моей семье, моей дочери, моему богатству, ведь ты мое богатство, я посвятил эти годы тебе, я отдал свою жизнь в твои руки и больше не смею думать ни о чем, что не связано с тобой, я стена которая защитит тебя от пуль, я готов пройти сквозь огонь и воду, ведь я продал тебе свою душу и хочу только благополучия для тебя, я не усну мирным сном пока тебе

угрожает опасность и мой долг сейчас прежде всего поехать туда и завершить то, что давно нужно было закончить.

Фабио не ожидал от себя озвученных слов и то, что сказал Фабио было и есть той правдой, что находилась всегда в его сердце. Слова эти были выражены всей его душой и поэтому они достигли души Милены. Так горестна и так чиста была эта правда, облаченная в слова не столь уж грамотные, но хорошо подобранные, что вдохновили бы и мертвеца на жизнь, а утопленника заставили бы вынырнуть обратно со дна морского. Этот водоворот событий, заставил их признаться в том, что так тяжело лежало на сердце, хоть и говорил один лишь только Фабио и возможно это последнее что он мог ей сказать, ведь ни ему, ни ей не было известно, чего ожидать в дальнейшем и на что надеется. Не оставалось ничего иного кроме как быть честным с самим собой и своей дочерью.

Глава 16.

Фабио обнял Милену и в очередной раз выразил ей свою любовь. Он сказал ей что будет ждать их на месте и сделает все от него зависящее. Милена приняла на себя это бремя разлуки и проглотила эту таблетку, которая, казалось, ни капли не помогала против злосчастной напасти ее воображения, и того, что представало в ее уме. Она молилась про себя, и просила, чтобы все было хорошо, она умоляла и надеялась на свершение этой просьбы, казалось, она готова была умереть, боясь предвидеть что-либо из того, что так рьяно захватывало ее внимание, что может быть больнее той действительности которую можно было избежать, но увы не хватило смелости для этого? Больно предвидеть беду, а потом к тому же пожинать ее наяву, делая себе лишь вдвойне больнее.

Фабио посадил Милену в такси и еще до того, как тронуться с места она смотрела на отца через окошко пытаясь разглядеть и тщетно понять то, что помогло бы ей справиться с разлукой и как бы велико ни было ее желание все предотвратить увы ничего нельзя было сделать и от этого-то Милена чувствовала себя беспомощнее чем раньше. Ничто не могло причинить ей столько боли сколько сама мысль о том, что сегодня она может потерять отца и предвидя это она все равно шла на несправедливую сделку с судьбой оставляя Фабио одного на пути, который может и не вернет его обратно.

Фабио остался один на пустынной улице и наступила тишина что пугала своим невероятным, необузданным безмолвием. Улица омертвела и лишь Фабио оставался жив, его оживляла идея и цель за которую он готов был погибнуть, но каждый ли способен жертвовать всем ради своей цели, сможет ли каждый рухнуть под сводом жизни ради того что ему дороже всего, сможет ли выстоять тот кто карабкается по стене жизни что ежеминутно обрушивается и уносит за собой всякого движущегося по ней, станет ли мертвец бороться за право жить если жить ему незачем? Сколь ни была та боль что ожидает, сколь ни была мучительна прошлая боль это нисколько не пугает человека, в котором горит огонь жизни. Слепленные стада не станут бороться с оковами, в которых они пребывают, лишь те, кому есть за что бороться будут идти до конца, лишь опьяненные страшной судьбою не опустят головы своей пока не достигнут той высоты взобраться на которую не по силам решительно никому, именно такова человеческая сила и таков Фабио который принял роковое решение.

Фабио открыл дверь автомобиля и рухнул с тяжестью в машину – так возвещает о себе то волнение, которое вскоре встанет на сторону своего владельца. Фабио включил свет фар и завел мотор, оставалось только одно – начать движение, и когда транспортное средство сдвинется с места ничего уже нельзя будет изменить.

По пути на Фабио невольно нахлынули не самые прият-

ные воспоминания, которые становились значительным стимулом и подавали масла в тот огонь гнева и отмщения, который не позволил бы ему развернуться назад и передумать. Воздух накалился и Фабио приоткрыл еще одно окошко чувствую немислимые эмоции. Его брала дрожь, и он ощущал себя космонавтом, летящим за пределы земного шара. Наступило то самое время, когда нужно было готовиться к бою, когда произвольно или нет настраиваешь себя и подытоживаешь то, к чему ты в конце концов стремишься, что готов отдать и какую цену заплатить за то, чтобы в итоге выполнить свою задачу. Когда вспоминаешь ради кого был проделан весь этот путь, когда в голове разворачивается немислимая борьба чувств за право преобладания, когда энергия в теле колыхается точно волны на берегу моря, а хватка руки может ослабеть и в то же время сжать все что угодно с неутолимой силой. Слух обостряется, а видимое расширяется, неужто волнение является тому причиной?

Зеленый свет светофора давал Фабио возможность разогнаться, и он делал это непринужденно иногда даже не задумываясь, тот зеленый свет светофора что по-особенному сверкал в туманном темном городке, кажется, сиял не столько для остальных людей сколько для Фабио, быть может то был знак, который указывал на правильный путь или же это была всего лишь вводящая в заблуждение невинность, которую неправильно истолковали.

Фабио слышал выстрелы в своей голове, от самого перво-

го до того который только предстояло сделать. В памяти оживали фигуры, в то время как в жилах оживала кровь, жаждущая мщения. Он думал о том скольким было пожертвовано и скольким еще придется пожертвовать. Он думал сколько же людей пало от его руки и стоили ли деньги той крови, которую он пролил ради них? Стоила ли его жизнь того, чтобы прожить ее сызнова?

Фабио был судьей и палачом для самого себя и избирая путь, которым он следовал, он пытался стереть все злодеяния, которые совершил, но мысль о поражении не оставляла его, мысль о смерти же не давала покоя. Фабио хотел искупить вину и желание это было настолько велико что тело его немело от исступления, от неудержимого колебания рассудка с телом, но затем Милена возникала перед его взором и вспоминался Сергей, без которого невозможно было действовать и они усмиряли этот прилив незримого буйства. Фабио знал на что идет и смотрел на свой отчаянный шаг как преступник смотрит на гильотину. Перед глазами неизменно возникали люди что возбуждали в нем чувства любви и дружбы, Фабио хотелось бы увидеть вживую каждого из тех людей что приходили ему на ум. Он сходил с ума и вел автомобиль будучи опьяненным своими желаниями, но трезвость иногда возвращала его к жизни и обращала его ярость в страх который подобно огню возникал в его сердце, огонь этот мог разрастись в неудержимый пламень, беспрестанный поток которого силится поглотить все живое что осталось в

человеческом духе.

Часть 3.

Глава 1.

Сергей, подталкиваемый своей никчемностью, наконец уговаривает себя на отчаянный шаг, дабы больше не вставать на пути Фабио и Милены как лишней и обременительный груз. Сергея повсеместно мучала нерешительность и единственный выход складывался в бегство от проблем, друзей и семьи что приютила, заботилась и тревожилась за него. Он не знал иного выхода кроме как покончить с жизнью раз и навсегда, и оставить позади себя то бедствие что называется бытием.

Таким образом Сергей собрал все вещи, которые имел. Для многих те или иные предметы представляют особую ценность пред своим владельцем, так люди привязываются к неодушевленному, но важному в их жизнях, у Сергея не было ничего такого что могло бы хоть как-то разжалобить его и накинуть покров воспоминаний ему на голову, так он отдалился от предметов связывающих людей с теми воспоминаниями и чувствами которых порой более всего не достает.

В одно мгновение вопрос встал ребром для Сергея, в то время как алкоголь не сумел спасти его от ответа, однажды нам приходится отвечать перед собой даже если это проис-

ходит не сознательно и обычно ответ служит дальнейшему несчастью и разочарованию в жизни. И когда наступает время заключительного вопроса тогда-то и решается судьба, которая полноправно выводит нас из созданных нами проблем или же убивает нас втоптывая в землю пока наконец не уничтожит до основания все то, что некогда было приспособлено к борьбе, так нашему духу становится тошно от нас и силы немедленно гаснут сводясь только к последнему рывку который либо выведет человека из ямы либо навек закопает его туда.

Сергей пришел к выводу что не может больше противостоять ни себе ни другим, у него было достаточно времени чтобы обдумать все до последней мелочи. В первую очередь он не хотел быть лишним грузом для Фабио и только поэтому он ушел, но вскоре последовала вспомогательная мысль, которая и свела на нет всю его жизнь выявив ее перед ним как вещь изжившую себя и тяготившую остальных – сделать сей вывод довольно просто но формируется и берет свои истоки он куда глубже чем кажется на первый взгляд, так же как и корни деревьев мысль стремится и углубляется вниз достигая самых потаенных мест человека. В частности, такая маленькая деталь как мысль сформированная и выведенная в нужную минуту способна обратить вспять чью-то жизнь или даже убить.

Бежать всегда легче, чем бороться, а убивать себя легче чем жить, но никогда не знаешь, как все в итоге сложится,

эта война что мы ведем сами с собой, порой обыгрывает нас, одолевая и орудуя одной рукой, в то время как мы бьемся всеми двумя. Нас опрокидывают, и нам хочется кричать, крик затаивается где-то внутри, в самом сердце, дабы потом превратиться в горькие слезы отчаяния и безнадежности, а слабость, о которой ранее не могло быть и речи вдруг оказывается сильнее той силы что некогда превосходила ее.

Полная безысходность бьет с невероятной силой именно туда, где меньше всего ожидаешь, она приказывает нам и заставляет внимать ее зову. Никогда еще безысходность не была столь беспощадна как сейчас, она словно наглая старуха, что все время копошится рядом и нашептывает невесть что. Со временем дышать становится тяжелее как во сне, да именно так, и ты не видишь выхода из этого сна, пытаешься карабкаться в гору, выбраться из лабиринта, ощупываешь каждый предмет дабы убедиться в его действительности, задыхаясь и спохватываясь ты спасаешься бегством, тогда и приходит мысль что это сон, и чтобы проснуться нужно умереть.

И как коварна эта мысль! Что многих погубила собой, забрала с собой в мир, где не светит солнце, буря что охватила море, внушила ее гостям что она никогда не закончится и гости ее не в силах больше терпеть ненастье и беспощадную муку совсем не дождавшись каких-то пару мгновений, поверив и вняв зову безвыходности решились на отчаянный шаг, потонув в этом же море, которое могло спасти их, но в

итоге поглотило тех, кто так рьяно поверил в ее сказки, кто потерял надежду на всякое чудо, кто перестал верить своему собственному сердцу, шагая навстречу неведомому зову, который одурачил их, оставив ни с чем, и как опасен этот зов, и то к чему он нас порой призывает!

Так Сергей и оказался на одном из мостов прекрасного ночного Петербурга одолеваемый сомнениями, укусами собственных мыслей и укоров беспощадной совести. Стояла ночь, люди скрылись в домах от ветра и непогоды, от врагов и завистников. Луна светила ярко, Сергей опирался об перила моста и смотрел на речку, в которой отражалась движущаяся и ширящаяся луна. Послышались чьи-то шаги, что вскоре исчезли. Слова, которые нельзя было разобрать, раздавались из окон, где горел свет. Вероятно, кто-то решил выяснить отношения прямо в эту едкую минуту. Слова высились в тоне, а после тем же стремительным темпом понижались – то был спор вызванный агрессией дабы лишь усугубить расшатанное положение между двумя людьми. Внезапно спор прекратился так же резко, как и начался.

Тишина настала мгновенно, но тишины не было в голове Сергея, сейчас внутри него велась борьба, которая решала всю дальнейшую его судьбу. Он мог прыгнуть и поставить точку утонув в отражении луны, топя в темной речке на веки вечные все мысли и терзания души. Он пытался наконец понять, что является причиной несчастья, ведь перед столь отчаянным шагом следует прокрутить все воспоминания, убе-

диться в их весе и в очередной раз разувериться в себе.

«Воспоминания... – думал Сергей, – что же есть воспоминания? Отчаянные мысли преступника, или же благие мемуары того, кто считает себя святым? Чертовы воспоминания, чертова жизнь, с ее прериями, невзгодами, дурными последствиями и безысходностью, что мать его так сильно вынуждает меня сделать то, о чем сожалеть я уже не буду. Дрянный зов судьбы, чертова жизнь, где мы теряем тех, кто нам так дорог, но в то же время не ценим тех, кто есть сейчас, на кой черт нам оно? Пустая трата времени, где от нас останется лишь надгробная плита, да две даты, одна хорошая, та, что спасла от мира сего, другая плохая, что ввела нас сюда, в обитель страданий, муки, лжи и бедствий, словно бы даты заключенных в это мир, тех, что отсидели в ней свой срок и были наконец освобождены. И как коварно подвергать нас этой пытке, как коварна жизнь, в которой знающий будет тонуть со своим знанием, а слепой к знаниям и понимаю мира будет счастлив, чертова гармония, тьфу! Невообразимая ложь, сон, который никогда не кончится, дьявольские ухищрения! Что это за боль, преследующая меня? Я спасся от смерти в тюрьме, хотя она была так близко, что дышала мне в спину холодным ветерком, я смотрел в дуло пистолета и почувствовал себя мертвым всего на мгновение, так я потерял все чему учил меня когда-то Наставник, как мог я предать его память, как мог я так опозорить его? Как можно ненавидеть себя и жить с собой же? Черт возьми!»

Сергей не выдержал и слезы покатались по его щекам. Слезы, накрывшие мраком его взор от улицы, в которой царил полумгла. Сергей ненавидел плакать, как ненавидел и себя, ибо то были слезы отчаяния, но чувства должны были вылиться из него. Слезы эти показались ему чем-то необычайно унижительным, точно он плакал у всех на виду, и все смотрели на него показывая пальцем. Он вытер слезы и продолжил смотреть на луну, которая отражалась в реке. На тот белый глаз, что взирал на него, не моргая понимающим и сочувствующим взглядом, который был так необходим Сергею в этот час.

В этот горестный момент Сергей потерял бдительность и совсем не заметил фигуру что расположилась позади него. Некто вытащил нож и приставил его к горлу Сергея, все произошло до того тихо и неожиданно что, казалось, словно бы противник вырос из-под земли. Сергей отдал ему должное расхваливая такие методы нападения в своих мыслях, но после секундного удивления, он пришел в себя и теперь стоял неизменно на мосту ожидая реплики того, кто так искусно сумел к нему подобраться.

– Если жизнь дорога, скажи мне, где твои друзья? – Прошипел тот, что был сзади.

– Какие к черту друзья? Я здесь чтобы покончить с собой, думаю у тебя хватит ума понять, что у таких людей не бывает друзей.

– Не заставляй меня убивать тебя, говори, где они! – По-

высив тон, сказал он Сергею.

– Черта с два я тебе что-либо скажу, чертов ты тунеядец!

Сергей вышел из себя и схватил именно ту руку противника, в которой находился нож и одним резким движением перекинул его через мост прямо в речку, после чего Сергей в порыве ярости едва не прыгнул следом за ним, но быстро одумался и остановился. Тот в свою очередь немедленно вынырнул из речки и взметнул свой пугливый овечий взор на Сергея, который высился на мосту и готов был поддаться гневу и броситься вслед за обидчиком. В порыве безудержного страха тот силился уплыть вдоль реки лишь бы отделаться от Сергея.

– Проваливай, мать твою куда хочешь, взял и испортил мне весь настрой! Как мне черт возьми теперь кидаться с моста? Будь ты проклят, я убью тебя, ну ладно хватит с тебя и того, что ты искупался. Я съем твою дешевую душу, да боюсь поперхнуться от твоего глупого существа, жалкий ты тип, смерть мне не страшна, я жаждал ее, но и она не смогла должным образом сцапать меня. Жалкая попытка смерти надоумить безумца. Куда же ты поплыл голубчик!? Далеко не уплывешь, а если вынырнешь я сожру тебя с потрохами, жалкий ты человек! Черт побери нельзя даже уединиться на один миг дабы покончить с жизнью! Где твой нож? Брось его сюда, я сам перережу себе глотку, раз тебе не хватило смелости, гадкий ты утенок, кто же учил тебя плавать?

Минутное горе и отчаянный крик стремглав покинули

Сергея, осталась лишь потеха над малым что пытался уплыть от него, в то время как плыть было некуда. Все в один миг провалилось, весь огонь переживаний, воспоминаний и проблем разом угас и остался один только пепел. Чувства порой водят нас за нос, заставляют делать то, что кажется неразумным, то же думал Сергей и лишь плюнул в речку пожалев своего противника, так как тот выглядел жалко. Сергей двинулся дальше, вызвав недоумение у плавающего и изнемогающего в холодной воде неприятеля.

Все отошло на задний план, алкоголь вдруг невовремя выветрился из головы, забрав с собой всю решительность и смелость, вот и настал момент трезвости ума, где нужно думать, а не действовать, где предстоит иметь дело с самим собой и со своим прошлым, от которого так хочется избавиться.

Все же на смену опьянению пришло некоторое недоумение, которое возникает до того, как алкоголь сумеет выветриться из головы окончательно и все последующие действия Сергея были как в тумане. Ему захотелось спать, и он стал возвращаться обратно, но вдруг осознал, что ему нет обратного пути.

Сергей решил наведаться в ближайший отель и выспаться. Ему было все равно где спать, лишь бы избавиться от того чувства, из-за которого не приходила ни трезвость, ни правильная мысль и то состояние в большей мере давило и мучило его нежели опьянение.

– Что за дивный мир, где после пьянства нужно еще

немного пострадать до отрезвления? На кой черт тогда пить если в итоге все равно станет еще хуже? Дерьмовый мир. – Произнес Сергей, то ли в своей голове, то ли вслух.

Люди появлялись из-за углов, и лукавые девушки поглядывали в его сторону.

– Странные особи, – оживился Сергей, – скорее всего ищущие плотских утех, жалкое зрелище, но каждый черт возьми по-своему теряется здесь, в этом жалком пристанище, да что это со мной? Заговорил как мать его поэт дурным слогом, все бы ничего, а мне даже нравится, так его! Чего смотрите девицы? Вы такие же пьяницы, как и я, черта с два если не так, а ведь я не говорю, что вам должно быть стыдно! Эту чушь вы и без меня знаете, но не смотрите мать вашу на меня с укором, я мертвец, но живой, видите чертов шрам? Его поставил мне мой друг, а недавно мне чуть не перерезали глотку. За что меня так все ненавидят, а? Молчите? Правильно, вы знаете только как обращаться в другом месте, в другое время, девицы ненаглядные, к черту все! Знакома ли вам любовь? Или сей плод для вас не известен? Ах вы бесчувственные твари! Дьявольские женщины, вот вы кто! Со-вратительницы мужских чресл, да ладно мне ли вас судить? Оставляю я вас, мне и самому худо, простите безумца, таким как я многое сходит с рук, прошу прощенья удаляюсь! Куда же я скатился и что бы сказал Наставник? Кажется, я предал его окончательно. Я был на грани самоубийства! Как же слепо я скитаюсь, чем лучше я этих несчастных девиц? Как

мог я оставить Милену, как мог я оставить Фабио? Сейчас они может и спят мирным сном, но что же будет завтра? Вернуться ли мне, бежать ли со всех ног обратно, тогда как путь проделан не малый? Черт я устал, мне нужен сон, завтра я отыщу их и буду надеяться, что они никуда не пропадут, что может случиться за такой короткий промежуток времени? Стыдно? Нет мне не стыдно! Я не знаю таких слов, но может да, если совсем немного, то и правда стыдно. Черт возьми, а ведь ранее не было такого! Ладно черт с ним, вот и отель, здесь переночую, хоть солнце уже собирается подниматься.

Сергей снял номер и не замечая ничего на своем пути, он проследовал в поисках своего номера в глубь коридора дабы скорее лечь спать после длительных размышлений, груза эмоций и тяжелого вечера. Казалось, что предаться сну накинувшись на кровать было единственно верным и правильным путем подобно тому, как еще совсем недавно Сергею чудилось что утонуть в речке является единственным выходом из сложившегося положения. Скитаясь по небольшому отелю, он не разобрался на каком этаже находится его номер и поэтому только после двух этажей он понял, что живет на третьем. Все как бы отдалялось, являлось в данный момент чем-то незначительным, мысли крутились в голове по кругу, одни и те же слова заполняли разум, одни и те же картинки атаковали его беспрестанно. Безобидные мысли, которые в одночасье могут оказаться решающими в самых ужасных постановлениях и выборах, могут зависеть не столько от нас

сколько от потока, движущего мыслью. Иногда мы кричим, а нас даже не слышат, иногда молчим и нас понимают как никогда ранее, иногда мы тоскуем и не можем больше жить, но живем дальше словно бы принуждены к жизни.

Преступая через сонливость и размышления, Сергей отомкнул дверь своего номера и вошел внутрь, предварительно повесив табличку: «не беспокоить». Множество мыслей проносилось у него в голове пока он снимал с себя обувь, а затем и остальную одежду следуя последовательности: снизу вверх. Он снял покрывало и улегся в постель распластавшись на ней как можно удобней. Единственное чего он не смог с себя снять были беспрестанные мысли, они донимали его до такой степени что глаза невольно раскрывались сами по себе. Пребывая в этом положении, Сергей накалялся как старая лампа готовая лопнуть в любую минуту. Не выдерживая более мучительного положения, Сергей вскочил с кровати и прошелся по комнате чувствуя непреодолимое желание лечь обратно. Дыхание его участилось от тянувшейся неопределенности. Он стоял между сном и явью именно это подтолкнуло его к мысли о медитации. Сергей уселся на кровать скрестив ноги под собой. Выполнив несколько осознанных вдохов и выдохов, темнота, заслоняющая все собою, то отдалялась, то приближалась, темнота наполняла разум, мысли вдруг исчезли из головы, как будто их смыли водой. «Вода» – вдруг произнес Сергей у себя в голове и это слово разразилось эхом как в пещере, повторяясь из раза в раз.

«Вода-да-да-да».

Сергей открыл глаза и чуть не провалился от испуга, он оказался в лодке посреди моря или океана и в голове у него начали возникать теории того, где он и что произошло. Он умер? Или уснул? Он не помнил, как сюда попал. Лодка зашаталась от его резкого толчка, ему пришлось взяться руками за обе ее стороны, как вдруг он увидел Наставника, сидящего напротив него в этой же маленькой узенькой лодочке. Наставник держал две удочки перед собой, и кажется, рыбачил.

Сергей заметил странную перемену в лице Наставника, а именно то, что он отрастил себе серебристую и густую бороду, глаза его по-прежнему были закрыты, но Сергей несколько не сомневался, что видит он гораздо больше остальных, даже с закрытыми глазами.

Наставник повернул голову в сторону Сергея, лицо его заражало спокойствием, но ничуть не выражало удивления. Сергей только сейчас заметил, что весь дрожит и дышит ртом, из которого струился, сгущаясь пар, растворяющийся в воздухе. Наставник словно ожидал чего-то. «Медитация» – пронеслось в голове Сергея, «Теперь я понял, но разве мог бы я, достигнуть такого уровня... Чтобы видеть людей умерших словно наяву?..»

– Хороший сегодня денек чтобы половить рыбу, не правда-ли? – Спросил Наставник.

– Я желал видеть вас Наставник, желал, как никогда, но

лишь увидев вас я понял, что не достоин этого.

– Не стоит быть таким жестоким по отношению к себе, за тебя это сделает мир, он всегда готов поглотить тебя, стоит только замешкаться на одном месте. Вот держи удочку, она для тебя.

Сергей взял удочку и на минуту поддался спокойствию, казалось, словно все действительно осталось позади, эта лодка, беспредельное море и компания, которую составлял Наставник, ловящий рыбу, могли с легкостью унять его в каком бы тяжелом состоянии он и его разум ни были. Все же то, что Наставник был рядом успокаивало Сергея не меньше, чем морская гладь и тишина, точно два мира в различном лице действовали по-разному, но одинаково лечили душу и состояние ума. Сергей глядел на поплавок, который преспокойно покачивался от едва заметного ветерка, море удивляло своим безмолвием, солнце светило именно так как хотелось бы, все здесь было идеальным, даже слишком для того, чтобы быть правдой. Сергей ощущал себя разбитым и не соответствующим этому миру, хоть и понимал, что он не настоящий.

– Вы у меня в голове? Или я каким-то образом покинул тело?

– Ты там, где должен быть и неважно, где мы находимся, главное – зачем.

– Мне было тяжело без вас, казалось, словно я остался совсем один и все двери в миг закрылись предо мной. Меня как

бы выкинули за борт прямо в море, понимаете? Вы столько времени были рядом, что я просто не мог себе представить, что в один момент вы покинете меня.

– Мой дорогой друг, не стоит цепляться за боль, но и противится ей нету смысла, она будет всегда, как было счастье и множество других прелестных чувств и состояний. Проходить через водопад этих чувств может быть неприятно, но вскоре ты поймешь, что стоять под водопадом гораздо опаснее чем проходить его. Все мы не вечны и это прекрасно жить и умирать. Выбирая иной раз путь, можно совершить ошибку, не всем дано в полной мере осознавать и видеть истинно правильный путь, но всем предстоит сделать выбор и неважно к чему этот выбор приведет ведь правильный выбор это выбор совершенный.

Лодка немного покачивалась на воде, Сергею было до невозможности приятно сидеть рядом с Наставником и слушать то, что он говорил. Любое его слово объясняло слишком многое для Сергея. Наставник мог молчать, мог говорить, но вы никогда не поймете Наставника неправильно, он всегда будет прав, но не потому, что так сильно мудр, а потому лишь, что мы сами того желаем. И это нисколько не обесценивает мудрость Наставника, долгие годы его учений и практик, долгая жизнь и преподавание другим сделало из него человека, знающего многое, его можно было бы назвать профессором жизни, или последней надеждой того, кто отчаялся, жаль что не у всех есть такой Наставник и многим

приходится проходить все свои трудности в одиночку.

– Морская гладь, как и наша жизнь подвластна и ненастьям в виде бури и такому состоянию как это. Все люди проходят через трудности и для каждого припасено свое. Я многому научил тебя за то время что пробыл там, жаль, что все эти трудности повлияли на тебя таким образом, ведь ты должен был становиться только сильнее с каждым разом, когда у тебя были все причины для отчаяния. Все же я не сержусь на тебя и не отчитываю, мне неизвестно через что ты прошел, я знаю лишь то, что ты находишься в плачевном положении, иногда это видно даже издали, стоит только приглядеться. Я бы не хотел, чтобы ты делал поспешных выводов из того, что получил на свою долю, все же отовсюду существует выход, не стоит пренебрегать своей мудростью, когда она заложена в тебе и не стоит отчаиваться раньше времени. Трудности будут всегда, однако они не вечны, как и все на земле. Мудрец никогда не назовет жизнь скучной и трудной, глупец же напротив, будет клясться в обратном, так кто же прав?

Сергею на ум не приходил ответ на этот вопрос, он смотрел на горизонт обдумывая каждое услышанное слово, он вспоминал то, что тревожило его в последнее время и думал что глупо было так переживать из-за этого, хотя рядом с Наставником ход его мыслей невольно менялся и все становилось легким и возможным, наверное поэтому Сергей наконец взглянул на себя со стороны и понял как глупо все это время он себя вел, ведь еще немного и он мог покончить с

собой.

– Возможно ли такое, что я умер, а вы являетесь моим проводником в иной мир, так как были моим проводником и Наставником там?

– Если ты захочешь так и будет, но хочешь ли ты? Или ты жаждешь выполнишь то, что являлось твоей целью и обещанием мне, дабы найти тот покой, что таится в твоей душе и ждет пробуждения? Дела твои наконец придут в порядок, и ты сможешь жить счастливой жизнью.

– Разве в этом все дело?

– Нет, но глупо отказываться от счастья, когда оно так близко, к тому же ты отплатишь добром за то зло, что являет собой твой шрам на лице. Ты многое поймешь, сделав шаг, который ты намеревался сделать и иногда приходится пройти весь путь, чтобы понять, чего он тебе стоил, и что ты в конечном счете приобрел.

– Мне невыносимо проходить этот путь без вас и безумно тяжело держать себя в руках, когда все рушиться и невозможно ничего сделать, когда на ум приходят те слова, которые ранее не приходили, слова, несущие лишь смерть, слова, рушащие меня изнутри. Я разрушен и чувствую себя опустошенным, что делать, когда я снова останусь наедине с собой? Такое чувство словно без вас мне не выжить, но вас больше нет Наставник и мне приходится кормить себя ложками этой жизнью, но эта пища противна мне черт возьми. Все эти трудности ничего не представляли для меня, когда

вы были рядом, а теперь любая мелочь останавливает меня. Все потеряло цвет и оттенок, вся мирская красота испарилась, остался один лишь отсвет. Нет ничего, ни красоты, ни мира, ни любви, поддержки нет и отдохновения тоже все это слюится в моей душе, заставляя меня кряхтеть от боли, стонать, кричать, горланить и это невыносимо, я устаю спрашивать себя за что мне это? Но ответа так и не нахожу.

– Пока ты помнишь о том, чему я тебя учил, я всегда буду рядом в твоём сердце, ты не одинок ведь ты приобрёл друзей, которые не бросят тебя. Не слушай разум, ведь он может быть безумен и одурачен другими, он может ввести в заблуждение и обмануть, слушай сердце что никогда не обманет, сердце не всегда может быть чистым, но оно никогда не прогадает и всегда укажет верный путь. Следуй учениям и знаниям и не скитайся слепо, продолжай идти куда можешь, а если упадешь вставай. Помни что все временно и не забывай об этом никогда, ничто не вечно так не давай той боли что накопилась в тебе обрести власть и приказывать тебе.

После этих слов Сергей задумался, пытаясь вникнуть в суть сказанного, одаря вниманием каждое слово, дабы наконец понять себя и перестать так сильно и нестерпимо портить жизнь самому себе.

– Клюет, клюет! – Сказал Наставник, указывая пальцем на удочку Сергея. Он схватился за удочку так крепко что кулаки его побелели. Сергей потянул ее на себя и через пару мгновений уже держал неплохой улов в руках, осматривая

прекрасную рыбу и восхищаясь ей. Он с легкостью вытащил крючок из пасти и выбросил рыбу на волю.

– Молодец, а теперь отпусти так же все свои мысли. Выбери правильный путь и двигайся по нему пока не поймешь, что достиг своей цели и обрел то, к чему стремился.

После этих слов Сергей проснулся и моментально повалился наземь предполагая, что лодка, на которой он находился, перевернулась вместе с ним, но вскоре к нему вернулось былое благоразумие и он счел нужным перебрать в памяти все то, что он некогда видел. Тревога проскальзывала в его мыслях, а в голове все медленно прояснялось, и запутывалось еще сильнее. Из-за расплывчатости собственных воспоминаний Сергею захотелось прыгнуть в объятия кровати и больше ни о чем не думать, но он сосредоточился и попытался вспомнить все вновь.

– Был ли это сон? Черт ничего не понимаю, что же такое мать его происходит? Я просто медитировал, я не мог видеть его...

Он взглянул в окно и удивился: спал ли он вообще? Сергей начал искать часы на стенах и нашел их у двери в прихожей, время заставило его всерьез задуматься. Он размышлял, мыслил и не понимал, проспал ли он сутки или же вообще не спал? К тому же, как назло, он не помнил ни числа, ни дня недели вчерашнего дня. Он включил свет и сел в маленькое узкое кресло, которое вдобавок ко всему прочему было неудобным и жестким, но сесть на кровать он не ре-

шался, опасаясь, как бы вновь не забыться во сне и не потерять драгоценное время.

– Нет, не важно черт возьми! Сейчас не до этого. День, месяц, наплевать на все! Мне нужно отыскать Фабио, нужно как можно скорее вернуться к ним! Такое гадкое ощущение, словно назревает что-то дерьмовое, где-то там в темноте. Нужно бежать, бежать быстрее!

Сергей встал и начал нервно ходить вокруг комнаты в поисках каких-либо вещей, которые ему не хотелось оставлять, но поиски не обвенчались успехом так как он не помнил брал ли он что-либо с собой. Сергей отмахнулся и вышел из номера. Спустившись вниз, он застал спящую девушку в роли администратора.

– Просыпайся милочка! – Шепнул он ей на ушко словно родной жене. Так и не раскрыв своих глаз девушка проснулась, затем потянулась и только после посмотрела на Сергея вызвав у него эмоциональное потрясение одним лишь своим взглядом. В душе своей он чувствовал длинную реплику, которая едва не вырвалась из его уст, но он вовремя спохватился и произнес лишь несколько невнятных слов.

– Что простите? – Сонно отозвалась она, поправляя спутавшиеся волосы, но несмотря на это и даже невзирая на помятую ото сна блузку она все равно являлась для Сергея необыкновенной женщиной со всей своей коварной красотой и очарованием, а также острым носиком, по которому хотелось щелкнуть пальцем. Тело наполнялось чувствами

как сосуд, вобравший в себя воду. Девушка старалась преодолеть сонливость, Сергей же боролся с самим собой и осознав, что нет времени кривляться он произнес:

– Вот деньги за... – Сергей забыл в каком номере он остановился и замер с открытым ртом, – на третьем этаже, номер, черт его, забыл. – Он покопался еще и достал пару лишних купюр. – Вот еще на чай, за то, что я забыл какой у меня там мать его номер. Всего доброго, прекрасная леди, я надеюсь это не последняя наша встреча милочка.

Администраторша все еще не понимала, что происходит, поскольку сонливость не ослабила былой хватки и не успела она опомниться как входная дверь отеля распахнулась, а тень Сергея стала медленно исчезать за ее пределами.

На улице Сергея встретил туман. Воздух был влажным, тревога усиливалась, а такси нигде не было видно и тем более была его досада, ведь он вовсе не помнил, где остановился. Сергей проклинал тот сон что смешался с похмельем, одаря его тем двойным ударом забытия и дезориентированности что пробудил в нем тревогу, которая, не переставая душила его точно змея, завившаяся вместо шарфа вокруг его шеи. Он прекрасно понимал всю трагедию своего положения и всю комичность данной ситуации. Он мог с легкостью посмеяться над собой, разразиться хохотом и иступленно забить себя в грудь, закричать, застонать и заплакать, но перемена, произошедшая с ним, не позволила ему поддаться чувствам. После встречи с Наставником Сергей начал взирать на

жизнь совершенно по-другому, но оставалось кое-что бывшее для него неразрешенным и это-то и являлось причиной тревоги и поспешности.

Глава 2.

Безмятежность окутывала пространство без того мрачного города и там, где спокойствие сулит умиротворение, в северном же Петербурге обнаруживается страшным предзнаменованием. Постепенной чередой зарождался туман что расцветал точно букет цветов на солнечной долине, но там, где приходится мгла проступает и ночь тень которой подталкивает жителей в постели, как крыс по норам.

Город мгновенно приобрел свой излюбленный оттенок пепельной серости, который никак и нигде не проявляется столь часто и безукоризненно, как гость сумевший втереться в доверие своего хозяина или шут что достиг снисходительности короля туман правил двором пока жители мирно дремали на боках. Ночь, кажется, никогда не проявляла столь мрачные тона в своеобразном искусстве тьмы и тени и надо отдать ей должное тот мрак, что стусутился как нельзя кстати вписывался в контуры зданий и чрезмерно искусно вырисовывал те их детали, что были неприметны при свете дня.

Густая тьма заполняла собой все возможное. Полупрозрачный туман властвовал и правил на земле пока мирные граждане не ведали того, что вершиться за пределами их убежищ, а небеса были закрыты облаками, что стусутились, спустившись, кажется, на самую землю спутываясь с туманом. Облака окутывали уличные фонари, что светились ярко и

приглушенно и свет что исходил лишь от фонарей, выделял тем самым краски, сверкавшие на полотне улиц.

Туман сгущался, едва не становясь подобием дождя, покой же неотвратимо и бесследно угасал под покровом ненастной ночи, властвующей туманными сгустками и отравляющей ночным покрывалом все обозримое. Куда подевались художники, что так рьяно желают этих видов, стремясь отобразить на своих холстах необъятную серость, тень и мрак? Сейчас художником была природа, а всепоглощающий туман ввергал в заблуждение каждого кто осмеливался проникнуть в него. И стоя на улице можно было ясно почувствовать себя в замкнутом пространстве недаром гроб кажется спасением от узкого покроя земли, но что, если сам мир предстает в виде гроба пугая своей ограниченностью, пустотами не ограниченными досками, невероятностью пренебрежительного ложа, туманом, отрезвляющим от жизни.

Еще немного и небеса были готовы выкашлять капли дождя что с каждым мгновением приобретали бы гласную мощь, но было нечто, не вызволяющее дождя из тумана и облаков, сдерживающее стремительную влагу до последнего, не позволяя тем самым размазать туман, рассеяв его вспять, вызвать грозу разразив небеса, расстилая их ветром гоняющим тучи, изгоняющим небесную влагу все дальше, к морю, к заливу за горизонт.

Костер тумана разгорался небесным пламенем, не хватало только искр, обратившихся в грозу. Казалось, туман погло-

тил все, заволакивая все проблемы и судьбы с собой, даруя тщетную надежду на скорейшее восхождение солнца, на луч света способный пробить даже толщу многогранных небес, но солнце бессильно, а светоч всего лишь огонь что вскоре потухнет и есть ли надежда там, откуда туман берет своё начало, окутывая разум, сердца людские? Множество людей живут в слепоте, являя миру свои пороки, не видя ничего пред собой, не ведая света благодетели, не зная тепла милосердия, виновен ли здесь лишь туман или все же здесь нечто другое? Люди скалят зубами и высовывают язык, а порой и рычат как собаки, там, где надобно показать слезы, отступить на шаг и выказать добросердечие, отчего же так происходит? Не вините души, что ослепли в тисках тумана, вините себя, тех кто видит, но ничего не делает, кривляясь в ответ.

Что же происходит? Как выйти из этого саркофага, как выбраться из окутавшего все пространство тумана? Краски и цвета стали отчетливее, воздух пропитался влагой, и она пьянит, выводит из себя, оставляет наедине с собой – страшно оставаться одному в темных закоулках самого себя, в этом шумном, вечно говорящем мире. Так страшно оказаться наконец наедине в полном смысле, выявляя всю правду, что так долго и осознанно игнорировалась, пряталась в уголках наших собственных душ, вот она правда, такая туманная и пыльная, горькая и гнусная.

Маленькие пылинки летели по воздуху, составляя компанию одинокому туману, он словно океан накрывший го-

род, дабы заставить слепой люд заглянуть в себя, назначить встречу так долго откладываемую, но люди попрятались по домам, в страхе, в поисках спасения во снах и в грезах собственных мозгов, туда, куда не заглянет посторонний, но и сны порой бывают лишь еще одной пыткой собственного разума, отчаянным криком души и слезами сердца, что же они эти сны, пытаются сказать все время? Или же они снова пытаются обмануть своего владельца?

Где же ветер, что куда-то делся, где свет луны освещающий путь? наступило время, когда свет фонарей кажется чем-то вроде обмана, жалкой пародией на свет, хочется прижмнуться ко мраку или искупаться в истинных лучах света поглощающего все, образующего красивые и охлаждающие тени, но кажется что нет больше ни света дня, ни темного мрака ночи, ведь жильцы городов страшно боятся оказаться в темноте, в потемках собственного естества, во мраке собственной души дабы взглянуть наконец с чем имеешь дело, с тем чтобы заглянуть в самую глубь, в эту дремучую пучину океана, что изнывает и просит, но крик ее не слышен, слишком много искусственного света, слишком много голосов, звуков и переживаний.

Сергей все так же метался по улицам и площадям пытаюсь разыскать хоть одного таксиста, хоть кого бы то ни было кто смог бы довести его до отеля, где остановились Фабио и Милена. Что же могло пойти не так в эту ночь, что отдалила его ото всех и вся? Этот туман мешающий вдохнуть чистых воз-

дух, эта пелена в глазах, которая отзывалась криком в душе. Сергей неожиданно для себя вскрикнул от отчаяния на всю улицу, его крик обрушился по улице, но также и был чем-то смягчен, поэтому он показался ему не таким громким, каким должен был быть. Он начал оглядываться вокруг, не понимая, что за страшный сон, в который он вдруг попал? Что за новое испытание? Новая боль и отчаяние подходило к горлу точно слезы. Все становилось бессмысленным, силы начали покидать его, но в тот момент когда казалось что он сейчас же упадет и будет лежать прямо на асфальте в полном одиночестве, в страшном кошмаре происходившим прямо наяву, в момент когда горло немеет и хочется зарыдать от беспомощности, от собственного возгласа внутри, от самого себя, от нежного прикосновения темной ночи, которая освещалась уродливым светом фонарей, Сергей увидел свет от автомобиля, но из-за фар он растерялся на миг утратив всякую бдительность. Не успел он и шелохнуться, как автомобиль всего на одно мгновение, на одну четверть секунды поравнялся с ним, расположившимся на асфальте в бреду. Время точно остановилось, оказывая ему честь видеть того, кто располагался за рулем, это было сосредоточенное лицо, с пустыми глазами смотревшими перед собой, Сергей еще не до конца все понял, а машина тем временем пронеслась вперед.

Глава 3

Тело Сергея двигалось само по себе, оно онемело, став чем-то невероятно мощным. Сергей не понимал, что за перемена приключилась в нем, что за сила двигала им? Что за явная мощь? Могучая воля, и непреодолимая скорость заставила его бежать за автомобилем, бежать так быстро, так пламенно как никогда. Ветер несся в ушах, а ботинки издавали шумные хлопки, которые отзывались, кажется, даже в квартирах с приоткрытыми окнами.

Сергей чувствовал, как трясется его голова, как руки работают с силой, а ноги парят над землей. В голове его проносилось имя, которое с каждым шагом повторялось в его мыслях все громче.

– Фабио, Фабио... Фабио. Фабио, Фабио... Фабио!

А после, с тем же рвением, стараясь не отставать от машины Сергей продолжал бежать, но голова его в такт с телом, начала с большей скоростью воспроизводить мысли в голове и догадки, которым кажется, не было предела.

– Какого черта! Фабио, куда же он поехал, неужто искать меня? Да что же мать его происходит? С ним ли Милена, все ли с ней хорошо? Может их взяли в заложники и заставили ехать куда-то, а потом выброситься в речку вместе с машиной? Может их заставили искать меня? Может Фабс настолько отчаялся что и сам решил покончить с собой? Черт возь-

ми! Мысли, как же их остановить? Как перестать думать мать его, заткнись! Заткнись ты наконец! Беги! Беги куда можешь! Беги пока есть силы, держи темп, старайся, нет, нет! Он отдаляется, нужно бежать быстрее, еще быстрее! Черт возьми! Беги жалкая душа! Иначе все пропало!

Воздуха совсем не доставало Сергею – до такой степени он пытался нагнать своего друга, и подгоняемый мыслями Сергей подивился проделанным им же путем, но то было лишь мгновение, обращенное к самолюбованию. Он терзал себя думами, которые разом сокращали всю его силу. Сергею становилось не по себе от одной только мысли что с Фабио и Миленой происходит что-то подлое и коварное, ведь именно это объяснение было самым разумным в столь резкой выходке Фабио, и Сергей не мог разъяснить это себе никак иначе. От безостановочного бега Сергею становилось больно, но тот факт, что Фабио оказался в опасности только из-за выходки Сергея подпитывал его онемевающее тело новой силой.

Легкие горели, пар исходил изо рта точно являясь тому подтверждением. Ноги вдруг заболели, голова закружилась, а в горло словно насыпали горстку муки. Сергей закашлял, но продолжил бежать и бежал он так, словно от этого зависела не только его жизнь, но и жизнь всех, кто ему так дорог, он заикливался только на конечном результате, представляя себе страшные последствия того, что не успел вовремя спасти Фабио от какой-либо беды, откуда ему знать, может сзади него вооруженный посланец Совета, что ведет его на

верную гибель, или станет пытаться его вместе с Миленой? Эти мысли наносили удары по нему. Сергей больше не мог продолжать погоню, и машина начала отдаляться. Он пытался кричать, но не выходило должным образом выкрикнуть ни слова.

Все меркло и тускнело, красный свет задних фар отчуждался, но Сергей возобновил бег при виде отдаляющихся огней автомобиля, он не мог оставить Фабио, не мог сдаться так просто оставляя друга на попечение судьбы что погубит его разорвав на части а вместе с ним и все то что осталось от былой жизни Сергея от вновь приобретенной семьи, эта потеря была молотом силевшимся повергнуть Сергея наземь но удары этого молота еще никогда не были столь сильным толчком на его пути. Истощенное тело рано или поздно начинает слабеть и в месте с этим тухнет как свеча былая сила что заполняла все тело энергией, но наступает мгновение когда на смену слабости приходит иная более могущественная сила что проявляется вторым дыханием, новой ступенью на пути к торжеству и победе но при этом боль что тревожит и обезвоживает мышцы только усиливается, это знает каждый любитель спортивных состязаний и лишь преодолевая существенную и нестерпимую боль можно добиться желаемого. Тело временами действительно начинает слабеть и слабость становится смертельно опасной, так дух преодолевает над телом и, в то время как гибнет одно торжествует другое.

Сергей перешел на шаг и зашатался как пьяный. Он вды-

хал воздух так будто забыл, как это правильно делается, поэтому воздух никак не мог попасть прямо в легкие. Он задышался продолжая идти. Туман вдруг несколько рассеялся, но перед глазами Сергея все померкло, приобретая небывалую черноту. Несмотря на близость потери сознания и остановку сердца Сергей все равно шел, не останавливаясь ни перед чем и мгновением позже зрение вновь вернулось к нему, но эта маленькая победа не избавила его легкие от поражающей разум боли, в то время как в его горле казалось скопилась вся кровь что вытечет из него наружу.

Пришлось ускорить шаг, отчаяние вновь подбиралось к голове, а мысль что случится непоправимое обращалась в невыносимую боль. Сергей шел, пытаясь вновь побежать хотя при этом едва стоял на ногах. Вдруг из тумана вылез красный огонек и послышалось как захлопнулась дверца автомобиля, но Сергею все же казалось, что это не более чем игра воображения, а на самом деле он давно возлежит на асфальте мертвый, пока тело его тем временем стынет на пустынной и туманной улице.

Глава 4.

– Фабс! Я бежал как черт за тобой, куда ты так спешил? – Подбежал Сергей и приобнял Фабио.

– Совет не ждет гостей, я приехал сюда, чтобы покончить с ними.

– Ты нашел их? Они раскололись? – Сделал вывод Сергей, указывая на форму, в которую облачился Фабио. – Постой, а как же Милена?

– Она поехала за помощью, я не мог ей рисковать и с радостью бы задал тебе пару вопросов о том, где ты черт возьми пропадал и почему так поступил с нами?

– Фабс послушай... – Перебил Сергей, но Фабио отплатил тем же:

– Нет ты послушай! Приехал бы ты чуточку раньше, возможно Милли не пришлось ехать одной черт знает куда за этим Дмитрием, но ты решил вернуться в тот момент, когда я уже смирился со всем, когда можно было бы обойтись и без тебя.

Сергея задели слова Фабио, потому что в некоторой степени сказанное являлось абсолютной правдой, которая стирала начисто те благие помыслы, которые двигали Сергеем в последнее время. Ему было несказанно больно слышать это после всего того, через что ему пришлось пройти и вместо доброго слова он получил нож в сердце отчего душевная ра-

на раскрылась с былой силой.

– Вот значит как! Никому к чертям собачьим я не нужен! Тыфу! Да ты хоть знал Фабс? Знал, как я сейчас бежал! Знал ли ты что еще вчера я чуть не утопился в чертовой речке! Мне казалось, настал конец, свет погас, жизнь истратила для меня всю свою чертову цену! Да я здесь, здесь сейчас ради вас с Миленой, Фабс! А ты... Тебе просто наплевать. Я бежал как не знаю кто, я думал вы в опасности, да я бы... И глазом не моргнул, пустился бы под пулю ради вас, вы все что у меня есть, понимаешь? Вы та причина, по которой я все еще дышу на чертовой земле.

Сергей хотел выразить свои мысли совершенно иными словами, он думал, что речь его будет куда более красноречивее, прямо как в фильмах или театре, ему хотелось, чтобы Фабио уколола совесть за те слова, которые он с такой легкостью обрушил на Сергея в самый ответственный и напряженный момент для них обоих. Они нашли себя слишком жестокими по отношению друг к другу и потому отнеслись ко всему с пониманием и состраданием. После минутного молчания и пары тройки слов они уже пожимали руки и закрепили примирение крепкими объятьями, теперь их объединяла общая цель, как и всегда.

Фабио отрыл дверь машины, и Сергей вытащил оттуда два дробовика и пару пистолетов с патронами. На Сергея снизошел старый добрый трепет пред оружием, ему вспомнились все его передраги и даже тот день, когда они перестрелива-

лись в отеле плечом к плечу вместе с Фабио и Миленой стремительно промелькнул в его памяти и приятное послевкусие этого теплого чувства, вызванного нахлынувшими воспоминаниями, ободрило его как нельзя кстати.

Снизошедшее отрешение от всего что когда-либо имело значение выявилось само по себе в Фабио и Сергее и теперь единственным важнейшим приоритетом представляла расправа над Советом, близившаяся и долгожданная она пьянила и порождала гулкую и кипящую ярость в жилах своих владельцев, стоило лишь выпустить на волю этого зверя дабы он сделал все необходимое со всепоглощающим неистовством.

Улица продолжала пустовать, а силуэты зданий, обрамлявших город, стояли точно пустынные заброшенные и никому ненужные игрушки, построенные для красоты, и пока они шли, ступая тяжелой поступью в сторону библиотеки, перед взором проносилась вся жизнь и возникла возможность вспомнить многое тревожащее и радостное, страшное и красивое. В голове будто играл оркестр и играл нечто превосходящее всякие ожидания, играл музыку жизни и ее суровую мелодию состоящую из страшных событий и ненастных мгновений, люди пролетали быстро словно капли утренней росы ниспадали на землю, одни были хорошими, другие нет, одни внесли свой вклад в их жизни другие напротив кое-что одалживали с различными побуждениями и стремлениями. Суровая карта жизни встала перед ними, являя свой

ужасный покров, свой путь что далеко не был наслаждением и счастьем, но только благодаря постоянным страданиям, счастье точно проглядывало сильнее от этого, выделяясь ярче солнца, счастье, которое испытывали редко, становится совсем иным плодом, сладким, как арбуз в солнечный день. Жизнь проносилась перед глазами, хотя никто не умирал, но готов был и на такой исход, понимая, как часто претворяет жизнь суровый приговор и как часто рушит все планы сводя на нет все ожидания.

Тяжелые двери огромной библиотеки отворились, ровно так же, как и открылись несусветные, донельзя проникновенные в этот самый возможно важный момент чувства, открывая двери своей невероятности.

Открывая двери, Фабио и Сергей заметили охранников сторожащих зал, те взгляделись в лица гостей, прибывших в библиотеку, и едва успели спохватиться как тут же прогремели выстрелы. Охранники упали быстрее чем смогли что-либо предпринять. Началась перестрелка. Фабио двигался грациозно и непринужденно, каждое малейшее движение, каждый шорох был взвешен многократно и продуман до мельчайших деталей, так работает ювелир, который выработал у себя аккуратность хирурга. Сергей в этот раз, как и всегда не щадил никого, его выстрелы взрывались в зале, а дробовики, казалось, ревели, он жаждал этого дня не меньше, чем Фабио, он чувствовал, как возымел почву под ногами благодаря недавнему сну, в котором многое для него прояснилось.

Теперь ничто не сдерживало стрелков от ужасного мщения, сыпалась штукатурка, падали тела, осколки стекла, гильзы, щепки древесины, трескался потолок, рушилось все и все пребывало в движении, молот правосудия достался вырвавшимся из тюрьмы преступникам и теперь они вдоволь бьют им из-под тяжка в надежде добраться до трусливых судей.

То, что пришлось почувствовать Фабио, было непостижимой переменой в нем, он чувствовал как впервые истинно утолил свой голод, хотя он и не подозревал о таковом, но дело обстояло несколько иначе, он наконец почувствовал себя на пороге той вершины, к которой так долго стремился карабкаясь в собственной крови ради отмщения за страдания его дочери, за ужасное преступление против его семьи, о котором он надеялся возвестить Совету. Сегодня Фабио будет судьей перед ними, сегодня месть восторжествует и возьмет на себя роль палача и судьи.

– Ха-ха, чертовы прихвостни, не успели мы ввалиться сюда, как тут же этот сброд несчастных недотеп, печальная агония и мука! Ужасный бой против судьбы, борьба в которой не успели толком поучаствовать как остались без головы! – Сергей повысил голос дабы все слышали. – Выходите жалкий люд! Сегодня мы окажем вам сопротивление, сегодня, здесь мы правим балом! Вам не сбежать жалкие трусливые черти! Ха-ха! Вкусите же смерть, она зашла к вам в гости! Вкусите нашей ярости, быть может она придется вам по вкусу, мы

вам сполна воздадим вашей же кровью, а затем заставим вас выпить этот вонючий, греховный напиток! Так пускайтесь в бега! Мы будем охотиться на вас как на поросят в лесу, бегите же, пока есть такая возможность! Боюсь сегодня некуда бежать! Да будет пир! Да будет бойня, месть и отмщение, кровь за кровь и глаз за глаз, платите же теперь тот долг что задолжали! Чертовы преступники, мать вашу!

– Запри двери Сергей, теперь-то им некуда будет бежать... Вот так, а сейчас пошли наверх.

Они последовали дальше к лестнице так как знали, что снизу скорее всего дело кончено и поднялись на второй этаж. Сергей заряжал дробовики поднимаясь по лестнице вместе с Фабио и испытывая полное упоение душа его парила, он словно был актером, вошедшим в роль настолько что не успевал дивиться самому себе, точно театральный герой какойнибудь душевной и чересчур чувствительной пьески. Он управлял всем залом, чувствуя каждый вздох, каждую слезу, что текла по щеке зрелой дамы, или юного дитя, своими чувствами на сцене он внушал их другим, он плыл, летал, он вдохновлял, падал и стонал и все это в душе его отразилось невероятной жизнью, песней возвращающей к жизни, пульсацией сердца что перестало биться. Все же пока Сергей пребывал на седьмом небе он вовсе не терял бдительности ведь стоило подняться на второй этаж как из-за угла вышел один из прихвостней Совета что замахал ножом и тщетно попытался убить первого встречного. Сергей ударил его

дробовиком по подбородку отчего тот потерял равновесие и упал, обронив нож. Сергей поднял его и взяв его шею в замок начал допрашивать:

– Есть здесь запасные выходы? Отвечай иначе придушу как поросенка, ну же!

Тот хрипел и барахтался, пытаясь выбраться из крепкого захвата и чуть было не поник без чувств как вдруг вновь попытался что-то вымолвить.

– Повтори! – Сергей ослабил хватку.

– На первом этаже есть... – Прохрипел он.

– Где Совет? – Спросил Фабио, но тот не осмелился ответить. Сергей вновь напряг свои руки да так что лицо допрашиваемого стало красным, и даже пунцово-фиолетовым. Мешки под глазами багровели и чернели двумя колодцами вокруг глаз, а сами глаза выпучились и чуть было не выпали из орбит, казалось еще секунда и все было бы кончено но тот заплакал чуя дуновение смерти вместе с ее мягкой прохладой и все же сдался выдав что их сейчас закроют на третьем этаже в отдельном кабинете после чего попытаются вывести через крышу. Он описал нужную дверь хоть и едва мог говорить и Фабио прекрасно понял, куда ему нужно идти.

– Тогда я пойду вниз и запру запасные выходы вместе с этим молодцем, а ты иди Фабс и задай им жару, как бы мне ни хотелось быть на твоём месте, но это твоя война, так что я надеюсь ты повеселишься. Я уверен, что и ко мне наведаются эти несчастные блюстители порядка, я помню черт возьми,

как один убил Наставника, вы все мне поплатитесь. – Обратился он к позеленевшему и едва живому охраннику.

– Хорошо, запирай двери и поднимайся ко мне!

Сергей кивнул, и они разделились.

Глава 5.

Раскрывая двери Фабио, наткнулся на двоих охранников, один из которых спрятался за дверью. Выглянув всего на одно мгновение, Фабио обнаружил знакомые лица, восседающие в кабинете и когда они увидели его, то невольно вскрикнули от нагрянувшего к ним мстителя и возмездия, которое он нес с собой. Время остановилось для каждого находившегося в кабинете, но Фабио уже давно был знаком с этим чувством и поэтому действовал незамедлительно. Выглядев в глазах других слишком стремительным и находчивым, он видел, как острие ножа медленно тянулось к нему рукой неопытного охранника, лицо которого изображало непомерный страх. Фабио оттолкнул его руку своей так, что нож вонзился в деревянную дверь, затем Фабио вытащил пистолет другой рукой и выстрелил напрямиком в дверь, где прятался второй охранник. Послышалось как он примкнул к стене и стал медленно опускаться по ней и хрипеть, пока первый приходил в себя и пытался оттянуть руку с ножом, а другой рукой тщился вытащить автомат. Фабио повалил охранника наземь тем самым сбив у него дыхание, но внезапно ему послышалось как кто-то взвел курок и Фабио немедленно перевел дуло пистолета в сторону стоявших советников, которые сразу же вытянули вверх руки совсем невольно выдав того смельчака что отважился на такой нелепый и необдуманый

шаг и в качестве наказания Фабио выстрелил смельчаку прямо в руку, держащую пистолет и рука его окрасилась кровью. В эту же секунду Фабио выстрелил в испуганное лицо охранника, а потом сделал еще пару выстрелов в обоих, дабы не возникло никаких осложнений.

Наступила пауза, тишина которой была оглушающей и звергающей в самый настоящий ужас. Непреклонно, но трепетно стояли советники, которые казались слишком жалкими и ничтожными по сравнению Фабио что обладал бесспорной уверенностью в каждом своем действии. Он запер дверь на защелку и приказал всем сесть и держать руки на столе, в случае чего и при малейшем движении он выстрелит без предупреждения. И когда все последовали его приказу, Фабио начал говорить:

– Давно не виделись Иван Евгеньевич, думаю, вы с нетерпением ждали нашей следующей встречи после того, как посадили нас в тюрьму. Думаю, каждый из вас успел вдоволь пожалеть о том помиловании, на которое вы-таки решились и о вашей первоначальной коварной выходке и последующем поступке, который стал для вас роковым. Думаю, не стоит объяснять, о чем идет речь, вы, итак, знали, что ждет вас за то, что из-за вас пострадала моя дочь, наглые безжалостные сволочи! Неужели вы думали, что я не смогу добраться до вас? Я здесь и сейчас я буду вашим судьей и вашим палачом и посмотрим, как вы будете обрадованы тем приговором что сами некогда произвели. Всему этому пришел конец, наста-

ло время поплатиться за каждую жизнь, за тех, кто погиб в тюрьме, за тех, кто пытался одуматься и в итоге был захоронен в земле предавшись тяжелым мукам и не имел даже возможности исправить то прошлое, в которое он ввязался. Вы можете бесконечно обвинять нас самих в том, на какую сделку мы согласились, да кровь на наших руках, но не все убивают невинных, не все готовы убивать ни в чем не повинные души, большинство старалось сделать этот чертов мир лучше, помочь не справлявшимся властям, а так же продажным лицам закона, тем кто миновал своего наказания, в то время как семья погибших, семья тех над кем так посрамились, покусившись на святая святых до безумия оплакивает погибших. Столько боли было в этом мире, столько несправедливых судей, полицейских и депутатов, столько преступников, столько бессердечных насильников и большинство при этом не было наказано, все они избежали тюрьмы и справедливого приговора и если бы не такие как мы, то возможно все это и дальше шло бы с рук этим наглецам, сумасшедшим и находящимся в бреду своих ужасных страстей! Вы думаете мы здесь ради страсти, думаете мы потому убиваем, что сами являемся преступниками? Нет! Мы работали над тем, чтобы мир был в равновесии, чтобы зло не смело превышать предел. Сколько в мире матерей лишившихся своих детей из-за таких? Сколько родителей, у которых детей ни за что посадили в тюрьму? Скольких людей убивали за гроши и пустые слова или действия, которые можно было простить? Люди

не идеальны, они никогда не будут идеальными, таков мир, таково мироздание, где люди все те же животные наделенные разумом, чувствами, словами, но у нас слишком много пороков и потому всегда будут обиженные на мир, всегда, потому как мир обошелся с ними несправедливо, да на них тяжкое бремя, ужасное испытание судьбы, тяжелая ноша и слишком больно жить осознавая что все в этом мире против тебя, они сходят с ума от самих себя, от нетерпимой боли которую им нанесли, они не могут больше терпеть ее и кажется поэтому-то и входят в эти непростительные преступления, кто я такой чтобы считать себя святым? Или тем, у кого за спиной не было бы собственного кладбища, убитых мною, чем же я лучше них? Ничем! Ни капли не лучше, но все же я понял что лучше остановиться и остановить других, таких же как и я, а еще лучше не давать им возможности становиться такими, не давать им хлеба за ужасные преступления, да мир от этого не станет лучше и снова будут несправедливые приговоры и непоправимые преступления, но то, каким образом мы боремся с преступностью, ничем не отличает нас от них, я говорю от лица людей убивавших не ради славы и крови, а ради справедливости и процветания мира, я понял какую ошибку совершил, понял что это не выход, что можно бороться другим способом, но чтобы сделать это, нужно расправиться с вами. И больше не будет Совета, не будет убийств ради справедливости, ведь я понял какой это отчаянный и неправильный путь, понял, что это

ложно, ошибочно! И если для этого мне придется убить вас,
то да будет так!

Глава 6.

Тем временем к зданию библиотеки подоспело подкрепление, но все входные двери были благополучно и удачно заперты заранее. Раздались выстрелы и стекла начали осыпаться мелкими кусками на ковры, стеллажи и книги. Сергей насторожился, не зная откуда мог вынырнуть противник, он начал стрелять прямо из окон отпугивая тем самым противников пытающихся забраться любым способом в здание библиотеки. В это время Георгий попытался улизнуть дабы открыть дверь пока Сергей был занят отражением осады, но стоило Георгию добраться до лестничной площадки как отвлеченный своим невиданным везением он тут же ударился о грудь спускавшегося Фабио и упал, наземь ударившись головой.

– Ты думал сбежать? Боюсь тебе больше некуда бежать и не на что рассчитывать, Совета больше нет.

Фабио прихватил мальчишку с собой и направился к Сергею. Сергей, завидев его кивнул ему как бы спрашивая: «дело сделано?», на что Фабио ответил утвердительным кивком, а потом спросил:

– Наведалось подкрепление?

– Эти безмозглые глупцы уже лезут через окна, они будут с минуты на минуту, придется давать бой.

– Вероятно труднее будет скрыться после. Главное, чтобы

Милли и Дмитрия они не увидели первыми.

– Будем надеяться.

Тут же выскользнули противники, пролезшие через окна и тянувшиеся целой колонной, но от выстрелов Фабио они падали протяжной цепью как домино и Сергей ставил точку одним лишь выстрелом из дробовика в повалившуюся и валяющуюся кучу. Выстрелы гремели точно молнии в небе и прямо кстати пришелся дождь сменяя собой грубый тяжелый как небеса туман. Дождь будто бы пытался смыть собой те грехи что таились в здании библиотеки, кровь заполняла собою все, тела падали прямо друг на друга. Фабио и Сергей медленно двигались в сторону окон, из которых вылезали эти горе-линчеватели и в конце концов подошли к окнам, заметив, что толпа становилась все больше, люди осыпали улицу, сирены полицейских завывали и застонали.

– Нам нужно выйти через другую сторону, неважно как, хоть через окна! – Сказал Фабио увидев ситуацию на улице. Он беспокоился о Милене, которая могла приехать с Дмитрием в любой момент.

Они двинулись на противоположную сторону здания, в то время как полицейские попытались проломить входную дверь. Фабио выстрелил в окно и убедившись, что там чисто, он велел спускаться первому Георгию, тогда как Фабио спустился последним.

– А что будет с Миленой? Вдруг она не найдет нас если мы сбежим или придется убить еще и полицейских? Тогда

от нас не отстанут власти. – Спросил Сергей.

В этот самый момент послышались выстрелы в стороне входных дверей.

– Это они! Я уверен! – Сказал Фабио.

Они устремились ко входу через улицу и действительно заметили Дмитрия и людей вместе с ним, что перестреливались с оставшимися людьми Совета и пытались запугать полицейских, заранее зная, что убийство их не приведет ни к чему хорошему, о чем и возвещал им Дмитрий:

– Уезжайте, это не ваша война! Не стоит вмешиваться туда, куда вас не просят, мы всегда были на вашей стороне. Это не более чем месть за тех из нас, кто пал также, как ныне падают они! Кровь за кровь не более чем необходимость, чтобы наконец настал мир в этом городе!

Они стреляли в полицейские машины и прятались за собственными. Фабио остановился у угла здания и заметил Милену, которая стояла позади людей Дмитрия. Его охватило желание побежать к ней, защитить ее, но он вовремя сделал усилие над собой. Дождь стрелял вместе с оружием своими влажными стрелами, кровь окрашивала асфальт в какой-то страшный оттенок. Небо скалилось и злилось, небеса пытались в этот самый момент смыть с людей ту жуткую безжалостность, которая овладела ими. Всем своим существом люди желали проявить то чувство безысходности что в один миг переросло в жалкую мстительность, которая была беспощадной и ненасытной как дождь что никак не мог в долж-

ной степени смыть с каждого это гнусное желание мести и ненависти друг к другу.

И теперь увы не хватит потопа для того, чтобы смыть весь смрад того, что произошло в этот ужасный век, движимый страстями и пороками, чувствами, не знающими должных границ, пустыми угрозами, подкрепленными жаждой страсти и желания скорейших мук тому, кто стал причиной этих порочных чувств. Этот огонь распространял свое действие, огонь неподвластных страстей, пламя убийства, пламя смерти, такого властного в это самое мгновение что даже дождь прямоком с небес, не мог остановить его. Ужасное преступление против души и законов свыше, убийство ради благой цели, война ради мира которая позволит заглушить мрак невежества своею благодатью ниспуская на землю мир хотя бы на некоторое время, освобождая души что так гоняться и внимают своим ненасытным чувствам, которые полноправно управляют ими, пускай хотя бы на мгновение этот мир вкусит безмолвие не нарушаемое безжалостными убийствами, пускай настанет мир, но только после всевластного беспощадного времени и момента в котором прольется чужая да и собственная кровь. «Таков человек!» – Скажет муж ученый! А обычный люд, лишь прольет слезу, недоумеая людским причудам, людскому злу, ужасному греху!

«Когда же стали мы такими?» – Спросит человек, но ответом лишь послужит: «А когда мы перестали быть такими?» – суровая правда затмит крик разума и совести, подобный

нечленораздельному вою, распространяющемуся повсюду. И кажется, что вселенная со всеми ее огромными и впечатляющими разум размерами дивится тому, что происходит на этой маленькой планете, где люди, полные разума, убивают друг друга ради мира и где зов разума меркнет перед зовом страсти и зловещей песни чувств, зарожденных обидой и ненавистью!

Фабио стоял с Сергеем и Георгием наблюдая из-за угла за происходящим. Фабио глядел на свою дочурку чувствуя, как поле внутри него вдруг зацвело новыми красками, ему казалось что прошла целая жизнь, пол века или век с тех пор как они не виделись и возможно тому послужило нагрывшее освобождение Фабио от ранее сжимавших его душу оков или же то была истинная тоска и надежда на благополучие дочери, но тем не менее было нечто неопишваемое в его глазах взирающих на Милену.

Очевидцы ужасного представления не выдержали сцены, которая разворачивалась наяву и расходились наперекор своему любопытству подальше от кровавой бойни и звуков выстрелов, внушающих неприятнейшее ощущение того, что подкрадывалось коварнейшим образом в самые потаенные закоулки их разума.

Вскоре не осталось никого причастного к Совету, как и не было того, что они тщетно пытались спасти. Увы дело еще никак нельзя было считать законченным поскольку остались полицейские, которые бездействовали от безысходности. В

эту минуту Фабио решил выйти из-за угла и за ним последовали Сергей с Георгием. Фабио прицелился в полицейских и выкрикнул им:

– Уезжайте отсюда, все кончено, возвращайтесь домой к своим семьям в противном случае вы знаете, как все может закончиться, мы не желаем вам такой участи, уезжайте и мы не тронем вас!

Они медленно расселись по машинам и уехали заранее зная, что это битву они бы не выиграли.

Милена заметила отца после того, как машины блюстителей закона начали удаляться, а опасность миновала. Она видела в нем все ответы на свои вопросы и переживания, она благодарила судьбу за то, что он остался жив и за то, что все наконец закончилось. Она уже хотела побежать к нему навстречу, как вдруг Фабио попятился вперед, словно что-то укололо его сзади. Милена закричала, и этот крик был гуще всякой боли, Сергей мгновенно обернулся к Милене, а потом взглянул в сторону Фабио наблюдая за тем, как он неестественно выпрямился вперед. Милена выхватила пистолет и выстрелила в Георгия, в его гнусную коварную физиономию с которой никак не сходила усмешка, посвященная каждому, кто отчаянно боролся за желанную свободу. Георгий силился отомстить за Совет и это была последняя возможность свершить возмездие, которое окупило бы непоправимую потерю того, что некогда называлось Советом. Георгий, пренебрегая своей свободой и жизнью сделал ровно то, что и на-

меревался сделать хоть и поплатился сполна за содеянное.

После того как Георгий повалился на землю и уже начал испускать дух Фабио и сам упал на колени чувствуя, как где-то в спине покоится острое ножа. Он взялся за него и вытащил одним резким движением и боль разрослась, принимая немыслимые размеры. Он взглянул на свою кровь, которая текла по острию ножа и отбросил нож словно увидел в его отражении гнусную улыбку смерти. Сергей вдруг опомнился, не веря своим глазам, не веря всему происходящему, все в один миг вдруг проснулись и поняли, что им не показалось.

– Нет, нет, нет, нет! Фабс! Нет! – Выкрикнул Сергей.

Милена побежала к отцу и зажала его рану своей рукой, она чувствовала, как его кровь текла теплым ручейком, таким медленным и ужасным. Она не верила глазам и плыла словно во сне. Глаза ее наполнились слезами, а из горла вышел звук, напоминающий глубокую скорбь, от которой потом снятся кошмары. Милена обняла отца, плача ему в шею, то горе что одолевало ее сжимало ей грудь отчего она задыхалась и точно тонула, тонула вместе с ним в той бездне противоположной от жизни. Она теряла его и видела в его глазах тот свет, который мерно, медленно гаснул.

– Нет! Чертов мерзавец, ты, ты чертов подлец, ах ты! – Сергей стрелял из дробовика в тело Георгия, он поддался своей ярости и не мог смириться с еще одной потерей в его жизни. Фабио за все это время стал значить слишком много для Сергея и потерять его означало потерять второго На-

ставника, второго друга с которым нельзя будет более поговорить, которого нельзя будет увидеть и услышать. Сергей издавал звуки, походящие на стоны мучеников, и видит Бог он мучился от одной только мысли, что все кончено.

– Может... Может мы еще успеем пап... Отвезем тебя к...

– К Эрику? – Задыхался Фабио. – Мне кажется, что... Не успеем Милли... Я люблю тебя, моя... Доченька, все было ради... Ради тебя... Береги себя, будь умницей.

Сергей рухнул рядом и обнял Фабио у которого кровь шла уже изо рта, он отпрянул и посмотрел ему в глаза, видя в них собственное отражение, видя нечто вроде покоя, который скоро придет к нему. Он удивился как быстро пролетело время, словно кто-то перематывал его специально чтобы Фабио поскорее ушел в мир иной, чтобы они не успели сказать ему то, что кажется вот-вот прольется из них, но не словами а душераздирающими криками скорби и горькими слезами.

– Фабс, черт возьми, все это по моей вине, черт, пожалуйста, не уходи! Не надо Фабс, прошу тебя, ты... Нет... За что? Я потерял Наставника, я не могу потерять тебя, разве ты не понимаешь Фабс? Черт тебя! Господи, что же я наделал, прости меня Фабс, прости меня!

– Ты много значишь для... Для меня, По... Заботься... О Милли...

Все подошли к Фабио, наблюдая ужасную картину, горечь утраты настигла всех, ведь для каждого Фабио сделал невероятную услугу, именно благодаря ему Совет пал и им боль-

ше нечего было бояться. Они могли спокойно уйти на покой и жить дальше зная, что им больше ничто не угрожает и, может быть, поэтому многие из тех, кто находился рядом с Фабио стояли точно солдаты, видя, как уходит из жизни их генерал.

Дмитрий снял свою шляпу и прикрыл лицо рукой от неподдельной горечи. Милена вместе с Сергеем плакали у тела Фабио которое совсем скоро перестанет дышать. Не выдерживая всепоглощающего горя, Сергей и Милена сами подвергали себя опасности задохнуться и встретить закат жизни вместе с Фабио, своим верным другом и верным отцом. А дождь все пускал свои стрелы и кровь Фабио текла уже по асфальту. То была кровь освободителя, пожертвовавшего собой, то была кровь человека осмелившегося пойти наперекор всему ради любви и свободы.

Фабио задыхался чувствуя, как сердце его едва отдается мягкими волнами и как оно с болью выстукивает свой последний марш. Ему виднелись сны, где он вместе с Миленой гуляет по парку в солнечный день и солнце ярко светит через листья деревьев пуская солнечных зайчиков прямо на дорожку, по которой они шли. Фабио слышал шелест деревьев, и он показался ему самой замечательной вещью на свете. Фабио держал Милену за руку, и они шли, не заботясь ни о чем, свободные от излишних раздумий пока глубокие тона послеполуденного солнца разукрашивали все в свой прекрасный золотистый оттенок. Свет понемногу меркнул в его

глазах, и он волей последних усилий произнес:

– Милли...

Милена обняла его и Сергей вместе с ней, остальные же сняли головные уборы с головы, встали на одно колено и провели залп из тех оружий что у них были. Фабио перестал дышать и с последним стоном он скончался, глядя вверх на небеса, которые поливали его дождем.

Глава 7.

– Милли, я, как и ты не знаю, как жить дальше, потеряв своего единственного друга, разве мог я полагать что все произойдет вот так... Этот чертов мерзавец, жалкий, трусливый, безмозглый... К черту! Тьфу. Прости меня Милли, мне не стоило так... При тебе. Послушай, мне так же тяжело, так же больно, просто ты не одна знай это и для меня он был тоже в каком-то смысле как отец, как Наставник, как друг и человек, которому было не наплевать и который нашел в себе силы простить меня за мою выходку. Откуда мне знать, может, может если бы я тогда не сбежал... Черт...

– Не плачь, не переживай, его уже не вернуть, нужно... Жить дальше, пытаться...

– Прости, ты права, но все же ты не должна так страдать из-за этого, иногда лучшие люди уходят раньше, чем мы того хотим, возможно это не случайность, может так, мать его надо, но не переживай, все наладиться вот увидишь, я буду рядом всегда и мое плечо будет всегда для тебя крылом поддержки и помощи. Столько всего произошло за то время что я скитался с вами, мне кажется словно я не выполнил того, что обещал Наставнику. Как же мне теперь черт возьми жить с этим? Все что мне нужно было, это самому умереть вместо Фабио, неужели я не выполнил того, что должен был? Неужели вся моя жизнь это полный мать его провал?

– Ты очень помог нам.

– Нет! Не говори так, Господи, ты так добра ко мне, но это лишь... Усугубляет мою боль... Уж лучше бы ты кричала на меня, била меня, пыталась меня убить! Нет я не вынесу этого, нет, не смогу, черт во что я превратился? В жалкую тряпку. Тьфу! Самому себе противен. Ты знала где я был все это время? Я пытался покончить с собой, пытался выкинуться в речку и знаешь, лучше бы я и в самом деле выкинулся, может тогда Фабио убил бы этого мерзавца, не пощадил бы этого наглеца, что же я натворил Милли?

– Все будет хорошо вот увидишь.

– Как ты можешь говорить так? Ты потеряла отца, потеряла лучшее что ты когда-либо имела, потеряла смысл жизни, я всегда знал, что в тебе больше человечности и силы чем кажется, но неужели ты будешь такой же доброй, как и старина Фабс, ты такая... Такая...

– Мне тоже больно и боль эта никогда не пройдет, но он не хотел бы чтобы я страдала из-за него, он всегда любил меня, всегда говорил, что готов на все, на смерть, на страдания, на муки, а все ради чего? Ради меня? Но ведь из-за меня он и страдал, из-за меня так мучился и умер, а всегда говорил, что так и должно быть, что он расплачивается за свои грехи, но все это самопожертвование... Ведь это было ложью, во всем была виновна я! Он умер из-за меня, из-за меня его избивали в тюрьме как провинившегося раба! Мне... Мне так обидно что я потеряла его, что больше он не вернется

ко мне, но еще обиднее из-за того, что я всему причина, я причина его страданий, причина его смерти и я не знаю, что мне делать со всей этой мукой, с этой мыслью которая будет преследовать меня всю оставшуюся жизнь...

– Черт возьми Милли... Никогда не думай так! Ты заслуживаешь всего самого наилучшего, ты была для него всем миром, ты была источником его жизни, его смыслом в жизни и поэтому он хранил тебя так же, как жадный старик что бережет маленький кусочек золота. Его жертвы оправданы, хоть и есть вещи, в которых были сделаны ошибки, но все это и рядом не стоит с тем, ради чего Фабио пожертвовал собой, ведь... Настоящие отцы должны так поступать, он показал явный пример всему миру, он показал миру каким нужно быть отцом.

Сергей вел машину и иногда посматривал через зеркало на Милену, ему было горько за нее и за то будущее, которое могло постигнуть ее, но он понял в чем заключается его дальнейшая цель, которая могла бы возместить невыполненное обещание данное Наставнику, он будет беречь Милену, ведь этого хотел бы Фабио, так будет правильнее всего, так он сможет искупить свою вину и для него откроется мир полный познания и отдохновения и он сможет достигнуть покоя и того к чему он так долго стремился.

– Вот и магазин хозяйственных товаров, пойдешь со мной или здесь посидишь? – Спросил Сергей.

– Не знаю.

– Ну ладно я быстро, куплю лопату.

Глава 8.

– Вот и все старик, теперь ты в земле, теперь тебе не нужно больше переживать ни за кого из нас. Настала наша очередь переживать и заботиться. Ты был прекрасным другом, Наставником, отцом, опорой, да всем чем только можно быть, ты преподавал нам прекрасный урок того, как бороться до конца ради своих целей, как непреклонно двигаться вперед, сжимая кулак от боли преодолевая ее. Я надеюсь что там ты встретишься с такими же людьми, каким ты сам некогда был, с людьми которые пожертвовали собой ради высшей цели ведь благодаря тебе, не будет больше напрасных убийств, не будет горя и безумия в тюрьмах для киллеров, не будет больше страданий, по крайней мере у наших собратьев по профессии. Нет больше убийц, теперь этому положен конец и твоя жертва никогда не будет напрасной, ты сделал для нас даже больше, чем мог, ты освободил нас, и великие люди будут вспоминать тебя как освободителя и будут гордиться тем, что у них был такой прекрасный предшественник. Все что ты делал, так это пытался освободить свою дочь, но ты освободил гораздо больше, и никто не забудет твоего подвига и твоей жертвы. Ты стал примером для каждого из нас, вдохновителем многих сердец и ты всегда будешь для меня чем-то большим, чем друг или брат...

Сергей сделал паузу чтобы прийти в себя и спросил Ми-

лену:

– Хочешь попрощаться с ним Милли? От этого становится легче.

– Только если... С тобой рядом.

– Конечно.

Милена тихо всхлипнула и взяв себя в руки произнесла:

– Ты всегда говорил, что лучше бы не находил меня в тот день, но говорил это, только чтобы показать как жалеешь о том, через что мне пришлось пройти из-за тебя, но я все равно счастлива от того, что ты нашел меня, ведь может так и должно было быть. Ты подарил мне счастье, которое стоило того, чтобы так долго страдать из-за него, ты подарил мне отцовскую любовь, которая стоит всех пролитых слез и минут отчаяния, и я буду скучать по тебе папа хоть я и не знаю, как дальше жить без тебя, но я постараюсь идти дальше ради тебя. Прощай папа.

– Пойдем Милли... Он всегда будет рядом с нами...

Глава 9.

Годы спустя Милена вышла замуж и родила сына, Сергей всегда навещал ее и был рядом, он был ей как брат, который не щадил себя ради ее благополучия. Сергей стал монахом и помог заново открыть маленький храм, где он преподавал людям добро и самопожертвование. Он понял наконец, как стать счастливым и выкинуть из головы все тревожащее его зло. Сергей изменился, как изменилась и Милена за все эти годы и в один из дней они прогуливались по городу и обсуждали грянувшие перемены, произошедшие с их последней встречи. Они гуляли по центру, сквозь парки и скульптуры, проходили мимо широких проспектов, говорили на разные темы жизни, улыбались и чувствовали родство, сформировавшееся за то время что они провели вместе.

Вдруг они услышали звук на улице до того знакомый, что мурашки невольно пробежали по телу и сделалось как-то не по себе. Они переглянулись в один миг и двинулись к навстречу этому звуку в порыве непреодолимого любопытства.

То был мужчина играющий на флейте, и они увидели его издали, затем подошли ближе и начали слушать словно замороженные. Они слушали его мелодию и для них это был отголосок из прошлого который моментально завладел их вниманием. Сергей заметил, как изменилась Милена в лице и приобнял ее.

– Не переживай, это Иван Флейта играет нам оттуда и теперь, когда все хорошо, мы можем наконец насладиться его прекрасной песней.